

Михалевич С. И.

Хозяева Уральских гор

Михалевич С.И.

ХОЗЯЕВА
УРАЛЬСКИХ
ГОР

ББК 63.521
М 69

Автор книги «Хозяева Уральских Гор» Михалевич Сергей Иванович впервые прикоснулся к мансиjsкой тематике в своем творчестве в начале девяностых годов прошлого века. Путешествие по восточному склону Урала и таежная встреча с охотником — оленеводом Прокопием Бахтияровым были отправной точкой для его пятнадцатилетних исследований угасающего очага культуры представителей коренных национальных меньшинств — манси.

Геолог по образованию, романтик по призванию, натуралист по философии, автор собрал богатейший фактический материал по данной тематике и представил его в увлекательном повествовании.

Книга будет полезна школьникам старших классов, студентам экологам, историкам, этнографам, геологам, а так же широкому кругу любознательных читателей.

*В. Демаков
Исполнительный директор
Некоммерческой организации «Фонд поддержки заповедника «Вишерский»*

ISBN 978-5-9901758-1-5

© Михалевич С.И.

«Истоки, твоя малая родина, то место где ты появился на свет — все накладывает свой отпечаток на жизнь и судьбу человека» — учил меня старый Шаман, показывая своего совсем крохотного внутика — «С первых дней жизни, с материнским молоком, он начинает впитывать любовь к своей Земле. В начале его мир ограничен стенами избушки, затем пределами становища. Когда ему исполняется десять, ребенок вместе с взрослыми, вооружившись игрушечной копией лука, отправляется на свою первую охоту. Площадь его «квартиры» расширяется на десятки километров. И вот уже, «крылечко» — болотистая низменность ручья Пор, «прихожая» — нартовая дорога у подножья хребта Салатим, «чердак» — горная тундра передовых отрогов Молебного камня... Когда же он становится совсем взрослым оленеводом, его мир — это гигантская территория на сотни километров вдоль Урала. Он станет беречь ее всеми силами. А духи земли его предков будут помогать ему всю жизнь...»

Земля же Моих Предков в результате глобальных исторических катаклизмов, осталась на территории соседнего государства — Белоруссии. Но память о моем прапрадеде — святом отце Луке, прадеде — Луке Лукиче все же осталась жить в названиях окрестностей поселка Раубичи Минской области. «Лукашевское поле», «Лукашевская криница» и другие, — живут в памяти народной, как и церковный музей посвященный одному из основателей первой в Белоруссии церковно-приходской школы для детей. Равно как и о моем деде, сосланном «как враг народа» на Прикамский Север.

Эта же книга посвящается моему отцу,

МИХАЛЕВИЧУ ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ

— бережно сохранявшего родовую память, более сорока лет отработавшего на Пермском заводе имени Калинина, кавалеру ордена «Знак Почета».

А так же всем тем, кто несмотря на все жизненные перипетии не забыл, не бросил своих истоков, своей малой родины, Земли Своих Предков...

The Mansis In the Urals.

The author describes an unusual sequel of his first meeting with a mansi hunter Prokhopi Bakhtiyarov in the mountains of the North Urals. Getting to know the history of the mansis, which is carefully kept from generation to generation, inspired the author to search for and preserve further information about the mansis way of life and their faith called shamanism. An experienced photographer Victor Mukhanov, who is indifferent to travelling, accompanied the author in these research expeditions. Thus the contents of this book is based on the contacts with the inhabitants of these distant mansis settlements.

On the whole, the life of the mansis in the Urals is surrounded by a halo of mysteries. It seems to happen so because their national roots, mentality and folk character have not been studied deeply enough by nowadays historians. On the other hand, constant inner isolation of these nomadic tribes living in almost inaccessible regions let the Ural mansis keep their ancient originality, knowledge and culture unchanged in the course of time.

It was found out that, in contrast to their numerous Russianized kinsmen living on the territory of the present Hanti-Mansi Region, the Ural mansis managed to conserve their primordial specific features such as dialect, customs and traditions. This priceless information is contained by the oldest representatives of this folk, and one of them is Prokhopi Bakhtiyarov. Being the descendant of a princely reindeer-breeders kin, he is faithful to the memory of his ancestors recording a family tree, and he has never lost contacts with the rest of the mansis world. Thanks to him we could see unique wooden architecture of the mansis settlement which is just the same as it was centuries ago. The author could also watch the rite of giving presents to the gods of the tribe and hear legendary songs performed during sacred ceremonies. Besides, the names of the settlements, rivers, streams, mountains and valleys also tell us much about his legendary ancestors.

All these expeditions resulted in great satisfaction with the present exploration.

However, it is necessary to recognize that this huge stratum of spiritual heritage of the mansis has been irrevocably lost for the whole mankind. The latter especially refers to the mansis shamanism. So, we have to collect information about contemporary mansi shamans by tiny littles, that's why all the found data are of great value for an explorer. Once in the attic of an uninhabited mansi

house the author came across a small cult figure belonging to the shaman Nikolai Bakhtiyarov. There he also found a wooden box with old metal things among which there were green copper figures of animals. These godsends started a new period of intensive search for the traces of shamanism in «the land of the Ural mansis». And later the author was lucky to record the reminiscences of several old-aged mansis who still live in the settlement Treskolye situated on the river Lozva and the settlement Turvat located close to the sacred mountain Yalping-Nyor.

The book also contains the reminiscences about contacts with the orthodox hermit monk Gavriil and an elderly man Ded Alikhin named «the emperor of Kutim» as this ancient mansis area has become their native land for many years.

Sergei Mikhalevich

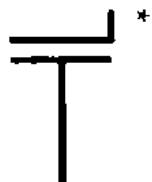
Kirjailija Sergei Mihalevich «Sinisen vuoriston isännät» kirjassa kertoo Uralvuoristossa asuvien mansien kielestä, historiasta, perinteistä, aineellisesta kulttuurista ja heidän asuma-aloista sekä käsittelee mansikielen tilannetta nykyäikana. Matkustamalla Pohjois-Uraliin autor tutustui mansilaisen metsästäjäään Prokopi Bahtijaroviin, joka avasi kirjailijalle mansien maailman. Mansi ruhtinoiden suvusta metsästäjä näytti vieraille Mihaliville ja hänen matkatoverille valokuvaaja Viktor Mukanoville oma suvu paul'in Kimg-Chupa-Paul nimeltään. Erotukseksi Sipeerian mansilaisista Urali mansit onnistuivat säilyttää perinteitä, uskontoa ja mansi kielen Lozva murretta aivan hyvin.

Mihalevich kertoo mansilaiselintavoista tutkija näkykulmasta. Syynä sille, ettei ole ennen sitä Uralin mansien kulttuuri kunnola tutkittu. Hän yritää luoda ymmäristää mansilaisten ja venäläisten välillä kertoakseen tarinoita ja muistoja, jotka on keränyt matkan ajan. Kirjassa myösken on sisetty mäletiseja «Kutimin keisarin» Alikin-avasta ja ikontehtelisesta nimeltään Gavriil, joille ikivanha Mansimaa on tullut kodiksi.

Sergei Mihalevich

- ... Пляши Никола, в бубен бей,
Злых духов отводи,
Пока костер твой не погас
Во всполохах зари
И духи чтоб хранили нас
И наши очаги,
Возьми для жертвенных дерев
Лоскут моей души...
- ... Шаман последний, в бубен бей,
Пусть взвизгнет тетива,
Которая связала нас во всполохах огня,
Которой имя просто — жизнь,
Как в песне глухаря,
Богам мансийским помолись,
И выведет стезя...
- ... На Молебном хребте изумительна синь,
Да нездешняя грусть вечно-снежных седин,
Возвращаюсь к тебе, как в закланье вершин,
Ты, Молебный, мечтой и мольбою храним.

А. Я. Рыбальченко

ПРОКОП КИМГ-ЧУПА

*«... где Небо сходится с Землей,
Как Мгновенье с Вечностью,
Божественность с Человечностью»*

Ю. Шесталов. «Север-откровение»

...Держу в ладонях тяжелую желто-зеленую бронзовую фигурку бегущего лося и опять вспоминается эта история. Она началась почти двадцать лет назад и волею судьбы получила совсем непредсказуемое и удивительное продолжение в наши дни. История, соединившая наш суматошный век технического прогресса и все предшествующее ему, далекое и загадочное время, в рамках одного крошечного района Уральских гор.

Иногда мне кажется, что самые главные события минувших веков происходили именно здесь, на живописных берегах Лозьвы, Тошемки, Сосьвы, Вишеры, Колвы и в предгорьях Северного Урала.

И кто знает, кто сможет сказать, закончились ли они или только начинаются? Кто же даст ответ? Наверное, будущие поколения исследователей, не побоявшиеся пройти затерянными тропами в горах, штурмовать пенистые реки, топкие болота и т. д. Те, кому будет интересно изучить сохранившиеся остатки прошлого и своими глазами увидеть настоящее. Необычность исследования и в том, что новые знания и факты, только увеличивают количество вопросов, новых целей и новых маршрутов, ра-

---

* Расшифровку знака смотри на стр. 138

стущих в геометрической прогрессии. И в какой-то миг начинаешь понимать несоизмеримые масштабы твоего интереса к истории и быту, мифам и легендам мансиjsкого народа и ничтожное количество времени отпущеного человеку.

Хотелось понять еще одну, может самую важную сторону бытия таежного народа — его самосознание, мироощущение. У лесных отшельников, всех кто связан с долгим пребыванием «в природе» оно совершенно другое. Тема очень тонкая и деликатная. Можно узнать расположение звезд, создать новые технические механизмы, освоить и изучить космическое пространство и т. д. Но ни разумом, ни другими способами не понять стихию человеческого духа, замкнутого внутреннего мира, существующего параллельно привычному материальному.

...Тяжелый металл приятно холодит руку, поблескивает на солнце, своими шагреневыми боками сохранив тепло и энергию множества рук отполировавших края. Уносит в дебри горного Урала на берег святой реки Вижай, что берет начало из снежников крутого восточного склона Молебного камня на территории современной Свердловской области. В загадочный край свердловских манси, в истоки Лозьвы, Вишеры, Печоры, на горы Отортен, Хой-Эква, Маньпупунер.**

...А начиналось все по обыденному, просто и незатейливо. Где-то в девяностых, мне с другом случилось слегка запутаться в паутине заброшенных лесовозных дорог под горой Чистоп. Нашей целью тогда была вершина Молебного камня Ойка-Чахль. Нам хотелось своими глазами увидеть те загадочные и сверхъестественные явления, о которых рассказывали в те годы многочисленные газеты.

С зарождением свободной прессы, на читателя хлынул целый поток сенсационных статей о природе Урала, загадочных событиях случавшихся на его территории.

Темы — совершенно разные, от древних кладов до летающих тарелок и полтергейста в наши дни.

Утверждалось, что очевидцы видели в разные годы светящиеся шары, парящие над вершиной Молебного камня, чувствовали магнитные аномалии на подступах, проявления искажений времени и силы тяжести и прочую чертовщину.

Некоторые авторы склонны были видеть в происходящем происки

** Названия вершин даны по современным топографическим картам выпуска 1990–2000 годов. Однако по заключению многих исследователей топонимики и самих коренных жителей, не всегда данные названия являются истинными. Более подробную информацию читайте на странице 138

мансиjsких духов, не пускающих людей на святые вершины Ойка-Чахль и Эква-Чахль — вершина мужского и женского божества. Позднее мне и самому довелось услышать историю о запрете для посещения этих мест чужими — русскими, а также и манси, не имеющим принадлежности к княжеским родам. А еще раньше, как гласят легенды, только шаманы-хранители могли несколько раз в год посещать эти места.

Вообще места очень таинственные и загадочные ожидали нас. Наша маленькая экспедиция затевалась с целью поиска и проверки необычных явлений, была снабжена приборами для замера радиационного и магнитного фона на склонах хребта.

И вот, окрестности горы Чистоп, самое начало нашего маршрута к загадочной вершине Северного Урала.

Походный июльский день подходил к концу, темнело. Лесовозная дорога уперлась в болотистый берег речки Тошемки, вокруг стеной сплошной бурелом. В воздухе звон от туч комарья и гнуса. Накрапывает мелкий противный дождик. Вот повезло! Решено встать на ночевку. В такую погоду чертовски приятно растянуться в сухой палатке.

Все как всегда по вечерам в тайге. Мышцы блаженно ноют от усталости, в голове отрывками проносятся впечатления пройденного пути. Кружечка горячего крепкого чая ненадолго будоражит расслабленный организм — красота! Обсуждаем планы следующего дня.

За промокшим пологом палатки разворачивается непривычный для городского жителя живой пейзаж. Множеством шорохов, шумов, жизней, таинственного дыхания — так волнуется заколдованный вечерний лес.

В густеющих сумерках, на болоте показались две белые лайки, а за ними низенький человек в болотных сапогах, старом армейском кителе от парадной формы, на котором желтыми огоньками блестели желтые пуговицы. За спиной охотника наблюдалось ружье и подобие станкового рюкзака, рамой в котором служила согнутая подковой ивовая ветвь и берестяной экран, с кожаными лямками. На поясе охотника висел патронташ из кожи необыкновенного зверя. Походка человека была размеренной и быстрой. Через минуту он стоял рядом.

Незнакомец представился — Прокопий Бахтияров. Что-то было в этом человеке с первого взгляда внушающее доверие и уважение. Маленький рост, характерное мансиjsкое лицо, этакий уральский Дерсу Узала. Мы и не догадывались, что судьба свела нас с хозяином здешних мест, представителем древнего рода Бахтияровых.

Узнав о цели нашего путешествия — «Забраться на Молебный», он не без горечи заметил: «Однако не в те места вы ребята полезли. Туристы ходят гораздо южнее. Сюда же редко кто забредает. Можете так запутать —

за месяц не найдут. Я вам покажу прямую тропу на Молебный, через день выведет прямо к подножью. Но до вершины вы вряд ли подниметесь, уже месяц все затянуто дождями, видимость несколько метров, ручьи все переполнены. Я туда идти не советую».

Объяснив как обнаружить тропу, он пригласил посетить его недалекую избушку. И так же быстро, бесшумно исчез в чернеющих дебрях. «Вот это сюрприз!» — подумали мы. А ведь вовремя его встретили, завтра точно бы сбились с пути.

Следующий день нас встретил уже привычным для нас затяжным дождем. Решив ни минуты не тратить на посторонние дела, мы резво двинулись по маршруту. Через день пути, как и обещал лесной следопыт, вышли к подножью. Все вокруг тонуло в грязно-серой воде дождя — и высокое разнотравье альпийских лугов, и одинокие по сказочному корявые березы, и россыпи камней, покрытые лишайниками. Самое время для ночевки.

Зато утром поистине свершилось чудо. Утро выдалось веселым, оно ворвалось в палатку ярким, ослепительным солнечным светом. Несмотря на столь ранний час горы, вокруг искрились, играли разными цветами на фоне чистого безоблачного неба. Таинственная, застывшая тишина, поглотила пространство вокруг, подчеркивая торжественность момента. Пожалуй, именно ради таких минут стоит жить на этом свете.

В прозрачном воздухе Молебный камень уже издали имел очень впечатительный вид: гора представляла собой несколько кубических километров рассыпанных в беспорядке глыб, от гигантских до самых маленьких, они образовывали своеобразные ступени, высотой в десятки метров, восходя к пологой вершине. Местами белыми языками сверкали живописные снежники. Красота...

Из-под снега и льда маленькими водопадами с миллионами алмазных брызг выбегали ледяные ручьи. На дне глубокого каньона, из развалов зеленоватых серицитовых скал, зарождающаяся река выносila на поверхность запах земных глубин. Местами слоистые пачки серицита сминались в причудливые складки, покрывались беспорядочной сеткой белоснежных кварцевых жил. В сахаристом твердом кварце, временами выглядывали кристаллики прозрачного хрусталя, а то и капельки золотоносных сульфидов.

А еще ниже ручей вбирал в себя сотни других, таких же шумных ручейков, рос и ширился. Уже в узких заводях бежала мелкая рябь, скрывая под собой каменное разноцветье речного дна. Далее по берегу, торчали из воды отполированные временем глыбы, они сильно вдавались в реку у подножья первого переката, заставляя поток пенится и реветь.

Как-то неуверенно чувствуешь себя в этих забытых местах. Человек не оставил здесь следов жизнедеятельности, ни дорог, ни кострищ, вообще

ничего. Лишь изредка, на маршруте — то мелькнет на далекой вершине каменная пирамида — тур, то одинокая вешка на перевале, оставленная когда-то оленеводами.

Духи старых гор подарили-таки нам прекрасную погоду, которая, впрочем, исчезла через несколько дней, как только мы спустились с горы в долину реки Вижай. А может, это наш новый знакомый попросил своих богов посодействовать нам? Ведь потом, до самого завершения похода в Ивделе, не было ни одного ясного дня и частенько не переставая лил дождик.

В девяностые годы мы хотели увидеть что-либо подлинно мистическое, но при этом доверяли только фактам. На маршруте мы не встретили, к сожалению, ничего аномального. Или же оные проявления носили неведомый сезонный характер, и не показались нам.

Из всего необычного в том походе запомнились два эпизода. Внезапно наступившая ясная погода на Молебном камне и внезапно возникшее чувство, что кто-то неотступно наблюдал за тобой, во время нескольких переходов в районе горы Ху-сойк. Но чувства, как говорится, «к делу» не пришьешь.

Но это еще не все. На одной из бурных рек, рождающихся в глубоких горных каньонах восточного склона Молибного хребта, мы случайно обнаружили здоровенный дом.

После недельного путешествия в горах, тяжелых спусков по россыпям курумникам, блуждания по заросшим вырубкам, словно из сказки появилось видение.

В золотых вечерних лучах стоял на высоком берегу могучий сосновый бор. До него широкой стрелой от берега вела просека, в конце которой виднелся терем-теремок.

После долгих скитаний, не сговариваясь, мы свернули к нему.

По мере приближения нашему взору открывалась необъятная поляна, вмещающая в себя кроме дома еще и несколько скособоченных сараев, вросших в землю на метр, колоритных амбарчиков на курьих ножках, загонов для оленей. Прилегающая к дому территория была чистой и ухоженной. А все окружающее пространство наглухо заросло иван-чаем и крапивой в рост человека.

Больше всего, конечно, взгляд притягивал здоровенный домина с черной крышей из тесаных досок. На низких дверях, к нашему большому сожалению, висел замок. С невысокого крылечка, открывалась просто неописуемая по своей красоте панorama окрестных сопок, которых уже слегка коснулся вечерний сумрак. Большущей темно-зеленой скалой в багровых закатных тонах возвышался Молебный.

...В такие минуты, не хочется ни о чем думать. И сам словно раство-

ряешься в этом бесконечном зеленом океане...

Человеческое жилье, пусть и временно пустое, внушало уверенность и спокойствие после долгих скитаний в совсем уж безлюдных местах. С другой стороны, возникло впечатление прикосновения к чему-то загадочному, неизвестному, существующему давно и параллельно нашему миру. От чего нетерпеливо затрепетала душа, хотелось поскорее рассмотреть, изучить, куда же нас занесло.

С первого взгляда было ясно — мы попали в настоящее стойбище манси-оленеводов. Возле дома виднелась сложенная из камней, обмазанных глиной, большая печь-духовка. Ее черное зево приглашало замесить в берестяном туесе тесто, испечь вкусные лепешки. Весь первобытный ее вид уносил воображение куда-то в глубь веков.

Рядом возвышалась замшелой горкой куча переплетенных истлевших оленевых рогов. Под крышами амбарчиков висели оленьи, лосиные шкуры, какие-то приспособления, одежды. На всем лежала печать запустения.

Наконец-то отыскался ключ от замка — среди досок на крылечке, и мы смогли проникнуть внутрь. Воспользоваться отсутствием хозяев и переночевать под крышей — это даже не обсуждалось. Да простят они...

Дом приятно поразил нас своим убранством и количеством помещений и комнат. В пристроенных сенях расположились склад и мастерская. Здесь царил творческий хаос — инструменты, бутыли с бензином, маслом, шкуры, запчасти, капканы, непонятные деревянные приспособления и т. д. В самой горнице, у дверей, большая печь — чувал, плотно обложенная речными камнями и за ней на стене умывальник.

В углу, диван старинной ручной работы, непонятно как очутившийся здесь. Сверху его покрывали серые, порядком засаленные шкуры. В правой половине дома, во всю стену, две темных комнатки, очень похожие на купе поездов дальнего следования. Внутри комнаток совсем темно, лишь различаются двухэтажные нары с белыми оленевыми шкурами. Каждая из комнаток отделена яркими цветастыми занавесками, символически отделявшими женскую и детскую половину от остального дома.

В западной, самой светлой стороне, располагалась еще одна комната, имевшая довольно экзотический вид. Она была похожа на рабочий кабинет какого-нибудь ученого или писателя. Здесь стоял необъятных размеров стол, покрытый черным дерматином. На нем имелись письменные принадлежности: перо, чернила, подсвечник из куска полированного березового гриба — капа, все, казалось, находится тут уже лет двести. Напротив стола самодельный книжный шкаф и сваленное под ним разнобразное снаряжение. А вот, пожалуй, и самое интересное — стена, сплошь увешанная ветхими фотографиями! На снимках вся жизнь мансиjsкого

рода Бахтияровых! Сомнений не осталось, жилище принадлежит этому известному мансийскому роду. А хозяином кабинета являлся в последние десятилетия Николай Бахтияров. Его в уральской прессе частенько называли последним шаманом Северного Урала. Наш давний знакомый, геолог Игорь Борисович Попов, частенько рассказывал о нем и об этих замечательных местах — когда-то невдалеке располагалось база Мойвинской геологической партии, которой он руководил. Геологи отряда И. Б. Попова участвовали в строительстве дома этого (Н. Я. Бахтиярова) и других домов. «Никола» — как называли его геологи, работал проводником, извозчиком, был незаменимым помощником и знатоком этих мест.

Со времени смерти хозяина минуло немного времени. Его отсутствие угадывалось по разбросанным вещам, книгам, письмам. О письмах нужно упомянуть особо, на полках громоздились десятки писем, каких-то фотографий, чертежей... Поразительно, что человеку, жившему в такой глухомани, писали люди с многих городов СССР. Мы не решились без разрешения потомков Николая «скомплектовать» старинные уникальные фотографии и письма. А качественно снять фотокопии с нашей техникой мы не могли. Мы оставили раритеты на их прежнем месте, с сомнением в их будущей судьбе.

Сиротливо выглядят пустые нары, укрытые сверху вышарканной местами до дыр, лосиной шкурой. Стена завешанная ковром с пестрым восточным орнаментом, рога годовалого олененка, связки полосок высоких шкурок на веревочке, керосиновая лампа, масса других полезных вещей — все здесь говорит о прошлом. Кажется, вот сейчас скрипнет входная дверь, пошаркают усталые шаги и появится он, человек-легенда, человек-эпоха. Но молчат застывшие на тесном подоконнике часы. Время здесь остановилось...

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ...

Теперь обратимся к предыстории вопроса.

Вообще, все присутствие манси на Урале окружено ореолом загадок и тайн. Кажется, причиной тому может служить малая изученность этой темы, плохое понимание современными исследователями истории и национального менталитета народности. Люди, проживающие в труднодоступных местах, на протяжении многих веков оставались закрытыми для изучения: Что позволило сохранить в значительной степени древнюю самобытность, знания и культуру.

Среди ученых нет единого мнения о точном времени образования мансийского народа на Урале. Считается, что манси и родственные им ханты, возникли при слиянии древнего угорского народа и коренных уральских племен около трех тысяч лет назад. Угры, населяющие юг Западной Сибири и север Казахстана, по причинам климатического изменения на земле вынуждены были кочевать на север и дальше на северо-запад, в район современной Венгрии, Кубани, Причерноморья. Несколько тысячелетий назад племена угрев-скотоводов пришли на Урал, перемешавшись с коренными племенами охотников и рыболовов.

Древнейший миф коренных уральцев, возникший, по некоторым исследованиям, примерно в 4–6 тысячелетии до нашей эры, повествует о ныряющей птице гагаре. Птица, посланная верховным богом Номи-Торумом, нырнув, достала со дна океана комок ила, потом еще. Комок постепенно увеличивался, сначала до размеров кочки, потом острова. На десятый день все стало землей.

Все это вполне согласуется с древними геологическими процессами происходящими во времена образования Уральских гор. В результате

оных океанское дно поднялось на высоту нескольких километров. Сейчас эти породы слагают часть горных массивов Урала.

В результате слияния угров и уральских племен, образовалось два народа — манси, которые занимали Урал, Приуралье, бассейн Камы, Зауралье, и ханты — среднее и нижнее Приобье.

Впоследствии, примерно с десятого века нашей эры, начался период постепенного вытеснения манси с занятых территорий. Вначале племенами коми-зырян, теснивших манси из Приуралья, затем начавшееся русское освоение Урала и Сибири окончательно определило современные границы проживания мансиjsкого населения. Процессы протекали медленно и сложно. В русских летописях мы находим упоминания о ряде неудачных походов русичей в Югру. В 1032 году дружины под предводительством Улеба попытались взять дань с Югры. Через 60 лет состоялся еще один неудачный поход новгородца Роговича, в котором его войско было полностью разбито. В 1193 году поход новгородца Яврея так же закончился поражением.

В те дремучие времена, мансиjsкие племена назывались vogулами (от слова коми-зырянского слова вэгул — дикий). Еще племена пельмских манси ошибочно называли остяками, т.е. хантами. Постепенно vogулы, проживавшие на Урале и в Предуралье, носившие одежду из шкур и «рыбьих кож», поклонявшиеся деревянным истуканам, втягиваются в оживленные торговые отношения с русскими.

Позже, в 15–16 веках, русские все же частично завоевали мансиjsкие земли. Манси обязали платить ясак, по соболю с человека в год. Взамен государство предлагало защиту от нападений других врагов с востока. Дальше, как говорится, — больше. Многочисленные сборщики податей без должного контроля, принялись всячески наживаться на аборигенах — утаивать деньги и пушнину, вести «двойную бухгалтерию», выжимать «Подарки в почесть государя». Манси рассеивались по земле, уходили в глубь зауральских лесов, но и там их настигали предпримчивые купцы и миссионеры. На своих же исконных землях оставались лишь малочисленные семьи бывших многолюдных родов.

Власти поначалу довольно лояльно относились к древней языческой вере. Первые крещения манси походили на праздник, им дарили богатые подарки, просили впредь поклоняться лишь русскому Богу и подальше спрятать своих... Такое действие произошло на Чусовой в 1603 году (Сборник Пермского земства 1874 г, 1873 г.).

Наверное, с этого времени у некоторых мансиjsких родов русские боги постепенно стали играть роль добрых духов-помощников. В языческие праздники им на иконах мазали губы кровью, подносили только что вырезанное из жертвенного оленя сердце, наливали чарку водки, подноси-

ли сладости... Как проявление этого можно расценивать единичное строительство ура-сумьяхов (культовых амбарчиков, жилищ семейных богов-идолов), совершенно уникальных по своей архитектуре. Именно такой сумях сохранился на реке Хулюм. Он имеет семигранную форму и имитирует православную шатровую церковь с луковичной главкой.

Петр I-й издал указ «О добровольном крещении иноверцев». Иную позицию заняла православная церковь. Особенно жестким в этом вопросе был тобольский митрополит и «сибирский апостол» Филофей Лещинский. Под его руководством началось тотальное искоренение язычества и насаждение христианства. Летом 1712 года, насилино окрестили около 3000 вогулов на Оби. В 1715-м — кондинских манси (живших на притоке Оби реке Конде). В 1751-м году вишерских, в Старых Сыпучах. Одновременно уничтожались чуждые иноверческие реликвии. Так в 1723-м году громадное число домашних болванов собрано и сожжено русской администрацией в Березове (деревянные и железные идолы). Но насаждаемая христианская вера упорно не приживалась. Несмотря даже на то, что крещенные манси стали освобождаться от уплаты ясака сроком на год. Уничтоженных болванов аборигены простить русским не могли. Искоренение язычества продолжилось и в советское время, с точно таким же результатом. Некоторые отголоски проведенной «разъяснительной работы» сохраняются и сегодня. Автору довелось видеть на похоронах манси, как на могилке ставят низенький крест, который символизирует, что человек «немножко» верил и в русского Бога.

Главным следствием этого явился перенос открытых мансиjsких святынищ, располагавшихся в поселках — паулях в глухие таежные места. Как показало время, православие на Севере Урала и Сибири не прижилось. Манси, как и прежде, посещали капища, почитали как местных духов, так и общеплеменные божества. Формально же они в общей массе были крещеными и носили русские имена.

По большому счету, так продолжается и по сей день. От могущественного в прошлом народа осталась совсем небольшая кучка людей, обитающих в труднодоступных местах горного Урала. Бывшие хозяева Уральских гор, оставшиеся теперь без охотничьих угодий, без рыбы, леса, а теперь и без помощи государства, проживает отшельниками в одиноких «юртах» или, говоря чиновничим языком, — «в компактных поселениях». Но древняя языческая вера продолжает жить несмотря ни на что.

...Начиная с 15 века, численность коренного населения стала сокращаться.

В начале опустели территории Волго-Вятского района, ведь с этими племенами некоторые исследователи (А.Ф. Теплоухов и др.) отождествляли находки «медных коньков»: древних, литых металлических предметов в

«чудских ямах» Вологодской и Вятской области. О западных границах распространения бывших уральских племен свидетельствуют многочисленные археологические находки, обнаруженные далеко за пределами современного Пермского края.

Затем пришла очередь и Западного склона Урала.

«... По-видимому, древнее vogульское население было рассеяно спорадически по всей территории Пермской губернии. Об его присутствии можно судить по названиям местностей, уроцищ, рек», — писал в 1900 году И. Н. Глушков. Многочисленные речки — Vogулки, Шайтанки, селения Vogулята, Няры, уроцища и мансиjsкие названия прочих мест, так или иначе сохраняют память о бывших уральских аборигенах.

В преданиях упоминается об «остяцком» племени проживавшем в устье реки Мулянки, в черте современного города Перми. Миссионер, действовавший в духе Стефана Великопермского — преподобный Трифон, безнаказанно сжег громадную ель, под которой молились аборигены. Племя ушло на восток.

Бассейны рек Камы и Чусовой так же в течение многих столетий являлись кровавой ареной в битвах аборигенов с пришельцами. Эти события упоминаются в Пермских летописях. В 1193-м, затем в 1323–29-м годах югорские и пермские князьки поднимались против власти новгородцев. Вишерские vogулы учинили мятежи в конце 14 века. В 1505 году, vogулы проживавшие по берегам Вишеры были переписаны и «положены» в ясак. Однако, с 1531 года волнения продолжились.

В 1679 году в Чердыни и во всем уезде, насчитывалось 3279 дворов и изб (в том числе пустых) — в основном там проживали ясачные vogулы и остяки. Как писали очевидцы того времени, «это были не прежние воинственные люди, а скорее нищие».

В это же время происходит ряд массовых национальных волнений. В 1609-м, 1617-м годах русская администрация раскрывает заговор против царя. В 1662-м году манси участвуют в «башкирском» восстании. Но все тщетно, положение оставалось критическим. В 1698-м году ясачные манси из села Морчаны жалуются царю о захвате русскими купцами родовых угодьев по реке Вишере (с 1678 года граница между vogулами и русскими проходила по селу Морчаны). В поселениях и юртах царит голод и мор. Некоторые семьи «сбредли в сибирские неведомые уроцища на кормовые места. Иные, вместе с женами и детьми, выходят с Вишеры к Чердыни для кормления».

Исключением, пожалуй, остаются лишь кочующие в труднодоступных местах горного Урала семьи оленеводов Бахтияровых. О них будет особый разговор.

Два вымирающих мансийских селения остаются и на Чусовой. Это деревни Бабенки и Копчик (52 и 110 человек — в 1873 году). В 1874 году Мамин-Сибиряк напишет: «обитатели этих чусовских деревушек для этнографа представляют глубокий интерес, как последние представители вымирающего племени... Племя рассеяно по Уралу отдельными кустами и чахнет по местным дебрям и трущобам в вопиющей нужде».

...Обратимся к истокам язычества, в темные дебри веков. Древний народ некогда разделялся на две группы, называемые по научному фратрии. Одну составляли угры-пришельцы — «фратрия Мось», другую аборигены-уральцы — «фратрия Пор», называвшие себя пупыг сир («медвежий род»). По обычью, сохранившемуся до наших дней, браки должны заключаться людьми из разных фратрий. Происходило постоянное смешение людей, для предотвращения вымирания нации.

Каждую фратрию олицетворял свой идол-зверь. Предком Пор — был медведь (Ялпус-Ойка), а Мось — женщина Калташ (Калтась-Эква), проявляющаяся в образе гусыни, бабочки, зайчихи. Люди народа Пор (Пор-махум), считали своими родственниками лесных духов-великанов менков. Донасдошли обширные сведения о почитании родовых зверей-предков, запрете охоты на них. Например, в прошлом у некоторых манси существовало ритуальное поедание зайца. Так же заяц был популярным мотивом и в орнаменте, его голову вырезали на ложках, рукоятях весел, на концах стропил, поддерживающих кровлю дома.

Восстановлением, изучением и почитанием родовых корней занимались шаманы, верившие в унаследование людьми знаний своих предков-зверей. Все имена, которыми называли детей, согласовывались посредством общения шамана с духами. Ведь каждое имя имеет под собой некую тотемическую силу — название древнего животного растения или их атрибутов. Считалось, что с именем человеку передаются качества этого тотемического персонажа. Взамен человек должен всячески охранять и беречь род своего животного или растения, сохранять его, поклоняться ему. Только во время специального ритуала допускалось поедание кусочков тотемического животного или растения, для восстановления утраченных за долгое время сил, и тогда с ними человек получал силу и энергию этого животного.

В основе знаний древних шаманов — нераздельная связь Человека и Природы. Все что делает человек — отражается на окружающей природе и наоборот. События происходящие во Вселенной, накладываются на человека и оказывают влияние на его судьбу. Почтительное отношение к миру Природы позволило племенам уральских манси тысячелетиями жить без отрицательных последствий для себя и окружающей среды. Одной из глав-

ных задач главы рода и шамана во все времена являлось поддержание равновесия в природе и обществе.

Позже появились священные обряды, «медвежьи праздники», смысл которых состоял в прошении людей снять с них вину при удачной охоте на медведя. Такая добыча обеспечивала питанием, одеждой, лекарствами на долгое время несколько семей. Так же проводились и другие очищающие обряды, на которые приглашались люди соседних селений. Жители собирались в доме охотника на праздничное пиршество. Медведю отводилась главная роль, имда — голова и шкура укладывались в доме на почетном месте. Перед имдой ставилось угощение, подарки — куски ткани, монетки. Праздник продолжался от 3 до 7 дней. Пели песни, рассказывали сказки и охотничьи истории, танцевали сцены из охоты. Все участники обряда целовали медведя, женщины через платок. В конце праздника мужчины разделяли голову, варили ее и ели отдельно от женщин и детей. Череп хранили в священном сундучке или сумьяхе, иногда хоронили вместе с костями в лесу.

Манси верили, что у человека несколько душ, у мужчин пять, у женщины — четыре. Верили, что в длинных волосах, что носили мужчины-богатыри и шаманы, заключается главная сила и живет душа. Человек, лишенный волос — терял мужскую и охотничью силу. Души после смерти имеют разную судьбу. Одна из них навсегда остается на земле, становясь одним из духов предков. Родовой дух не теряет контакта со своими потомками и другими родственниками, становясь защитником и помощником. По прошествии времени, примерно от года до нескольких столетий, духи уже не находятся поблизости от пауля, но тем не менее участвуют в оказании помощи живущим. Они находят себе естественные пристанища — скалу, дерево, родник и т. д. Буквально еще несколько десятилетий назад манси на Вижаке сооружали для духов предков специальный амбарчик. Маленький, меньше метра, на высокой ножке, он служил их пристанищем, и по мере необходимости дух призывался на помощь. Таким образом, дух предка навсегда оставался в наземном, «среднем» мире. В «ранишнее время», до Потопа, согласно манской мифологии, миров существовало целых семь.

Вторая душа отвечает за способность поддерживать жизнь в теле, дышать и двигаться. Она воплощается в одном из потомков человека, после смерти которого возвращается в виде птицы на Дерево Мира. То есть живет в «верхнем» мире.

Третья (улум ис — «птица сна») составляет личность человека и содержит коллективные знания предыдущих поколений. Она находится в «нижнем» мире и между воскрешениями иногда возвращается в наш мир в виде призрака, наверное, чтобы повидаться с родными. Так же она представля-

лась в виде глухарки. Человек начинает мучиться бессонницей, если душа покидает его надолго. В связи с этим, манси вырезали на спинке люльки изображение птицы сна, веря, что душа задержится на этом рисунке.

У каждой фратрии на протяжении долгого времени существовало свое центральное молебное место. Одним из них является святилище на реке Ляпин. Там собирались люди с множеством паuleй по рекам Сосьва, Ляпин, Обь.

Одним из самых древних святилищ, дошедших до наших дней, является Писаный камень на Вишере. Оно функционировало долгое время 5–6 тысяч лет, в эпохи неолита, энеолита, средневековья. На почти отвесных скалах охотники рисовали охрой изображения духов и богов. Рядом, на многочисленных природных «полочках», складывали подношения — серебряные пластинки, медные бляшки, кремневые орудия. Археологи предполагают, что в рисунках зашифрована часть древней карты Урала. Рядом, чуть ниже Камня Бычок, в пещере Темная, еще один интересный объект — жертвенное место. В глинистом «полу» обнаружены кости, глиняный жертвенный кувшин с орнаментом, костяные предметы и даже бронзовый идол, изображающий фантастическое существо. У древних уральских охотников духи-покровители изображались в зоантропоморфном виде — птиц, животных, мифических существ. В бронзовых фигурах пермского звериного стиля над головой человека изображается голова животного, что говорит о двойственной природе тотемического предка.

Вообще, почти в каждой известной пещере или гроте Урала располагались стоянки древних людей. Большинство из них уже изучены, но некоторые еще хранят под спрессованным глинистым «одеялом» останки первобытных костровищ, каменеющие кости, бронзовые фигурки. Древние святилища разбросаны по обоим склонам Урала, от Печерских пещер (Каненская, Медвежья, Уньинская и др.) до пещерных стоянок по реке Белой на Южном Урале.

В пещере камня Дождевого на Чусовой, обнаружено погребение важного шамана неолитического времени. Его одежда состояла из меховых штанов, куртки и сапог. На рукавах куртки нашиты локтевые и плечевые кости северного оленя. Сапоги украшены нашивками костяных подвесок в виде уток. С внутренней стороны сапог нашиты две хорошо отполированные каплевидные подвески из кости. Пояс украшали 73 зуба выдры и резцы бобра, символизирующие духов нижнего мира, с которыми «работал» древний шаман. На меховом головном уборе нашит лисий клык. Рядом с шаманом лежал костяной гарпун и каменный нож в специальном кожаном мешочке, фрагменты ритуальной керамики. В погребении рядом с ним находятся находились останки женщины.

Уникальным является святилище в камне Дыроватом на Чусовой.

Оно функционировало во все археологические эпохи, начиная от верхнего палеолита, кончая поздним средневековьем (примерно 14 тысяч лет!). Там найдено очень много наконечников стрел (в том числе и бронзовых с орнаментами), около пятидесяти предметов культового назначения (бронзовые подвески, серебряные монеты, кристаллы горного хрусталия, окаменевший стебель морской лилии). Вход располагается на отвесной скале и по форме напоминает раскрытый рот гигантского каменного идола. Проплывающие мимо вогулы стреляли из лука ритуальными стрелами с подношениями. Предполагается, что данное святилище принадлежало целой группе мансиjsких племен.

Стоит упомянуть костище в Чаньвенской пещере на реке Яиве. По рассказам очевидцев, у входа виднелись громадные кучи полуистлевших костей принадлежащих животным различных исторических эпох. Уникальными среди них оказались кости пещерного медведя.

Н. Е. Ончуков, в поездке по Вишере, Колве и Печоре, упоминает об обрушившейся пещере в пяти верстах от пещерской деревни Собинцы. «В устье пещеры я насчитал до семидесяти совсем белых, никогда не бывавших в земле, очевидно вываренных черепов лошадей и других мелких животных. Черепов здесь было гораздо больше, но часть увезли бывающие здесь чиновники, часть сбросили в воду крестьяне. Черепа оттого, что в пещере до последнего времени манчи (вогулы) собирались на моленье. Теперь они эту пещеру смешили на другую выше по реке, непосещаемую русскими людьми».

Известно крупное культовое место на Чусовой, где рядом с могилами предков стояло множество (несколько десятков) идов усыпанных подарками. В центре — священная лиственница с вырезанным орнаментом. До разорения капища русскими в 17 веке оно несколько веков служило местом паломничества манси Предуралья. Как гласят предания, уже после установления власти Строгановых район неоднократно подвергался набегам мансиjsких племен. Упоминается мансиjsкий князь Беглебий, перешедший хребет и разоривший, выжегший и разграбивший множество русских поселений возле Чусовского Строгановского городка и Сылвенского острожка.

Необходимо упомянуть и о так называемых мансиjsких княжествах 12–17-м веках, объединявших по 30–50 человек. У князя имелись рабы, много жен, красивое оружие, железные доспехи.

Существовали свои районные диалекты по месту расселения родовых групп, большинство из которых уже утрачено. К ним относится, например, — чердынский, чусовской, кунгурский и др. Сами же представители «манси махум» — мансиjsкого народа себя называли по-разному. Например, верхнесосьвинские называли себя — «али магт мансит». Княжества частенько воевали друг с другом за лучшие земли и охотничьи угодья. На-

чалом войны служила «рассылка» священной стрелы, с изображением одиннадцати шайтанов — специальный обряд призыва к войне.

Отличительные атрибуты князей — «кумиры» — стояли посередине поселений-городков. В более позднее время их переместили в глубь тайги. Так в городище Ляпин стоял двухметровый Нонт-Торум (Бог Войны), спрятанный позже на реку духов — Пупыя. В состав большого Пельмского княжества входили несколько княжеств поменьше — Сосьвинское, Кондинское, Табаринское.

Сосьвинское княжество, в состав которого входили манси по рекам Сосьва, Лозьва, Вижай, в 1689 году насчитывало 400 человек. В конце 17 века оно утратило «политическое» влияние, но сохранило статус религиозного центра горного Урала, объединяя vogulov и остяков по нижнему течению Оби.

В 12-м веке новгородцы договорились с военным предводителем Пельмского княжества о взаимовыгодном обмене и защите от врагов.

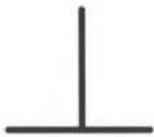
В 15 веке отмечается усиление влияния Русского государства в Западной Сибири. Издаются грамоты о защите vogульских поселений от набегов коми-зырян. Одновременно растут поборы со стороны Москвы. С родов и одиноких охотников берется ясак — пушнина и рыба. Его собирают старшины из местных или нарочные люди, русские волостные. У тех, кто не платит, отбирают оружие, оленей, дорогие предметы. Попытки мансиjsких князей вернуть былое влияние жестко пресекаются. Так в результате похода князя Курбского было завоевано около 40 городков — поселений, взято в плен 58 князей, около 1000 воинов.

В 17 веке фиксировались стычки манси и ненцев из-за земли. Победители брали в плен женщин и детей, воинов-охотников в рабство, серебряные чаши святилищ уносили в свои капища.

Далее произошел раскол бывших княжеств на мелкие коллективы, семьи, роды, что обусловило отказ от княжеских богов в пользу более древних — хозяев лесов, вод, зверей-покровителей селений. Глава рода иногда одновременно являлся и шаманом, посредником между богами и миром людей. Шаманы, передавали свои знания наследникам. Они умели понимать язык животных, тайные движения человеческих душ, разгадывать знаки будущего и открывать нуждающимся их жизненный путь. Имели способности врачевать.

Кое-где, вплоть до нашего времени сохранились родовое разделение. Представители княжеского рода не имеют права жениться на «простых» людях.

Тайга, как гигантский природный заповедник продлила существование самых древних верований.

НА ВИЖАЕ

«... Ранее сего мы встречали в нашей летописи племя под именем Богул».
Шишинко В.Н.,

«Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период: С 1645–1676 гг.»

За маленьким прокопченным дымом оконцем огненными сплохами догорал закат,красивший одинокие перистые облака розовым золотистым цветом. Где-то на западном склоне Урала догорал ушедший день. Кроны мощных сосен замерли в густом чернеющем сумраке. Редкими звездами на покинутое и затерянное в горах стойбище опускалась ночь. Гулко заухал проснувшийся филин. Тихим спокойным шелестом внизу шуршал гальками Вижай. Легкий ветерок проносился над осокой, шептался с листвой в прибрежных зарослях. Воздух благоухал ароматами душистых горных трав, сосновой хвои, пахучим болотным багульником и еще чем-то непередаваемым, но удивительно приятным.

На фоне всей этой великолепной природной гармонии мысли текли легко и свободно. В такие тихие летние вечера хочется посидеть на крылечке, послушать притихший лес, побывать один на один со своими думами. Весь существующий мир людей кажется бесконечно далеким, как закатные солнечные отблески.

Вот и сбывалась давняя мечта — побывать в этих краях, познакомиться с уральскими аборигенами, живущими в дали от городской суеты, на

самом краешке цивилизации. Во все времена, веяния всех катаклизмов обходили эту глушь стороной. Чувствовалось, что после таежных странствий по сказочным местам, насыщенным историческими драмами и событиями, мы и сами потихоньку превращались из убежденных атеистов в поклонников язычества. Поклонников всевозможных примет, каких-то необъяснимых знаков, может особой интуиции. Казалось бы, ты — современный, цивилизованный человек, а задумываешься над этим и веришь. И хотя посмеиваешься над собой, все равно веришь.

Вроде отсутствуют аномалии, приборы молчат, а все-таки воображение невольно обращается к духам лесов и гор. Просит о хорошей погоде на завтра, удачу на охоте, легких дорог, новых интересных встреч. Мало ли какие опасности подстерегают на маршруте, это вам не восемь человек ходить с песнями. А если всю жизнь один на один с тайгой... Просыпаются тогда позабытые первобытные инстинкты. На уровне подсознания рождается вера в мистические образы, которые оберегут, оградят, помогут в трудную минуту. Вообще, я заметил, что даже не многодневное присутствие в тайге и горах очень изменяет мысли и чувства человека, заставляет мысли уходить в глубь душевных переживаний, делает их четче и яснее. А как вдохновенны размышления у одинокого ночных костра в горах, между россыпей — курумников и единственной мерцающей звездной пылью космоса! Душа вдруг обретает новое стремление — стать частью всемирного разума, безграничных бездн.

Но все же, ни куда не деться от наблюдений нескольких поколений туристов и геологов, местных жителей и частично наших собственных, которые сообщают о некоторых загадочных событиях в районе. Порой не всегда их можно описать и оценить точными физическими величинами. Таинственные силы проявляются на хребтах Молебном, Муравьином, Гумкаре, горе Мертвцевов. При чем они оказывают на людей различное влияние. Того, кто идет с корыстными целями, с «не добрым сердцем», ожидают различные неприятности — плохая погода, наводнения, туманы и т. д. Порою, совсем уж непреодолимые препоны. Как говорят — горы непускают к себе, заставляют блуждать опытных туристов, устраивают аварии, поломку техники... Примеров тому множество, от общеизвестных широким массам, до совершенно « рядовых » — как-то гибель беглых зеков, копальщиков золотого корня, тех же оленеводов. И наоборот, благоприятствуют тем, кто странствует с открытой душой, добрыми побуждениями.

Есть еще одна категория людей, которые могут воспринять и понять неразличимое глазами Нечто. Им покажется, что путешествие — это паломничество к горам и святым местам. В нем они не только познают окружающий мир, но и открывают себя и свое духовное начало, выходя за при-

вычные границы времени, бытия и реальности. Трудно сказать, какие же факторы влияют на это. Может совокупность полей физических — магнитных, электрических, гравиметрических. Может, для тех, кто верит, это тонкие энергии близкого космоса, энергетика древних молебных мест, обиталища духов.

Здесь открываются истины, которым не научат самые мудрые книги и учителя. Нужно только уметь замечать, воспринимать знаки и события, встречающиеся на вашем пути, откладываящиеся в вашем сознании и дальних закоулках памяти. Знаки и события, изменяющие, в конце концов, всю вашу жизнь... Об этом же довелось мне услышать от самих известных шаманов. Превратившись в наш бурный век в простых людей, они не растеряли знаний и навыков своих предков. Но последние из последних, они унесут их с собой в подземное царство Куль-Отыра, если сыновья не смогут или не захотят их перенять. Таков уж дошедший до нас из тьмы веков обычай.

Об этом размышлялось на мягких шкурах у раскаленной, гудящей печки. За окном — глубокая ночь, а меня терзает бессонница. Кажется духи живших здесь людей, незримо присутствуют рядом, средь вот этих черных, прокопченных стен. Хотят что-то сообщить, рассказать. Или домовой скучился по общению в многолетнем безмолвии жилища. В общем, окружающая атмосфера до отказа насыщена какой-то теплой и живой энергией.

Вспомнилась встреча с Прокопием, короткая и незабываемая она на долго останется в памяти. Люди, что жили здесь, наверняка обладали схожими чертами. При кочевой жизни оленеводов, каждодневных переходах, когда твой дом — это пара протяженных горных хребтов и таежные дебри между ними, множество речек, несколько сотен квадратных километров, рождается в человеке истинная воля. Она проявляется во всем — в делах, поступках, отношении к человеку, природе, песнях, сказках, обычаях, на конец особой философии....

Утром, перед самым выходом, неведомая сила потянула меня заглянуть на чердак, единственное место, обойденное вчера вниманием. Поднялся по лестнице. На самом обычном чердаке, совсем по обыденному просто, висело подлинное произведение искусства. А именно — расшитая цветными узорами белоснежная меховая куртка-малица. Точно праздничный сверкающий бриллиант светился в полутиме. Рядом валялись какие-то шкуры, скарб, инструмент. В левом углу привлек внимание колоритный деревянный, видавший виды сундучек-чемодан. Нестерпимо потянуло заглянуть под крышку. Госпожа Великая Тайна — звала и манила со страшной силой, заставляя позабыть про все на свете.

В смятении, дрожащими руками я откинул крышку. На две трети сундук заполняли вышедшие из обращения советские «серебряные» деньги.

Такого количества звонких монет мне видеть еще не доводилось. Руки сами зачерпнули пригоршню, и монеты медленно и звонко потекли между пальцев. Крупицы прошлого, деньги развалившейся страны. Ритуальные подношения мансийским духам — все кануло в небытие. Денежный поток иссяк, успев обнажить на дне еще что-то более интересное. Среди разнокалиберного круглого металлического хаоса, прятались весьма похожие по цвету звериные фигурки. Размером с ладонь, они точно копировали лося, оленя. Одна была изготовлена из меди, и очень давно, может несколько веков назад. Выпуклые бока отполированы многочисленными руками, а прочие места — покрыты малахитовой зеленью. Исполнение несколько грубовато. Ясно и четко смотрели на мир глаза животного, грозно, будто из глубины веков. Необъяснимо откуда возник страх, хотелось без оглядки бежать прочь с этого места. Будто сотня глаз смотрит за тобой и сейчас накажет за вероломное проникновение в чужие тайны. Вспомнились и самострелы на подступах к тайным местам и ямы-ловушки с частоколом заостренных жердей на дне. Быстро закрыв крышку, спустился вниз.

Залил огонь в печи, осмотрел еще раз все закоулки. В пустом доме нудно гудели комары, пахло шкурами, высохшими травами, старым деревом. В стоящей на крылечке кадке с водой отражалось хмурое небо.

Перед тем как двинуться в путь, я заглянул в подвал. Удивила еще одна деталь — центральная матричная лага лежала на мощном кедровом пне. То есть дом представлял собой этакий гигантский амбар на «куриных ножках»! Ну и ну...

К выходу все готово, замок водружен на место, прощай сказочный терем. Сегодня предстояло пройти сорок километров, в основном по заброшенным лесовозным дорогам.

Лосиная голова еще длительное время не давала покоя, стояла перед глазами, холода душу воспоминаниями, заставляя ненароком оглядываться в темных густых ельниках. Сейчас увиденные фигурки значили для меня гораздо больше, чем известные со слов Игоря Попова другие шаманские атрибуты — аммонитовая раковина, хранящаяся в тайной пещере, и даже само родовое святилище, которое показал Никола своему другу Игорю недолго до своей смерти.

Тропа петляла по местам глухим и нехоженым. Однако спустя несколько часов ходьбы возникло сомнение в реальности всего произошедшего на чердаке. Но в рюкзаке покоились, возвращая к действительности, мягкие меховые тапочки — нярки, захваченные на память в стойбище.

Дальнейший путь прошел без приключений.

С той прекрасной поры минуло много лет. За это время «в миру» произошли глобальные изменения. Окончательный развал СССР, смена не-

скольких президентов, череда дефолтов, всеобщая коммерциализация, приватизация и т. д. Случай побывать в этих краях не представлялся, а ехать специально было недосуг. Но частенько вспоминались Уральские зеленые горы, манящие неведомыми приключениями и нераскрытыми тайнами. Особенно тяжело приходилось по весне — бродяжья душа томилась и мучилась в тесных стенах квартиры. Так влечет человека к себе, например, недописанная картина, не снятый фильм, заставляя в раздумьях беспокойно ворочаться в сладкие утренние часы. Еще несколько лет ушло впустую, между твердым желанием ехать «на днях» и, наконец, купленным билетом на скорый поезд.

Название этой загадочной, зовущей к себе «территории», конечно же, никуда не пропадало, изредка мелькая на страницах газет и журналов, и, наверное, там остались все те же люди.

Темы публикаций, правда, повернулись на сто восемьдесят градусов, превратившись из пафосно воспевающих в обличающие и критикующие. Главной являлась тема о тяжком положении коренного мансийского населения. Ну и, конечно, встречались довольно традиционные, на которые всегда без оглядки бросаются корреспонденты, — язычество, сохранившееся до наших дней, слухи о Золотой бабе и т. д.

Под некоторые благотворительные проекты выделялись немалые бюджетные деньги, гранты западных стран. Помощь не доходила до адресата по причинам, характерным для страны в целом. И результат ее вполне отражается в газетных заголовках — «Вымирающая нация», «Бедственное положение...», «Когда умирают олени», «На грани выживания».

Общая картина рисовалась безрадостная. С затуханием оленеводства, закрытием многочисленных исправительных учреждений, коренное население перешло на подножный корм — охоту и рыбалку. Вспомнило порядком утраченные навыки дедовских промыслов.

Мансийская молодежь, постепенно переезжает в города, бросает лесную жизнь и дедовские угодья. По северу Свердловской области остается проживать около восьмидесяти человек в 19 населенных пунктах, разбросанных на десятки километров. Около десятка из них вообще оказались отрезанными от цивилизации большую часть времени в году. Про них забыли, можно сказать, бросили, у иных все еще нет даже паспортов. Некоторым для выхода к людям на большую землю требуется больше недели времени. Общая численность народа стремительно сокращается, с 300 человек до перестройки, до 190 в наши дни (2000 год). Умирают даже те, кто проживает в крупных поселках — от пьянства, туберкулеза, гепатита. Только половина жителей имеет начальное образование. Средняя продолжительность жизни ниже 45 лет.

Некоторая информация иногда доходила до нас в виде слухов и предположений.

Все это только усиливало желание вновь пройти старыми тропами, найти старых знакомых, из «первых уст» услышать о событиях минувших лет.

Еще отмечу, что все публикации касались районов, лежащих севернее или южнее окрестностей Молебного Камня, часто посещаемых туристами, с остатками дорог и мансиjsких паuleй. Район же «наших интересов» так и оставался большим белым пятном на карте Зауралья.

...Серые острые камни дороги, вместе с яростным свистом теплого ветра, наполненного ароматами таежных трав и цветов, с приличной скоростью летели навстречу машине. Грунтовка петляла по извилистой долине Вижая. То взлетала на высокий склон протяжными, нудными тягунами, то по долгу спускалась до утопших в болотистой жиже низин. С каждым новым километром разъезженной лесовозной дороги, проложенной когда-то многочисленными руками заключенных, в месте с руслом мощной реки мы неукротимо приближались к Уралу. Погода стояла отличная, точно сама окружающая природа сейчас помогала нашему предприятию.

Временами с высоких бортов долины уже открывалась взору широкая горная панорама. Черно-синие хребты тянулись с юга на север, друг за другом, несколькими цепочками. От них отрогами, во все стороны, расходились сопки поменьше, кое-где увенчанные зубастыми кронами скал-останцов на безлесных горных вершинах. Особняком в этом каменном царстве гордо возвышался хребет Чистоп, за округлую вершину которого сейчас зацепилось большое белесое облако. И все это торжественное безмолвие до самого размытого горизонта, покрыто с верху, по-осеннему веселым желто-зеленым ковром. Иногда он шевелился, волновался, шумел под напором налетающего свежего ветра, играл палитрой красок и оттенков, темнел от наплывающих теней облаков, будоражил мысли и чувства. В этот миг хотелось оттолкнувшись с разбега, взлететь, присоединиться к парящим в голубой выси двум крылатым точкам, обозреть с высоты прекрасный край.

Память о прежних странствиях, знакомые ориентиры — заставляли двигаться быстрее. И скорость казалась маленькой, не смотря на летящие фонтанами из-под колес камни. Многочисленные, смытые вешними водами мосты на горных ручьях, сейчас громоздившиеся беспомощными грудами изжеванных бревен, существенно тормозили наше продвижение. В нескольких местах, через глубокие промытые каньоны, мостики лежали по одному два гниловатых бревна. Без надлежащего ухода, с закрытием поселений, даже отсыпные дороги быстро приходили в упадок. Особенно

заметно сие на болотине — многослойная бревенчатая стлань разваливалась на глазах. Тайга отвоевывала назад занятые человеком позиции.

Вот и Тахта, место бывшего поселения — колонии строгого режима. Лет двадцать назад, здесь стояли двухэтажные бараки, лесопилки, около сотни частных домов, гараж, котельная, клуб. Кроме лагеря, здесь, в «частном секторе», проживали десятки ссыльных семей (было и такое!). Всего в поселке находились на поселении около двух тысяч человек. Сейчас, лишь остовы печей глядят в небо из зарослей крапивы высотой в человеческий рост. Минует еще лет двадцать, и место можно будет узнать по непроходимым зарослям густого, непролазного березняка, что подбирается к бывшей главной площади перед штабом.

Внезапно, откуда-то снизу, с берега, на окраине поляны, взвилась ввысь струйка синего дыма. Значит, мы не одни в этой зеленой пустыне. Кто же там — одинокий охотник, рыбак, турист, хитник-старатель, гадали мы, выворачивая на сверток? Дым от костра вывел на берег реки Тахтинки, притока Вижая, к одинокой хижине, приткнувшейся на крутом берегу в зарослях сосняка.

Низкий домик срублен из обгоревших, обугленных бревен. Крыша из поржавевших мятых железных листов. Во дворе помещалась летняя кухня с печкой буржуйкой, столом и лавками. На высокой мачте-антенне развивался флаг. Ну, точно приют разбойника — пирата, — в такой глухомани возможно все. Несмотря на многочисленные отряды охотников, рыбаков, туристов, лесников и прочих, снующих по этим местам, нужно признать — тайга хранит множество тайн, большую часть которых, возможно, нам никогда не узнать!

Наши ожидания оправдались: вслед за выскочившей белой лайкой показался настоящий таежный Робинзон — бородатый, в широкой шляпе, папиросой в зубах, большущим тесаком в руках. Для полноты пиратского образа не хватало только красного платка на шею и черной повязки на глаз. На вид Робинзону около сорока лет, представился «Данила Бахтияров, смотритель Тохты». Все сразу стало ясно.

Потомок манси-оленеводов, после закрытия колонии, он остался один в заброшенном поселении. Охотился, иногда подрабатывал у геологов и на строительстве дорог. Оторванный от людей, он тем не менее в лес не ушел. Остался на границе цивилизации. Однажды весной случайно загорелась топящаяся баня. При сильном ветре огонь моментально распространился на соседние строения... За три дня огонь испепелил весь поселок. Что ж, история ставит все на свои места, ведь старое мансиjsкое название реки Тохтинки — Тахтынг-я (Гаревая река)

Остались у Данилы, от прежней жизни, всего три вещи — ружье, та-

почки и шляпа. Пришлось начинать новую жизнь. Обо всем рассказывал он с изрядной долей юмора, угощая свежей ухой из хариуса. Заметно, что он полон энергии и жизни, не смотря на все перипетии, и не горюет о случившемся.

Данила Тимофеевич рассказал нам о названиях гор, которые видны отсюда и где он удачно охотится. Зверье стало возвращаться, обживать прежние места. А рыбалка-то, вот она — метрах в сорока пониже дома, где журчит мелкий перекатик. Прямо за ним несколько ямок с хариусом.

Попрощавшись с гостеприимным хозяином, мы с товарищем двинулись в путь. Позади нас громоздился хребет Кошма, нависавший над окрестностями глыбой, занимавшей пол неба. На пологой вершине сияли гигантские проплешины вырубов. Удивляешься, в какие же кручи и дебри забирались рубщики древесины, выполняя план. Мы шли вперед, часто оглядываясь на живописный хребет.

Еле заметная старинная колея вела через заболоченные вырубы. Все вокруг было просто усыпано торчащими во все стороны коряжинами, то-нувшими в розовом море зарослей иван-чая. Пробитая вездеходная дорога ныряла к шумным ручьям, с бродом вместо смытых мостов или причудливо петляла, огибая болотины, зияющие синими окнами чистой воды. Временами дорога вылетала на открытые просторы альпийских лугов, и тогда взору открывались потрясающие живописные горные картины. Каменный гребень хребта Салатим, казалось, стоял от нас в полукилометре, хотя по карте до вершины было все четыре. Такое вот обманчивое расстояние в горах. Километрах в двадцати большим айсбергом маячил Чистоп. Колея поднималась в верховья речки Пор-Сос. В переводе с мансийского, Сос — ручей. Интересно, ни в честь ли известной фратрии Пор дано название? Может, в здешних окрестностях находилось центральное святилище фратрии? Боюсь, таких сведений уже не найти.

Вообще, исследование мансийских названий на уральской земле — это отдельная интереснейшая тема. Уже отмечалось, что в них заключена уникальная историческая информация. Вопрос состоит лишь в правильной ее интерпретации. Дело в том, что топонимические названия давались людьми различных исторических эпох, различных родов, диалектов, словарного запаса и т. д. Записывались также исследователями различной степени подготовки, часто мимоходом, толком и не разбиравшимися в правильности произношения и тем более написания. Отсюда такая путаница в наименованиях, произношениях, написаниях различных названий на картах, дневниках, лептописях, разговорной речи и т. д. Классический пример, рассмотренный в литературе по топонимии, — многочисленные названия горы Пурмонтит-ур, горы, с которой берут начало реки бассейна Камы, Оби, Печеры, — это

Вишера, Пурма, Унья. Гору Пурмонгит-ур (Гора со столбами у Пурмы) еще называли Паремонгит-ур, Порремонгит-ур, Порремонит-ур. В дневнике же геолога Игоря Попова, тридцать лет посвятившего изучению этого района, гора записана как Пура-Мунит-Ур (Гора Пурминских скал-останцев или жертвенных скал, от «пури» — жертва). И так практически любое название на карте Северного Урала имеет те или иные проблемы в интерпретации. Более того, среди самого достаточно малочисленного мансийского населения существуют фонетические различия в прочтении и, следовательно, трактовке одних и тех же названий, — например, между родами Бахтияровых и Анямовых, между лозвенскими и сосьвинскими жителями. В наших экспедициях с этим приходилось сталкиваться постоянно.

Характерны так же замещения «ранишних», домансиjsких названий, а также русских, зырянских, хантыйских, замена устаревших более новыми в связи с произошедшими важными событиями. Встречаются названия, связанные с «временными» событиями, важными для определенной группы людей, записанные в этот момент исследователем. Типа: «Гора, где в прошлом году потерялись олени» или Нята-Рохтас-Сори-Сяхыл (Гора, где олененок испугался. У Игоря Попова и на некоторых картах гора называется Нята-Рохтум-Чахль).

Бывают и просто обидные, доходящие до курьеза ошибки, например, название горы Ишерим. Настоящее мансийское название горы — Сат-Хум-Нел (Гора семи мужиков). Ишеримом же (Ищерум. От мансийского слова «ассирма» — холодный, морозный), манси называли вершину соседнего хребта, который на русских картах обозначен как Ольховочный Камень.

Общий же принцип образования названий на местности довольно прост, достаточно знать около десятка слов-приставок к собственным именам означающих конкретные объекты. »-Ур» — гора, увал; »-сяхыл» — пик, холм; »-тумп» — остров; »-нер» — зубчатая гора, кряж; »-нел» — нос, клюв; »-сори» — седловина; »ахватс» — камень; »монынг» — столб, образованный в результате выветривания; »монгыт» — столбы. Все недоступные вершины были святыми, к их названию прибавляли — «ялпынг». Если два кряжа имели одинаковое название, то их различали словами — «мань» (маленький), «янь» — большой. Например, Молебный камень по-мансиjsки назывался Яны-Ялпинг-Нер (Большой священный камень).

Кстати, ученые предполагают, что и многие названия рек и гор (например Вишера, Лозьва) являются «до мансиjsкими», то есть имеют гораздо более древние корни, чем принято считать. Тем самым намечается еще одно направление для любопытного исследования.

С колеей поднимались корявые, уродливые березы, хватаясь цепкими корнями за угловатые камни, за ними целые поля непроходимого, густого

стланика. Удивительное упорство к жизни у этих березок, кедровых стланников, мхов, лишайников — завоевавших пространство у камней на вершинах гор.

…Удивляюсь произошедшим изменениям в природе. Утром, когда мы выходили, скалы на вершине казались иссиня-черными, бледными. А с поднявшимся в зенит солнцем, налились цветом, заиграли разными красками и оттенками в его ярких лучах.

Дорога вздымалась вверх и вперед, маня за собой, призывая узнать, — что же там за поворотом. Места в округе просто райские для охотников. В большом количестве встречались зайцы, белки, рябчики, тетерева. В одной ложбине вспугнули целый выводок непуганых глухарей, неторопливо прогуливавшихся друг за другом, прямо по колеи. Наш Амур — годовалая карело-финская лайка, с радостным лаем метался по сторонам, вспугивая дичь, пропадая надолго в темной чащбе, увлекшись погоней.

Слева потянулось протяженное пожарище, уничтожившее под корень вековой сосновый бор. Несмотря на это, местность по-прежнему красива и привлекательна. Может, при пасмурной погоде местность выглядела бы иначе, а сейчас она казалось ухоженным природным парком.

Со склона, из под замшелых камней, микроскопическими водопадиками были алмазной чистоты роднички. Скатываясь ниже и соединяясь с другими, образовывали извилистые, глубокие русла, пропадающие в низинах.

Любуемся чудесным, хаотичным нагромождением скал, различных форм и расцветок на вершине Салатима. Вверху короной торчат в небо зазубренные останцы и острые гигантские гребни, утопая в каменных развалинах.

Через километр, миновав пару речушек, начался подъем. Сразу же нас поглотила сумрачная темень векового соснового бора, разбавленного кое-где могучими кедринами. Сосны стояли ровными темно-желтыми колоннами, внизу же под ногами, расстился мягкий и ласковый ковер изо мхов и опавшей хвои, он приглашал прилечь, дать отдых усталым ногам. Яркими пятнами на мху краснели целые семейки подосиновиков, во множестве лежали брошенные кедровками исклеванные шишки.

…А вот и долгожданный ручей Вап-Сос, теперь недалеко до баhtияровской юрты. Ландшафт значительно изменился и стал напоминать скорее ухоженные Альпы, чем наш первозданный Урал. Красным маяком на сосне вспыхнула табличка. Белым по красному предупреждалось о границе родовых угодьев Баhtияровых. Еще спустя несколько километров среди сосен мелькнуло весьма необычное строение. Махонькая избушка на одной четырехметровой ноге. «Чамья» — священный амбарчик, дом для богов, первым встречал путников. Невдалеке располагались несколько одноэтажных, приземленных домиков и загон для оленей. Тут же несколько

открытых — без стен, — амбаров-складов, экзотической конструкции полевой туалет, с формами индейского вигвама. За ним озерцо с бурой болотной водой. Совсем недалеко от входа, неизменная печь-духовка из камня и глины.

На все это хозяйство, возникшее среди тайги, мы смотрели с удивлением и радостью. Зрелище безусловно поражало своей нереальностью и первобытной древностью, будто за несколько походных дней мы перенеслись лет на триста назад. Разочарование наступило несколько позже, когда выяснилось, что селение необитаемо и основательно заброшено.

Включились камеры, защелкали фотоаппараты, хотелось все запечатлеть, будто через мгновение все может рассыпаться в прах. Каждая мелочь, деталь — все необычно и интересно. В безветренной тишине наши голоса отдавались гулким эхом. После часа исследований и съемки в пятистах метрах по ручью обнаружили еще поселенье. Это же целая деревня в лесу!

Постройки второго поселения, более современного, тем не менее, копировало основные типы и архитектуру деревянных строений старого поселения. Вскоре на тропинке показался хозяин, наш давний знакомый — Прокопий. Одет он был, похоже, в тот же самый китель с золотыми пуговицами, в котором мы повстречали его, кажется, целую вечность тому назад — около пятнадцати лет прошло с первой нашей встречи! Он и сейчас производил вид довольно экзотический и в то же время присущий только людям тайги.

Как и много лет назад, перед нами стоял маленький человек. Его темные глаза из-под узких разрезов век, видевшие многое за последние пол века,искрились радостью встречи. Характерное мансийское лицо, красноватые глаза, будто слезящиеся от постоянного дыма, черные как смоль волосы...

Когда вся человеческая жизнь проходит в ежедневных, многокилометровых переходах, в вечном движении, тело само «высыхает», становится гибким, жилистым, поджарым. Ничего лишнего, всеrationально и привычно к долгой выносливой работе. Чутье и реакция зверя, глаз остр и точен. Гены предков и пятьдесят лет в тайге — все это сегодняшний манси Бахтияров.

Поражает и широта души современных таежников. Даже к пришлым, незнакомым людям, они относятся очень доброжелательно, по-дружески доверчиво. Наверное, сама лесная непредсказуемая жизнь, удаленность друг от друга, делают их такими.

Оглядываясь вокруг, подумалось, что здесь, как нигде, видится причудливое переплетение языческой древности с нашей технической современностью. Старенький, но все же снегоход — «Буран», аккумулято-

ры, даже разводка проводов с лампочками между строениями, соседствуют с почерневшими листвинечными амбарами на курьих ножках, самострелами из кедровых корней, кучами оленьих костей, медвежьими черепами.

Соединяется прошлое с настоящим и в самом Прокопии. Потомок старинного княжеского рода, он сохраняет уже порядком утраченную память о предках. Не обрусл, не остался простым таежным отшельником, не растерял связей с остальным мансийским миром. Общаясь, я удостоверился — он остался последним из того старшего поколения, которое помнит историю и могущество уральских манси, тем, кто способен и хочет передать знания молодым...

Вечерело. Прокопий любезно пригласил нас в дом. В жилище вспыхнул огонек свечи, затрещали в печке поленья, и оно ожило, засветилось теплом и спокойствием. Дюжина полукилограммовых хариусов, пойманная Бахтияровым за день, дожидалась своей участи. Вообще-то, лет пятьдесят назад, средними, считались килограммовые особи. Сейчас же — четыреста грамм.

Запахи, исходившие от летней кухни, волнами расплзались по окружке, будоражили аппетит и сознание. Амур готов был мордой залезть в сковородку, на которой дымилось и шкворчало мясо. Словом, предстоящая через час жизнь, представлялась изумительной и прекрасной в своей ясности и простоте...

Под навесом летней кухни, на столбе, — прибитый гвоздями портрет вождя всех народов, неизвестного художника. Сталинский взгляд суров и грозен, напоминая о прошедших мрачных временах. Понадобилось даже некоторое время, чтобы привыкнуть к такой компании. Портрет хранился в старом поселке с сороковых годов.

«Это еще что», — говорит Прокопий, — «по трассе на Ушму, на скале портрет Сталина зеками вырублен, это да!»

Незаметно таежный тупик погружался в глубокую звездную ночь. Солнце медленно угасало на горизонте. Сизая мгла покрывала землю прозрачной вуалью. Дальние сопки сделались угрюмыми и скучными. Зато здесь, в гостеприимном становище, в свете костра — весело и комфортно.

Первые восторги уже улеглись. И, как всегда бывает при встрече, потекли не спеша неторопливые беседы, под душистые травяные чаи, со свежей толченой черникой и лепешками на лосином жиру. Не жизнь, а сказка.

...Так казалось тогда усталым путникам, в таких райских местах просто не может быть иначе.

Но, увы, — к большому сожалению, то, что поведал Прокопий, навевало совсем иные мысли. Все оказалось гораздо сложнее и суровее. Отно-

шения между людьми ни коим образом не вписываются в общую гармонию природы.

Прокопий родился и вырос и прожил пять десятков лет в Кимг-Чупа-Пауле. Здесь жили его предки, как говорится, испокон веков. Самый старший из них, которого он помнит, его прадед, то же Прокопий Тимофеевич, 1892 года рождения. С незапамятных времен, в роду Бахтияровых существовала традиция — называть мальчиков, наследников рода, двумя именами Прокопий и Тимофей. Так и переплетаются эти два имени в столетьях. Так же, согласно древнему обычью, только к младшему из братьев переходил титул главы и хранителя рода. С раннего детства мальчиков — наследников, воспитывали по-другому, передавая все известные древние знания. Все хранители рода одновременно являлись и шаманами. Не трудно догадаться, к кому перешло наследие предков.

Летопись рода Бахтияровых, составленная и бережно хранимая Прокопием, начинается с его прапрадеда. Кирилл Тимофеевич (Кира-Тимк-Ойк), родился в 1820-м году, сородичи называли его Лилинг Пупынг Хум — человеком с живым духом покровителем. До его рождения русскими именами Бахтияровы не пользовались. А еще ранее, в 1700-х годах, до крещения vogul, манси-хум их и вовсе не имели. Потом стали носить два имени — одно русское, другое национальное, означающее какое-либо событие или предмет, сопутствующий рождению ребенка, или имя, которое даст шаман, определяющий, душа кого из предков вселится в данного младенца. К сожалению, память о предках Бахтияровых, живших «до крещения», в летописи Прокопия не сохранилась, зато живы легенды и сказки, передававшиеся из поколения в поколение, об удачных войнах и охотничьих подвигах. В их честь названы целые горы, ручьи, уроцища, зимовья. Не это ли лучшая память для будущих потомков?

Женщины в истории и генеалогическом дереве Бахтияровых не упоминались, об этом мы еще расскажем.

От своего деда и отца Прокопий слышал о жалованной царской грамоте еще петровских времен. Она гласила о даровании земель по рекам Тошемке, Вижайю — vogулам рода Бахтияровых. Отец Прокопия видел ее своими глазами, но рассказывал, что после пожара в дедовском доме, найти ее не удалось. Зато реальным напоминанием о далеком прошлом явилось извлеченное тотчас из-под нар огромное кремневое ружье. Очень длинное, почти двух метровое, грубо кованное, с зажимом для кремня — настоящий музейный экспонат. По словам теперешнего хозяина, пищаль еще в рабочем состоянии — дед весьма успешно охотился с ней. Множество медведей и лосей добыто дедом именно этим ружьем. Безусловно, главным после хорошей охотничьей собаки для манси является ружье.

Отец Прокопия как-то решил усовершенствовать ружье, отпилить ствол для удобства, но не смог: ни каким инструментом не брался крепкий металл. А когда-то вместе с положенными к нему атрибутами: шомполом, пороховым бочонком, огнivом-кремнием, болтался на ружейном ремне и привязанный каменный божок, лучше всех помогавший на охоте. Так и дoшло оно до наших дней с подпиленным деревянным цевьем. Наверное, таким и уйдет древний раритет в Ивдельский Музей, как ушли прочие исторические вещи — музыкальные инструменты (санквылтап, торитап), берестяная посуда, костяные фрески и т.д.

На протяжении нескольких веков в многочисленный род Бахтияровых, согласно мансиjsким обычаям, вливались новые люди. Такой традиции уже множество веков. Так называемые «пришлые» манси, неважно какого рода-племени, оседая на этих землях, становились Бахтияровыми. Они надеялись незанятыми землями для строительства жилья, угодьями для охоты по свободным ручьям. Неприкосновенным оставался только ручей Вап-Сос (Зять-Ручей), где сейчас мы находимся. Именно по его притокам находятся истлевшие останки бывших паулей рода.

Что же касается еще более древних веков, то тогда практически на каждом ручье, в каждом урочище, жили люди. Множество поселений было по Тошемкам, Вижая, Лозьве, Анчуге, Ушме, Тохте. В общем, в 15–17 веках, существовал плотно населенный, освоенный район — целое княжество, насчитывающее несколько сот человек. (По сообщению 1752 года, Чердынского священника Рыкачева, «по Лозьве находилась 71 юрта»).

Людей жило столько, сколько могла прокормить щедрая Уральская земля. В паулях, расположенных в предгорьях Урала, жители тяготели к оленеводству, ближе к Западно-Сибирской равнине — к охоте и рыбалке. Общее стадо рода исчислялось тысячами голов. Пушнину: соболя, куницу, кидуса, горностая, заготавливали сотнями. Обменивали у русских на продукты питания, порох, оружие, капканы. На речках велась массовая заготовка рыбы. Строили по весне специальные запани — хранилища. Когда рыба заполняла запань, затворы закрывались. Сохранялась рыба в гигантских мордах, сплетенных из ивовых прутьев. У каждой семьи был свой рыбный пай в морде. Семьям, кочующим с объединенным оленым стадом, тоже оставлялся свой пай. Зимой ее выбирали по мере надобности. Так же использовали способ временного отвода русла ручьев, куда поднималась рыба зимой из-за недостатка кислорода подо льдом. Всю зиму манси ели строганину из рыбы, оленьего мяса и мяса некоторых птиц.

Успешно охотились на лосей, для чего на тропах сооружали ловушки, ставили самострелы, а также на многие сотни метров заградительные препятствия, направлявших зверя в петлю. П. С. Паллас еще в 1770 году писал:

«обогатило их естество в сих пустынях множество диких зверей. Между коими лоси составляют их богатство».

Мансийские охотники практиковали так же весьма экзотический способ добывания белок без лука и ружья, с одним топором. Возможно это и относится к разряду охотничьих баек, но тем не менее находит документальное подтверждение. Охотник преследует белку от дерева к дереву, каждый раз громко спугивая ее ударами топора. Когда она совершенно устанет прыгать, дерево срубается топором и добыча в руках охотника.

С удовольствием вспоминал Прокопий редкие, но шумные и веселые праздники. В один из паулей съезжались сотни людей. Устраивали Пурлахты — жертвоприношения своим многочисленным богам: Товт-Торуму (Богу огня) или Най-Экве (Матери огня), Хонт-Торуму (Богу Солнца), Сяхыл — Торуму (Громовержцу), Этпос — Ойке (Богу Луны), Ма-ехне-хуму (Человеку, обезжающему Землю), родовым и территориальным. Все эти традиции и ритуалы пришли с первобытных времен, так же, как и шаманизм. Жертвоприношения делились на кровавые (йир) и бескровные (пори): деньги, холодное оружие, пища, лоскуты тканей, бисер, и т. д. По мнению манси, жертвоприношения способствовали «очеловечиванию» неживой оболочки духа, что позволяло разговаривать с ним на равных.

У затопленного чувала в доме или костровища на улице всегда по возможности старались поставить спиртное и хлеб — подношения богу огня. Это выполнялось и на святилищах параллельно с чествованием других богов. Считалось, что Бог очага (Ловья-Хум) предупреждает о грозящих неприятностях обитателям чума, уберегает от темных сил оставленного в люльке ребенка. Чтобы не убить душу огня, живущего в голубой кромке пламени, угли не разрешалось ворошить железными предметами. При постройке очага в новом жилище ему так же подносился арсын тор (платок с завязанными монетками в углах). Если человек умирал, в доме тут же разводили огонь, который сохранялся, пока покойника не уносили на кладбище. Горящие угли брали с собой и там разводили новый костер. Считалось, что огонь необходим для перехода души в другой мир. Еще в каменном веке для такого «перехода» обязательно использовался обряд трупосожжения. Огонь также охранял мир живых от мира мертвых. В общем, огонь сопровождал человека с момента рождения до самой смерти. Безусловно это один из самых древних обрядов в истории человечества.

За чувалом подобно мудрому сверчку из русских сказок обитал Самсай-Ойка (Невидимый человек). Его тряпичная кукла исполняла роль домового, охранявшего от нечистой силы и болезней, хотя сам он являлся

посланником «подземного мира» Куль-Отыра. Посему, как можно предположить, шутки с ним заканчивались плохо.

Залетевшая же бабочка или заползшая трясогузка, наоборот обещала счастье и удачу, так как символизировала Калтащ-Экву, хранительницу жизни.

Верховному богу Нузи-Торуму всегда приносили в жертву животное белого цвета, а «главному» по Йоли-ма (загробному миру), Куль-Отыру, — черного.

Одновременно с зарождением и расширением культа отдельных богов, происходило выделение особых людей — шаманов или как когда-то русские их называли — шайтанчиков. Это были специалисты по обрядам, и, как описывали очевидцы того времени, — «о всяких делах с болванами говоривших и их выспраивающих... и в шаманстве в огонь мечущихся и иные мечты творящих...»

Здесь следует сказать несколько слов о сущности шаманизма. Древние шаманы рассматривали человека как своеобразный синтез материального (физическое тело) и духовного (энергетическое тело). Главную роль играет духовное начало, гармоничное развитие которого может идти только в слиянии с природой и окружающим миром. В этом заключается главный принцип существования человека с древнейших времен. Любое подчинение природы человеком, губительно изменяет его духовное начало.

Изображение природных явлений в виде богов, духов, амулетов, орнаментов и т. д. имело не только философский смысл, но и оказывало магическое действие на людей. Некоторые исследователи считают, что шаманы обладали знанием глубинной, внутренней сути вещей, правильным пониманием жизни, и, использовав его, вершили историю своих народов на протяжении тысячелетий. Согласно авторитетным исследователям шаманизма (Олард Диксон и другие), некоторые принципы шаманизма и язычества вошли в более поздние религии — христианство, иудаизм, ислам.

Шаманы вызывали богов, предсказывали погоду и охоту. С их помощью решались вопросы о разделении пастбищ, охотничьих угодий, забоя оленей и т. д. Важнейшей обязанностью являлся контроль за правилами соблюдения ритуалов. Шаманы занимались, например, выяснением, чья же душа переселилась из иттермы (вместилища душ умерших людей в виде кукол или фигурок) в новорожденного младенца.

Центральным местом святилища была поляна для жертвоприношений (пурлахтын-ма), со священной лиственницей, на коре которой красовался родовой орнамент. Такое дерево называлось «анквал» и выполняло роль столба, к которому привязывали жертвенных оленей. Такие же свя-

щенные деревья находились на кладбище у могил умерших. Орнаменты, вырезанные на дереве, вышитые ли на малицах, — не просто средства украшения. По свидетельствам современных шаманов, это некий энергетический талисман для защиты от духов и темных сил, приносящий удачу на охоте, оберег для людей данного рода. Орнаменты наносились очень долго и кропотливо, «освещались» шаманом специальным ритуалом. Неправильно нанесенный на одежду символический родовой рисунок мог привести даже к гибели охотника. Такие же рисунки выдавливались и выжигались на берестяной посуде специальным костяным клином — тамгой. На территории Сибири и Урала нам известны районы распространения специфических орнаментов. На реке Казым — «тетерев», Ляпин — «щучья челюсть», Топсуй — «соболь», С. Сосьва — «лягушка», Лозьва — «рога», Обь (ниже Березова) — «крылья чайки».

По шаманским представлениям, здоровье семьи, целостность рода, жилища напрямую зависели и от наличия качественного исполненного ялпынг-улама (жертвенного покрывала с изображением верховных богов).

Территория, прилежащая к святыни, ура-сумьяху, а в масштабе дома — пупыг-норме (специальной полке для хранения духов), чердаку называлась ялпынг-ма «святая земля». На ней запрещалось охотиться, ловить рыбу, ходить босиком, кричать. В разряд почитаемых мест попадают и устья рек (самые добычливые места), и деревья необычных форм и размеров, и причудливые скалы и т. д. Очень точное определение духовному миру манси дал С. В. Бахрушин: «Живя среди девственной природы... пользуются ей только для поддержания своей жизни. Словно познав всю тщету богатства, торговых сношений, всю бесцельность своего существования на земле. Но весь их интерес, вся пытливая душа ушла в тот неведомый мир духов, в ту сферу их верований, которыми они живут».

Необходимо отметить, что современная экстрасенсорика только подходит к изучению сущности тонких энергий человека. И новейшие исследования уже частично подтверждают и объясняют описанные нами шаманские практики. Живой организм человека рассматривается как приемно-передающее устройство таких энергий. Мы сохраняем часть своей энергии в родственниках, друзьях, личных вещах, жилищах, фотографиях. Умирая, человек «оставляет» часть своей энергии на земле. (Вспомните мансиjsкие ритуалы погребения, изготовления фигурок «имда» и др.) Определением и изучением информационной составляющей этих энергий пользуются современные экстрасенсы в своих интересах. Например, для поисков пропавших людей, установления причины их смерти и т. д. На сегодняшний день часть таких процессов уже имеют научное обоснование. Часть еще только предстоит изучить.

Вызывают интерес проводящиеся исследования воздействия речевых форм — молитв, заклинаний, проклятий, на воду, живые организмы и самого человека. В частности известно, что люди с различным духовным потенциалом, жизненным настроем, разной «степенью» веры, соответственно вызывают и различные изменения в структуре и электрическом поле молекул воды (разработки Санкт-Петербургского НИИ им. Бехтерева, НИИ Промышленной и морской медицины). О действии звука в ультразвуковом диапазоне сейчас расскажет каждый школьник. Уверен, пройдет немного времени, и будут научно доказаны принципы действия на организм человека многих шаманских ритуалов. И тогда, выработанные тысячелетней историей человечества шаманские знания, сохранившиеся до сей поры, уже не будут кому-то казаться фантастикой.

Однако, как показывают наши собственные наблюдения, мансийские шаманы, возможно, обладали гораздо более обширными знаниями и практиками в этой области, чем известные ныне...

Но вернемся к Бахтияровым. Запретным и может быть самым таинственным местом являлся камень Большой Молебный Камень — Ойка-Чахль. На его вершину разрешалось заходить только шаманам. Когда-то на его каменистых, усыпанных чашевидными выемками-«цирками», склонах прятались тайные молебные поляны. На них будто сами восставали из земли болваны, выдолбленные из твердого темного кедра. Они, количеством семь штук, защищали святилище от не прошеных врагов. Центральное же место занимал главный бог, лиственечное изваяние которого возвышается над замшелыми глыбами и всем прочим обыденным окружающим миром уже лет двести. Грубо высеченные, страшные черты лица идола смотрели в сумрачные дали, охраняя покой и мир на родовых землях. У подножья божества подарки: всевозможных времен монеты, завернутые в цветные лоскуты, гильзы, кусочки серебряной фольги, истлевшие шкурки, женские бусы из бисера, золотые серьги, серебряные чаши. На камнях, точно реквизиты из фильма ужасов — звериные черепа: медведя, рыси, росомахи, олена. Это все подарки богам, поднесенные им за несколько веков, и многие поколения людей из разных мест прикасались к ним. Прикасались с мольбами и надеждами, прежде чем они легли к подножью лиственничных болванов. В радиусе нескольких метров все было усыпано костями, иногда обугленными, истлевшими. Не исключено, что и где-то, под спрессовавшимся слоем золы, лежали и человеческие. Ведь каких-то триста лет назад на этих территориях в жертву богам приносили людей, а их губы смачивали человеческой кровью.

Такие факты имели место на сопредельных территориях и описаны в многочисленных воспоминаниях путешественников. В 1648-м году сось-

винские манси принесли в жертву хантыйского мальчика. До 1700 года на горе Ялпынг-Нер, что в верховьях Сосьвы, человеческие жертвоприношения проводились регулярно. Да, наверное, и после этого времени, кто же это расскажет?

А уж о животных и говорить нечего — несчастье. Даже в наше время, в 1980–90-х годах, у каждого жителя уральского пауля, в общем стаде обязательно имелся личный жертвенный олень. Его позволялось принести в жертву в любой праздник, с прошением об исцелении, удаче на охоте и т. д. По рассказам стариков, на Ялпынг-Нер каждый год пригоняли с Печоры белого коня, для принесения в жертву главным мансийским богам.

Во второй половине двадцатого века, на перевале «Бескровной жертвы», приткнувшемся между двумя главными вершинами — Ойка-Чахль и Эква-Чахль, родовые жертвоприношения совершил Николай Бахтияров.

Отдельно нужно упомянуть и о находившихся рядом с богами серебряных чашах — чаалольн и прочих «вещицах», использовавшихся как посуда для жертвенной крови.

Очень редкие сейчас, а ранее довольно распространенные среди ритуальных атрибутов, золотые и серебряные блюда попадали на Урал с 6-го века. Путь их лежал из Средней Азии и Ирана, по Волге и Каме на Урал и Западную Сибирь, в обмен на пушнину. Некоторые изображенные на них картины античных сцен, дополнялись местными шаманами, изображавшими собственных богов. Это были всевозможные антропоморфные фигуры с рогами, лосиными головами, птицами с человеческими лицами. К этим божествам обращались с молитвами, наполняя кровью жертвенных оленей — «кормили» богов. В более позднее время «иконы» использовали как тарелки для жертвенного хлеба и сладостей. Остяцкий князь Тайтин употреблял для обрядов даже серебряное блюдо подаренное ему императором Николаем I-м.

Известный этнограф В. Н. Чернецов в 30-х годах слышал от Н. Я. Бахтиярова (по-видимому одного из дальних родственников уже известного нам шамана «Николы» с реки Вижай) рассказ о большом серебряном блюде, выловленном сетями на Оби и доставленном в святилище на Сосьве.

В археологических трудах читаем, что по странной иронии судьбы почти все дивные образцы серебряной посуды, зеркал, которыми восхищается мир, обнаружены не в исторических центрах Востока, а дебрях Урала и Западной Сибири. Здесь они хранились в святилищах и передавались из поколения в поколение. Одну из лучших коллекций серебряных блюд собрал чердынский купец Алин, общим весом в 16 пудов. К сожале-

нию, в возникшем при загадочных обстоятельствах пожаре, основная часть собрания погибла.

Старожилы из мансийских родов помнят, как шаманы скрепляли заключенный договор питьем священной воды из золотой чаши. В истории такой обряд назывался «питие золота», в частности при заключении великого перемирия между кондинскими, югорскими князьями с вымичами и вычегодцами в 1845 году. А вот в начале XX-го века в некоторых паулях блюда были настолько заурядными, что в них давали корм скоту.

В XVIII — XX-м веках тела домашних божеств стали выполнять из тканей. Скифские тарелки стали прикрепляться к груди божества, символизируя священность фигуры. Тогда же сложилась система унаследования реликвий младшими поколениями, которые не могли видеть их при жизни старшего хранителя.

На подступах к святилищу, тайные тропы защищались самострелами с костяными, позже коваными наконечниками. Пущенная стрела способна пробить лося на вылет. Возводились и другие ловушки: присыпанные ямы, висящие каменные осыпи, подпиленные деревья, капканы. На дальних подступах возводились кордоны охранников-хранителей заповедных районов — Ялпынг кан урне хумов.

Безусловно, во все времена охранять нехитрые дедовские «сокровища» было от кого. Уж кто только не охотился за мансийскими серебряными и тем паче золотыми идолами, ценными подарками для них. Кажется эта «золотая лихорадка» началась со времен открытия Сибири новгородскими ушкуйниками и спустя века, с переменным успехом продолжается в наши дни. История таких «исследований» и «экспроприаций» займет не одну страницу. Поэтому ограничимся скучными «выжимками» из доступных печатных изданий. Вообще, материальный интерес пришлых людей к сакральным «атрибутам» стал проявляться с момента их появления в мансийских молебных местах. Особенно много таких фактов связано с временами походов Ермака. Под прикрытием покорения Сибири и сбора ясака, некоторые операции напрямую связывались с поисками и захватом главной мансийской святыни — Золотой бабы. Некоторые историки считают, что ближайший соратник Ермака, Иван Кольцо со товарищи, именно за этим и подался в Сибирь. Несколько лет поиски продолжались по рекам Чусовой, Туре, Оби, Тавде, и дальше по Конде, Казыму. Улов был богатым — золотые культовые предметы, украшения и т. д.

С 1702 года начинается двадцатипятилетняя деятельность по крещению инородцев тобольского сибирского митрополита Фелофея Лещинского. В это время активно проводятся поиски и уничтожение всевозможных болванов, счет которых уже исчислялся тысячами.

Неугомонный священник Михаил Степанов с «товарищами» из Пельма много лет подряд, рискуя жизнью, ходил на Лозьву для «проповеди христианства», попутно просто уничтожая языческие кумирни (уничтожил до 75 штук!).

В многовековом противоборстве Мир-Сусне-Хума с русской церковью, Торм Анква (так манси называли русскую Божью матерь) одерживала победу. В языке манси, проживающих на «приграничных» с русскими местностях, прочно укореняются новые слова — Торм Лили емас (Дух святой), Торм Коль (церковь), Торм Пыль (Сын Божий) и так далее. Укореняются только в языке, однако душа лесного народа по-прежнему остается языческой. Боги же «уходят в подполье».

До революции организуется частными торговцами несколько экспедиций на Урал и на север Западной Сибири, в том числе братьями Кузнецовым. И по-прежнему преследуется та же цель: поиски золотых и серебряных идолов в старых капищах. Только вот район основных поисков переносится дальше на север, к Обдорску и Карской губе на побережье Ледовитого океана.

В послереволюционное время «орудуют» псевдо этнографические экспедиции из НКВД, искореняя шаманов и язычество, между делом загребая древние реликвии. В предвоенное и послевоенное время имело место массовое нашествие «черных археологов» и прочих неравнодушных к золоту деятелей. По свидетельствам старииков именно в сороковых годах было разграблено большинство современных культовых мест на Урале и Западной Сибири.

Главная мансийская святыня — Сорни-Най (Золотая баба) так и осталась в забвении. Во все времена интерес к этому божеству существовал преогромный. Сколько людей посвятило или еще посвятит свою жизнь поискам легендарного идола, не известно, но думаю, цифра исчисляется десятками тысяч. Около десятка таких людей пришлось встретить лично. Оборванные, голодные, больные, но с горящими фанатичными глазами, они «выбираются» каждый сентябрь на дороги и железнодорожные вокзалы с твердой уверенностью — вот в следующем году повезет... Что ж, вольному — воля! Однако хочется заметить, что, по большому счету, золотой идол нужен кому угодно, только не самим хантам или манси. Мне кажется, что с его находкой они навсегда потеряют очень важную часть своего национального самосознания, своего исторического прошлого и наконец, будущего.

По этому поводу вспоминаются слова из книги Юvana Шесталова «Тайна Сорни-Най»

О Сорни — най!
Полуночная священная богиня,
Полуденная солнечная героиня,
...Золотая наша
Ты охраняешь себя и нас...
Священная наша богиня
Мы не знаем где твои золотые сокровища,
Мы молимся лишь душе твоей золотой...
Своим неведением, и мы
Спасаем свою душу...

Суровые запреты распространялись, конечно, и на самих манси.

Известно, что даже в середине XX века, свои религиозные каноны манси исполняли. Так, по свидетельству очевидцев, в 1939-м году на священном озере Лунхусаптер (Озеро, куда садился гусь), была утоплена мансиака, рискнувшая нарушить запрет и взошедшая на священную гору. Ноги и руки ей связали ивовыми прутьями и бросили в воду.

И до нашего времени сохранились определенные ограничения для мансийских женщин. В частности, им запрещается прикасаться к охотничьею одежде мужа, ружью, находиться на мужской половине дома, руководить некоторыми обрядами, брать в руки богов и т. д. Запрещалось открывать лицо в присутствии посторонних и старших родственников мужа. И сегодня запрещается женщине, как существу «нечистому», посещение чердака, который символизирует «верхний мир», а также является местом хранения ритуальных вещей. «Посторонние» (женщины, дети и непосвященные юноши) не должны видеть лицевую часть священного покрывала с изображением Мир-сусне-хума. Когда на Лозьве почтился образ лося, его называли ялпынг уй (священный зверь), янывой (крупное животное, в качестве созвездия помещенное на небо). Женщины не должны пробовать голову, сердце, глаза, язык и хвост. Употребление сырого мяса считалось преступлением. Кости лося обязательно следовало выбросить в воду.

Раньше считалось, что лось имел небесное происхождение, у него было шесть ног, и догнать его не удавалось никому. Тогда на охоту отправился человек из племени Мось на лыжах из священного дерева. Ему удалось согнать лося с неба и отрубить ему две лишние ноги. Следы небесной охоты навсегда отпечатались на звездном небе в виде Млечного пути, а сам лось представал созвездием Большой Медведицы.

На реке Вижай (древнее название Ялпынг-я — «Святая река») существуют до сих пор священные запретные места — неприметные скалы, урочища. Например, каких-то сорок — пятьдесят лет назад женщины за два километра (зимой и летом), обходили подземную воронку на дне реки, место бурлящего водоворота. Невдалеке от современного поселка Вижай существовала специальная «женская» тропа. По преданиям, в воронке жил сам Хозяин реки Вижай. Вплоть до 1930-го года действовало рядом и капище в честь него. Вижай населяли и водяные сверхъестественные чудища Виткаси, топившие лодки тех, кто не жертвовал им подарка — завернутую в материю серебряную монетку.

Но самые значимые боги (Яныг-Ойка и Яныг-Эква — «Седые старец и старуха») дислоцировались в «водном святилище» в устье Вижая. Когда-то существовал их медный образ, он исчез при неизвестных обстоятельствах, и его заменили деревянным. После тотального «лесоповала» во времена Ивдельлага потерялись и его следы. Каждый год в конце лета им, богам, жертвовали вороного или гнедого коня, которого вели вдоль всей реки с горы Маись-Пар-Тумп, откуда начинается Вижай, в самое устье.

Интересно, что чуть выше по Вижай, на острове, веками располагалось «водное святилище» Сосьвинских манси. Подарки доставляли с Северной Сосьвы только в сопровождении «Вижайского Хранителя».

Младший сын «Седого старца и старухи» величался «Лусум-талях Ойка» (Истока Лозьвы Старик), он проживал в амбарчике в верховьях и так же имел собственного хранителя. Нижним течением «заведовала» дочь «старца и старухи» Таллум-тит най («Княгиня устья реки Таллум»).

В верховьях Лозьвы когда-то находился Сав-пауль, где в амбарчике «жил» Леп-Тит-Ойка — средний сын «Седого старца и старухи». Его фигуру раз в несколько лет доставляли в Яны-пауль вместе с хранителем, чтобы сосьвинские манси смогли принести ему жертвы и помолиться. По весне из Сав-пауля на лодке Леп-тит-ойку везли в «водное святилище» к родителям. Безнадежно затерялось в лесных чащах еще одно святое место Лумпа-старика, невнятно бормочущего персонажа древних мансиjsких преданий.

Трудно поверить, но по свидетельствам очевидцев, раз в семь лет у подножья скал — «священных каменных ворот» Отортена, Маньпупунера, Чистопа, Хой-Эквы и сейчас эпизодически продолжают появляться туши зверей с перерезанным горлом и повязанными ленточками.

Различные исторические события, военные столкновения, названия святых мест живут в названиях многих природных объектов — речках, горах, островах, угодьях, паулях. По всему Уралу встречаются — ялпынг-я «святая река», ялпынг-тур «святое озеро», ялпынг-воль «священный плес

реки», ялпынг-нел «святой мыс». Множество таких мест находится по реке Лепель, Ворье — Маньпупырсыmez (Малый мыс божка), Мансяркенсуйпауль (Поселение на малом пастбищном лугу), Холасисуй (Бор мертвых — кладбище). На реке Тапсуй, возле заброшенного родового становища Анямовых — Селтытпауль (жилище на реке Селтыт), там же в селении Суватпауль — родовое гнездо Анемгуровых, на реке Висум, заброшенное становище рода Лавериных — Нялингсуйпауль. Поселок Нерватпауль — (селение на краю Урала), на ручье Харасос, уже давно заброшен людьми, но тлен еще не победил покосившиеся амбарчики с соболиными черепами на берестяных крышах...

Река Северная Сосьва, севернее района нашего путешествия, являлась много веков настоящей языческой Меккой Урала. Весь район вокруг озера Турват, вершина горы Ялпынг-Нер, в старину были запретными и священными. Здесь располагались капища и стояли идолы. Земли принадлежали роду Самбиндаловых. Чего стоят только названия — селение Менква (святое место), Река Ялбынья (Молебная река). В раскопках святилищ найдены истлевшие деревянные изваяния богов. Легенды гласят, одни святилища ставились в честь победы в битве с хантыйскими племенами, другие в честь главных мансиjsких богов, третьи связаны с рождением знаменитых мансиjsких «богатырей». Среди подарков и подношений — кусочки тряпочек, шкурки, монетки, серебряные блюда, предположительно иранского изготовления, бронзовые фигурки зверей.

В «Пермской летописи» (1263–1881 гг.) В. Н. Шишонко сообщается, что главный Сорни-Турым (Золотой бог) вогулов находился в верховьях реки Сосьва (позже был перенесен на реку Конду). Так же здесь находились изображения Отр-тор — умевшего исцелять и оживлять, Пипуайна — способствующего удачной охоте.

Весь Урал разделялся на «зоны» ответственности одного из Оек — Старика-Хозяина. Например, у ручья Сопратсос на Малой Сосьве, на коре деревьев вырезаны фигурки чертей и людей, символизирующие границу владений Нер-Ойки, обитающего на горе Ялпынгнер. Каждый, кто впервые попадал сюда, должен вырезать на дереве особый знак «сопру».

О когда-то обитавших на Урале племенах людоедов говорят скучные археологические находки и названия — река Яныменквяя (Большая река людоедов), болото Ялбынхокелых (болото людоедов).

Существовало и общекняжеское молебное место, на острове реки Ляпин, под названием Торум-Кан (Божье место). И туда совершалось настоящее паломничество. На высоких и малых утесах, по рекам Зауралья с древнейших времен сохранились остатки «городков» — укрепленных поселений, огорожденных рвами с водой, насыпными валами. Некоторые

из них имели подземные этажи и переходы, под которые приспосабливались естественные пещеры и гроты.

Как и у Бахтияровых, в родах Самбиндаловых, Куриковых, Мониных, Тасмановых, Анемгуроных, — остались единичные семьи. Богов стало много больше, чем верующих в них людей.

Земли рода Анемгуроных граничили с еще одним легендарным запретным для посещения местом — горой Маньпупунер. Уникальное и красивейшее место Урала долгое время было неизвестно русским. Только в 1843 году экспедиция русского геолога А. А. Кейзерлина поднялась на гору. Новые исследования проведены в 1921 году В. Варсанофьевой, в 1937-м экспедицией Уральского горного института. В 1957 году, киносъемку места впервые осуществил кинооператор Пермского телевидения М. Заплатин.

По мере истощения пастбищ, запасов пушнины, миграции зверей в другие районы, количество людей в княжествах стало сокращаться. Уже в двадцатом столетии в районе «оставалось» несколько сот человек. В период раскулачивания и сталинских репрессий с Няксимволя приковывали несколько семей, вместе с оленями. Здесь и осели. Так и переселившаяся семья Игнатовых стала Бахтияровыми. Они прожили много лет в одном из паулей на Вижай. Произошло перераспределение охотничьих угодий и земель.

После революции 1917 года на Урале и в Сибири создаются Туземные Советы. В 1930-х они преобразовываются в территориальные Советы. В 1935 году на берегу Тошемки, недалеко от старинных дедовских «могильников», строится поселение-резервация для мансийских родов. Погребения там были старого типа: усопшие обмотаны множеством слоев бересты, поэтому прекрасно сохранились. Вешние воды Вижая каждую весну размывали берега, обнажая захоронения. В новый Тошем-пауль свозятся семьи с ближайших окрестностей. Учитывая тот факт, что выполнение решения курирует НКВД, в «добровольность» переселения совершенно не верится. Жесткую позицию заняли шаманы (одним из которых был Савва Бахтияров), всячески отговаривавшие сородичей селиться в «лагере». С некоторыми шаманами даже проводилась «просветительная работа» сотрудниками НКВД. В первые шесть домов вселяются семьи Бахтияровых. Один дом отводится под Туземный Совет. Позже строится школа для детей, в которой преподает русская учительница из Свердловска. Достраиваются еще двадцать домов. Председателем Совета выбирается Павел Бахтияров. Мужчины с оленями работали на строительстве дорог, рудников, в геологоразведке, на заготовках леса, пушнины. Женщины на выделке шкур, пошиве одежды, изготовлении лыж.

В заметках корреспондентов того времени, упоминаются лишь фамилии лучших охотников, сдатчиков пушнины, — Николая Онуфриева, Яки-

ма Бахтиярова. Освещаются в прессе стрелковые праздники Мар-патлон-топ-хотал, на которых пятеро охотников получили значок «Ворошиловский стрелок». Участвовал в соревнованиях даже 82-х летний Я. Н. Бахтияров. В честь дорогого вождя — И. Сталина планировался ежегодный лыжный праздник Мар-езан-топ-хотал.

Создание таких Тошем-паулей в уральской тайге очень похоже на опробование новых моделей контролируемых социальных единиц — компактных поселений, успешно примененных в годы массовых репрессий. В конце концов ход истории расставил все на свои места. В конце сороковых годов поселок опустел, все разъехались по своим родовым паулям, но еще долго вспоминали годы, проведенные в несвободе. Были и такие, что смогли отсидеться в труднодоступных глухих уральских углах, этакие мансийские диссиденты.

Если коснуться веры, то произошли изменения и в святилищах. Доверие к властям всегда было низкое, а начиная с 30-х годов и после лагерей во время войны, упало окончательно. Молебные поляны из паулей и их окрестностей, переносятся в труднодоступные дебри. Обнаружить их постороннему и вовсе не реально. Подарки и ритуальные чаши, уносятся еще дальше, скрываются в глубине темных каньонов Вижая и Тошемок. Где, по всей видимости, и находятся сейчас, но вряд ли кто сможет показать эти места. Те, кто прятал, давно отправились в подземный мир. А богатства стерегут Вор-Люльнэ (Лесная колдунья), Комполэн (Болотный дух), трехсаженной высоты лесной дух Вор пупыг, очень враждебный к людям.

По приказу шаманов, опасающихся новых гонений, выбрасываются и прячутся так же и медные вещи и посуда, имеющие то же сакральное значение, что и золотые и серебряные.

Прокопий говорит, что по верованиям манси — боги и все их подношения, принадлежат старым людям, и с ними должны уйти. Те из манси, кто забирал себе изображения чужих богов, кончали очень плохо. В случае если происходило отделение от рода новых семей, то делали «сыновей» духов-хранителей. Так происходило распространение образа духа по территории обитания.

Помимо обще мансийских богов, каждый род поклонялся определенному духу-первопредку -животному, например, филину, трясогузке, ворону, стрекозе. Эти животные изображались на идолах, считались священными, на них не охотились и оберегали.

До наших дней сохранилась такая интересная история.

В 1900-м году, у вогулов на севере Пермской области, был похищен тотем — серебряный слон. Многочисленные поиски пропавшегоtotema не принесли успеха. Вогулы решили, что украли русские. Размеры его довольно-

но приличные, 19 на 23 сантиметра, происхождение предположительно среднеазиатское.

А зимой 1935 года В.Н. Чернецов видел в святилище Йипыг-Ойки (Филина-старика) похожего слона. Фигура его гораздо массивней. По словам проводников, поднять его могли только четверо здоровых мужчин. Толщина стенок 2–3 мм. Слон выполнял функции второстепенного идола, охраняя вход в священный амбар. Манси отождествляли его с мамонтом. А мамонт в древней мифологии существование из подземного мира. В святилище он символизировал границу между нижним и средним миром.

Частенько деревянных богов заменяли необычные природные объекты — камни, скалы, пещеры. В XXII-м веке на Сосьве особо почиталась скала, очертаниями похожая на оленя. Долгое время, примерно лет сто, на ней возвышался просторный амбар, склад для подарков духам скалы. Да что там говорить, гораздо южнее, в населенных русскими местах, вблизи бывшего Благодатского завода, вплоть до 1900 года сохранялись магические знаки, выбитые на скале.

В 1930-х годах, у Бахтияровых, на молебной поляне находился Ахтас-Ойка (Камень старик), двух метровый каменный исполин, — скала, формами напоминавшая лося. Сама природа увековечила в камне их родовое божество. Много десятилетий оно исправно служило людям. Однако во время очередного камлания лось треснул и развалился на куски. Шаман, увидев в этом плохой знак, повелел сменить поляну, перейти в другое место, изготовить другого бога, — старый уже не сможет предсказывать будущее и помогать людям. С того времени, судя по датированию монет в заветном сундучке, появляются в нем металлические фигурки лосей. Рядом с деньгами и старинным медным лосем они заряжаются энергией и силой. По-видимому, для того же при их изготовлении на боках животных отпечатываются монетки, которые так же обозначают принадлежность фетиша к миру живых существ. Кто знает, может развалившийся каменный лось предсказывал наступающий этап окончательного угасания рода, массовый падеж оленевых стад, вырубку леса, строительство зон.

Вековой уклад жизни кочевников оказался нарушен.... С одной стороны, казалось, что условия жизни улучшаются: появилось снабжение продуктами, проводилась закупка пушнины, мяса, изредка выдавались новые ружья, снегоходы, лодочные моторы. Но одновременно пришли новые беды: тотальная безработица, повальное пьянство, переселение молодежи в поселки, падеж оленей, уменьшение запасов рыбы и зверя. Последнее стадо, в двадцать голов, Прокопий пас на Молебном камне в 1994 году. Остатки его примкнули к леспромхозовскому стаду на Кваркуше, остальные олени оди-

чили. Подавляющая часть диких оленей, тоже служивших объектом охоты манси, мигрировала в верховья Вишеры, Лозьвы, Печоры.

Вот таким образом повлияла пришедшая в тайгу в 1980–90-х годах цивилизация. И без того суровая жизнь в тайге осложнилась еще и полным прекращением всех государственных программ поддержки. Люди, забросившие оленеводство, охоту и рыбалку, утратившие вековые навыки, оказались брошенными государством, отрезанными от мира.

Жизнь заставила возвращаться к истокам, что удалось далеко не всем...

Листая пожелтевшие записи родословной, бережно сохраненные Прокопием, понимаешь, насколько не легкая доля выпала ему и его предкам. Из всех родившихся детей, выжило меньше половины. Остальные стали жертвами различных обстоятельств: болезней, неосторожности на охоте, потерялись, замерзли, убиты в пьяных драках.

В родословной указываются имена только мужчин. «Женщины здесь не причем», — говорит Прокопий. Задачей мансиjsких женщин было рожать побольше мальчиков-охотников, и немножко девочек для продолжения рода. В старые времена им даже охотиться не разрешали.

Прокопий вспоминает своего деда, Прокопья-Ойка, уважаемого всеми охотника. Сородичи называли его Койпынг — ныйт (Шаман, имеющий бубен). Родился он в 1892 году, совсем недалеко отсюда, в пауле, который не сохранился. Его оленье стадо насчитывало около тысячи голов, это были лучшие годы для рода. Образ жизни был полностью кочевой, на пастбищах от Мартая и Кваркуша, до горы Пумсаюмнел и Лунтхусапсяхл (Отортена). На нартах возили сложенные чумы и весь провиант. Кочевали вместе с детьми, лишь изредка спускаясь с гор, обычно зимой в Ким-Чупа-Пауль. Черная, заплетенная ленточками коса — символ мужества и мудрости, трубка в зубах, делала похожим деда на индейского вождя. Казалось, он знал все ответы на все вопросы. И уж тем более, знал все об окрестных горах, лесах и реках. Глава рода, уважаемый хранитель капища, мудрый толкователь древних законов и обычаев. Он, как и все шаманы, был красив и силен — той силой, что по капле отдавали ему эти горы, небо, тайга и кровь жертвенных зверей.

Постепенно поголовье оленей уменьшилось до 600 штук. Двести общеплеменных и четыреста личных. В год стадо давало приплод в 250 голов. Примерно 50 умирали от болезней, отбивались, загрызались волками. Оставшиеся сохранялись для продолжения рода и пропитания, жертво-приношений и т. д. Попутно шла охота и на диких оленей, которые в брачный период забредали в стадо. Их шкуры отличались лучшим мехом и стоили вдвое дороже домашних. Вот такая нехитрая арифметика.

У каждого, даже самого маленького жителя пауля, был собственный

жертвенный олень. В любой праздник его можно было отдать богам с различными прошениями. В основном просили о здоровье и удачной охоте. Под предводительством шамана, под его гортанные звуки и громкий равномерный бой бубна, с перерезанного оленевого горла сцеживали немного горячей крови. Часть оставляли в берестяной посуде — для богов.

В нынешнее время, уходя на охоту и рыбалку, манси всегда поставят на стол тарелку с угощениями — нянь (хлеб), сладкое, воду. Соблюдают древний обычай...

Прокопья-Ойк вспоминал, как вместе со своим дедом ездил на оленях по нартовой дороге, проложенной по гребню Уральских гор. Ею пользовались на протяжении веков многие поколения хантов, манси, коми-зырян. Она петляла по вершинам, мимо истоков рек Улса, Вишеры, Лозьвы, Сульпы, Сосьвы, Котлии, Луеулья. Ее пересекала другая «стратегическая» дорога, через Урал, в истоки Илыча — по ней vogулы ездили на торги к жителям Печоры. Дорога проходила между двух вершин — Маньятумп (маленький остров) и Иоутхури (Гора, похожая на лук). Манси-оленеводы с раннего детства видели суровую красоту горных вершин Урала. Обдаваемые всеми ветрами, открытые бескрайние пространства заснеженных плато были гораздо милее темных лесных пейзажей предгорий. Наверное, и вся их жизнь была соткана из этих картинок природы — то злой и хмурой, то солнечной и радостной, и тогда не было счастливей минут...

С чем сравнить красоту одинокого Отортена — горы Лунхусаптсяхл («Гусиного гнезда») которого еще в старину манси называли Воттаптансаяхль — (Гора, творящая ветер), Лув-нера («Лошадиной головы»), что русские зовут Тулым, Самполсяхля — («Одноглазой горы»), островерхого а («Старик слуга»), Гумкапая (Малой горы Великанов), наконец удивительного Маньпупунера.

Оленеводы считали — сумрак леса населяют злые духи, высота же гор — для святых и добрых. Вот так и кочевали дети тундры по водоразделу: где-то оставив затертую палатку у старого костровища, где-то повязав красную ленточку или с молитвой бросив на снег прядь шерсти из малицы, где-то просто поклонившись. А пересекая незримые границы владений своих «Оек», каждый раз вырезали на коре лиственниц личину божества.

Особого почитания требовали символические (а для манси вполне натуральные) ворота к духам — две высокие скалы на вершинах или в ближайших окрестностях многих гор — Ялпынг-Нера, Отортена, Ойка-Чахля, Чистопа, Хусь-Ойка и многих других. К ним даже сильные шаманы не приближались «просто так», а всегда соблюдали особый ритуал подношения «кровавой жертвы»

Дед, Прокопия казалось, знал все истории и легенды про каждую вершину и ручей. Из поколения в поколение, из века в век, передавались названия вершин и скал и связанные с ними сказки мансийского фольклора. Вот пройдешь совершенно голую каменистую вершинку, по мансийски Пуп, а оказывается двести лет назад здесь произошла стычка с обскими племенами, погибло много воинов-охотников...

Прокопья-Ойк мог показать вершинку на водоразделе бассейнов Лозьвы и Печоры, под названием Габгартне-Тумп (Холм, через который перетаскивали лодки). Там проходил волок с Печоры в Сибирь. А южнее, вблизи перевала под названием Порытотнесори, в течение многих десятилетий, летом стояли чумы кочевников. На западном склоне горы, произрастали растения пиканы с красивыми белыми шапками — «медвежьи дудки». Их заготавливали, запекали на огне по специальному рецепту, и лучшего витаминного блюда для кочевников было не найти. Заросли «дулок» так же привлекали косолапых, чем и пользовались временами охотники.

Под Отортеном, в самом истоке Лоссемьи (Лозьвы), многие десятилетия располагались мансийские стойбища, чуть ниже их «зимние» юрты. При впадении речки Ауспии в Лозьву — юрты Укладова, в окрестностях озера Сау-Пауль-тур, — Коврижини, выше устья Талицы — Петрушинские юрты, ниже — Кослоповы, еще ниже — Шеины.

Остатки целого vogульского городка можно было видеть в начале двадцатого века на правом берегу Лозьвы, ниже устья Тумпии, вблизи vogульской Якишиной юрты. Посреди леса еще сохранились оплывшие землянки и курганы...

Всем туристам известна запретная гора Холатчахль, вблизи которой находится перевал Дятлова. Здесь около ста лет назад, при загадочных обстоятельствах, пропали и замерзли несколько оленеводов.

Там же, в сказках мы узнаем о расселении первобытных мансийских племен от Предуралья до Сибири. В первобытное время, называемое манси — «эрыг й ис», в верховьях Волги, на Каме, Южном и Среднем Урале обитали племена «Торум — Сирх» (Божеских Людей). Позднее из них образовались племена Пор-нэ и Мось-нэ. На востоке они соседствовали с племенами людоедов «Менкв» (бассейн реки Туры), «Учи» (район современной Тюмени), «Тири-нел» (Татуированных людей).

Оленеводы Бахтияровы добирались по Уралу с оленями даже до горы Непуби-Ньер (нэ пуби — богиня-идол в образе женщины), называемая на картах еще Болвано-из. На юг же пробирались в основном по дороге называемой — «Мир Лянг» (Народный путь), проходящей частично по Велсу и Вишере. Им же когда-то пользовались русские для походов «за Камень».

Персонажами других сказаний выступали легендарные личности — великан Торев (Медведь), мудрый вождь Куущай с сыном Пыгырчумом и красавицей — дочерью Аим, богатыри и воины, победившие хитрых и коварных врагов мансийского народа. Сказки и были — все смешалось в людской памяти...

И так часами дед мог рассказывать о горах, о годах, о жизни...

Жаль, что эти истории ушли вместе с ним.

Многие сказки, ходившие в роду Бахтияровых, с раннего детства заменяли детям шаманские проповеди и уроки учителей, повествовали о правилах мансийской жизни.

Построили как-то на ручье шесть семей новый пауль в несколько жилых домов. Только поселились, стало в жилищах неспокойно по ночам, слышались стоны, шорохи, поскрипывания. То вещи сыплются со стен, то затрещит береста на крыше под снегом. Жуть страшная. Собаки, обезумев, посреди ночи гоняются за пустотой. Обратились за помощью к шаману. Камлал шаман и сказал, что люди давали обещание богам и не выполнили его. За это их и наказали, дальше жить в этом месте нельзя. Бросили люди новый пауль. Навсегда ушли на другой ручей, а там вернулась к ним удача и спокойствие...

«Правда давно все это давно было —... олень живет двадцать весен, песец десять, утка пять. Десять оленей, десять песцов и десять уток родились, жили и умерли. Вместе все века сложить — вот как давно это было» — из книги К. Носилова «Северные рассказы».

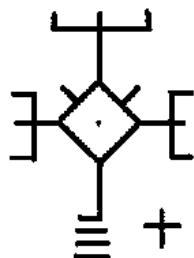
Похожая загадочная история произошла и в современное время с Суеват-Паулем (в 1950–60-е). До сих пор нет внятного ответа на вопрос, почему манси оставили жилье? Какие только не услышишь объяснения — от полнейших истощений лесных угодьев и многочисленных вырубов, до «прописков» коварных менков, напущенных проклятиями чужих шаманов.

Очень любил дед поиграть на санквылтапе — поющем кораблике, самодельном музыкальном инструменте. Санквылтап — это своеобразная смесь скрипки и балалайки, струны поющего кораблика — это высушенные олени кишки. Нам еще удалось подержать в руках сей потемневший от времени и рук сто пятидесятилетний инструмент. Он чудом сохранился под берестяной крышей в развалившемся доме. В его мелодиях воображение услышит и вой ветра в горах, и тихий шелест леса, и крики диких животных и глухие удары шаманского бубна. Такие инструменты использовались в некоторых ритуалах, и раньше хранились также в ура-сумьяхах вместе с прочей шаманской атрибутикой.

Под музыку санквылтапа, исполнялись древние песни-мифы. Одно из самых интересных преданий, исполнявшихся в роду Бахтияровых, из-

вестная песня о горе Лунтхусапсяхл (Отортен). Не возможно определить время ее образования, но описываемые в ней геологические события произошли миллионы лет назад. Заслуживают внимания этнографов и песни про наступившее на Урале оледенение, а за тем наводнение. По историческим данным в верховьях Вишеры, Лозьвы оно наступило 200–250 тысяч лет назад. Люди вынуждены были много лет спасаться на вершинах высоких гор, жить в пещерах. Ойкачахль, Отортен, Чистоп приютили людей и оленей. Предки решили больше никогда не отходить далеко от этих вершин и осели по долинам рек и ручьев. Вот, где хранится тысячелетняя история...

Услышали мы и песню про Кимг-Чупа-Пауль. Песню, как поведал Прокоп, сложили «деды», а переложил на музыку его отец. На его памяти исполняли несколько песен про родной пауль, а вот в памяти сохранилась одна. В ней пелось обо всем, что виднелось вокруг, что бросалось в глаза и оставалось в душе наблюдателя. О тишине, о дальних зеленых горах и близком Чистопе, токующих в брусличнике глухарях, горном журчащем ручье, хитрых сирепых медведях, гаснущей в дымке горизонта заре....

ШАМАНЫ

«... Когда мы подходили к селению, раздались вдруг оглушительные звуки барабанного боя. Их быстро подхватила тайга. Гром стал расти, шириться сливааясь с неистовым лаем собак. Шаманят!»

*С. Морозов-Уральский,
«Народы Северного Урала»*

В отцовском доме Прокопия сохранились до нашего времени и костяные различные вещички, от наконечников стрел и острог до бус и украшений. При почти полном отсутствии металла удивляешься воплощенной в вещах и инструментах высокой инженерной мысли. Все просто и надежно. Взять хотя бы самодельную, почти первобытную конструкцию дрели. Вместо сверла в ней костяной полукруглый наконечник, все остальное — два цилиндра из высушенного кедра и система кожаных ремешков. На изготовление отверстия уходит чуть больше времени, чем обычным коловоротом.

Слушая рассказы про деда — няйт-хума (шамана) Прокопья-Ойка, представляешь, как при мерцающем свете огня сухой, но крепкий старик не торопясь перебирает вещички в специальном кожаном кошельке и тихонько шепчет свой пойк (молитва для духов). Мешочек не простой, сшитый из кожи неродившегося лосенка, он хранит множество великих шаман-

ских тайн. Прокопья — Ойк извлекает их на свет и долго рассматривает свои сокровища. Здесь — обточенные природой камушки, похожие на фигурки и головы животных, кристаллы прозрачного хрусталия, бронзовые фигурки священных животных, какие-то непонятные деревянные пластиинки с черточками, медвежьи и рысиные клыки...

Все эти вещички являются своеобразными «жилищами» для духов. Они могут быть изготовлены совершенно из любого материала, даже нарисованы углем на бересте любым человеком. Но только шаман, своей силой, может убедить духов поселиться и оставаться там надолго.

Просьбы к духам традиционно сдержанные, например, просили «немножко дичи», «немножко приплода» и т. д., нельзя требовать больше, чем заслуживает принесенная жертва.

Каждый шаман был жрецом одного или нескольких духов. Их изображения можно встретить на его костюме, амулетах, бубне, посохе. И здесь, так же как и в родовых знаках — оберегах, каждая мельчайшая деталь, черточка или веревочка имеет свое сакральное значение. В случаях тяжелых, когда шаману не хватает силы, он может призвать духов на время войти в свое тело. Любой манси знает, что наша земля наполнена множеством разнообразных духов. Главными помощниками шаманов служат духи предков, — скитающиеся по земле, живущие в специальных амбарчиках, в иттермах, а так же духи других шаманов. Когда человек заболевает, это значит, что в него поселились духи болезней. Шаман должен их извлечь и отправить в нижний мир. Чтобы получить полезную для себя информацию, нужно «пообщаться» с духами мест (хозяевами гор, рек, скал, деревьев). Особенно важны духи животных, так как они умеют перевоплощаться. Если на охоте человек неуважительно отнесся к своей добыче, ее дух может разозлиться и убедить остальных животных покинуть эти места.

У каждого шамана, (как в прочем в различной степени и у любого манси-охотника) имеется «животное его силы», чей облик он принимает в своих путешествиях по верхнему, среднему и нижнему миру. У него же он и черпает свою энергию. Эта сила помогает преодолевать трудные препятствия и принимать решения способные изменить всю жизнь.

Вот некоторые черты, которыми наделялся человек, использующий силу данного животного.

Олень (Сали) — дает великодушие, умение слушать, красоту, понимание средств для выживания, связь с богами леса.

Лось — перемещение в мир души, возвращение души, хорошую физическую силу, мудрость, скорость.

Лягушка (Нярос) — связь с богами воды, понимание чувств, перевоплощение, связь с предками.

По свидетельству Прокопия в стародавние времена уровень силы шаманов был гораздо сильней. Некоторые умели разговаривать с животными, понимать растения и деревья, раздваиваться и присутствовать одновременно в разных местах. Отнимать и возвращать душу из мира живых и мертвых людей, ведь потеря души считается главной причиной возникновения серьезных болезней. Помогали человеку найти «себя» и определить свое место в мире. Умели восстанавливать силы путем искуривания различных трав — шалфея, тимьяна, можжевельника и использовали время различных фаз луны. Использовалось и традиционное шаманское средство — мухоморный сок (Все же остальные грибы назывались «ивмэнкиль» — порождение дьявола, и в пищу не использовались). Самые сильные шаманы Малой Сосьвы, поклонявшиеся Холивот-Ойке (Восточного ветра Хозяину), исполнив специальную песню, могли вызвать дожди и наводнения летом и обильные снегопады зимой. За последние лет триста эти способности значительно уменьшились или исчезли совсем. Сохранились лишь знания по целительству и предсказаниям да некоторые обряды. До сих пор тяжелые болезни лечатся с помощью заговоров и обещания кровавой жертвы Мир-Сусне-Хуму, Полум-Торуму, Куль-Отыру. При этом вырезается из бересты фигурка оленя, в нее заворачиваются несколько монет, и семь раз обводиться вокруг головы больного. Затем завязывается в угол платка и укладывается рядом с духом покровителем. Когда же случается жертвоприношение, ее извлекают, «поят» жертвенной кровью и разрывают на куски. После этого момента, болезнь покидает тело человека. Некоторые шаманы и сейчас могут очищать для питья болотную воду, предсказывать результаты охоты, погоду.

Важным лечебным средством является окуривание жилища и одежды больного человека чагой, пихтовой корой, можжевельником, бобровой струей и другими веществами. Необходимо отметить, что окуривание можжевельником и багульником активно применялось шаманами для общения с духами.

Так же, по совету шамана, в стародавние времена кололи защитные татуировки на теле. Сейчас же такого почти не осталось, а вот ношение оберегов и талисманов очень распространено, особенно у мансийских женщин.

Здоровья просили и у Ворона, покровителя женщин и детей, на празднике в начале весны. День Ворона в последние десятилетия приурочивается к православному Благовещению — 7 апреля.

После таких рассказов то же очень хочется заиметь какой-нибудь священный талисманчик-оберег от злых духов, в этой непредсказуемой и удивительной лесной стране. Но увы, такие подарки для «чужих» здесь не предусмотрены.

Хочется упомянуть о специальных людях, занимавшихся гаданием, — кайленах. Имея ранг ниже шамана, тем не менее они занимали весомое место в иерархии лесного народа и так же «сопровождали» человека от самого рождения до смерти. Гадание происходило на топоре, на берестяной люльке — апе, на птичьих крыльях, ножах, огнивах и даже на носилках с лежащим покойником (определение болезни). Кайлены когда-то тоже функционировали в роду Бахтияровых.

Гаданием разрешалось заниматься женщинам, среди них встречались выдающиеся предсказательницы и исцелительницы. Так же на Урале встречались и чисто «женские» святилища, имеющие конечно статус гораздо ниже. К категории гадания относятся и детские обряды, когда-то проводившиеся на Сосьве, посвященные Луне.

Еще при Сталине, в 50-х годах, в оленеводческих совхозах, стали создаваться партийные ячейки. Поначалу из Бахтияровых никто не соглашался вступить в КПСС. Однако в результате настойчивого давления местных Ивдельских властей и что бы избежать прямого правления русских начальников, Тимофей Прокопьевич, отец Прокопия, согласился. Отношение к этому со стороны сородичей совсем не однозначное, ведь он одновременно являлся шаманом, хранителем рода. Даже с родителями и детьми из-за этого случались разногласия. Не смотря на его авторитет и охотничью заслуги, в родословной летописи вместо привычного «Ойк» (Старик), мы читаем — «Большой палец коммуниста». Такой вот небывалый случай, коммунист — шаман. Лично я не сомневаюсь, что Тимофей Прокопьевич это сделал для блага своего народа, все-таки время диктовало свои порядки.

На фотографиях виден властный, можно сказать, суровый человек с самодельной тросточкой в военном мундире сталинских времен. Еще в молодости Тимофей Прокопьевич серьезно подвернул ногу, она загнила. А в лесу лекарства известно какие — травы да медвежий жир. После обертываний опухоль спала, боль прошла, но кость перестала расти. Одна нога стала короче. Так и проходил всю жизнь с палочкой, летом с одной, зимой на лыжах с двумя. Только представьте: по камням и болотам, где и здоровому человеку тяжело, идти с сотнями оленей. И нужно было расстить пятерых детей. Да еще обязанности хранителя рода, старшего в оленеводческой артели, пожарного наблюдателя в летнее время. Пожарный пост располагался на вершине отрога Салатима, всего в получасе ходьбы от пауля. Отсюда на много десятков километров тайга просматривается вокруг. Покопий говорит, что в ясную погоду видел пост с горы Яны-Емки, а это почти сотня километров.

Относительно недавно, каких-то 30 лет назад, Тимофея Прокопьевича можно было увидеть с бубном, под могучей сосной на обрыве, у риту-

ального костра. Была у него и ритуальная берестяная маска, в которой исполнялись танцы. Благодаря таким шаманам сохранились крупицы знаний предков, которые, увы, безусловно оказались безнадежно потеряны обруссевшим мансийским сообществом на территории Западной Сибири. Еще один креститель Епископ Никанор очень возмущался по этому поводу: «Если большинство vogуличей, окруженных русскими, христианизировались через них, то меньшинство, а именно vogуличи Лозьвинские, Вижайхинские, Тошемские и др. жили вне сферы обрушения, почему их религиозно-нравственное состояние во второй половине минувшего (19-го) столетия представлялось малоудовлетворительным...»

А сосна-то, вон она, виднеется на вершине ближайшей сопки — отрога Салатима, глыбой нависающего над поселком, — все-то тут рядом, многовековые сказания запросто переплетаются с действительностью. Как раз сейчас над ней ярким блюдцем повисла Луна. Захотелось выйти из дома, полюбоваться наочные пейзажи.

Снаружи ночь, темень... Внизу сгустился мрак, черными тенями зияют распадки, горы и лес слились вместе. Стойбище тонет в холодном тихом свете. С травы поднимается белесый, призрачный, холодный туман. Над головой неподвижно, рассыпанные алмазной пылью, висят миллиарды звезд. Временами одна, а то и несколько, падают яркими метеорами, бороздя небосвод. Да это же настоящий звездный дождь... Это к удаче. Хотя по стариинному мансийскому поверью, всегда нужно говорить «Не моя звезда упала». Манси верят, что это покидает наш мир душа умершего человека и летит в подземный мир.

Я бы мог всю ночь смотреть на далекие звезды, созвездия — разноцветные миры. В них воплощаются неразгаданные тайны мироздания...

Кроны ближайших сосен в темноте напоминали башни и флаги какой-то сказочной крепости. И над всей ночной красотой висит звенящая тишина. В природе, в отличие от людских отношений, царил покой и тишина. Дух захватывает от этой торжественной и умиротворяющей картины, в затерянном лесном kraю.

Нахлынувший поток информации, имен, событий не успевал «переварится» в голове. И здесь, среди бездонной августовской ночи, размеренного дыхания звезд, в голову пришла мысль, ясная и простая. Удивительно, что люди, не имеющие никакого социального положения, материальных благ, документов, связи с внешним миром, при этом абсолютно счастливы, веселы, жизнерадостны. И они желают всего лишь одного, чтобы их оставили в покое и не вмешивались в их размеренную и вольную жизнь.

БАХТИЯРОВЫ

«... Рубаха оказалась верхом vogульского искусства. Она была действительно сделана из выделанной рыбьей кожи и сшита беличьими жилами.

«— Настоящий пещерный человек,» — определил доктор».

Д.Н. Мамин-Сибиряк, «Старый шайтан»

Весь следующий день, посвящен изучению и киносъемке Кимг-Чупа-Пауля и окрестностей. Начать решили со старого поселка. Хотя «старый» понятие относительное. Прокопий обещал показать еще более древние поселения его предков. Центром притяжения, безусловно, является ура-сумьях (святой амбарчик). Он представляет собой рубленный из кедровых плах домик, размерами метр на полтора, на длинной четырехметровой опоре — «курьей ноге». Ногу, спиленный кедровый ствол, на уровне глаз украшал «катпос» — родовой знак. На заплывшей смолой затеске вырезан знак, в виде заглавной буквы «Т». Каждый новый мужчина-охотник прибавлял к этому символу определенный значок или черточку. Катпос служил своего рода индивидуальной подписью, сообщавшей о родовой принадлежности. Обратившись к доступным историческим источникам, можно попробовать как-то интерпретировать заложенное в нем

смысловое содержание. Юван Шесталов, известный мансийский писатель, толкует символ «|», как линию, нисходящую с верху вниз, от Бога к человеку, как символ небесного происхождения человека. Символ «—», как смысловой знак, образ идей, чувств, эмоций.

Обычно в верхней части поселения располагалось молебное место. В нижней части, за пределами поселка, кладбище.

После удачной охоты, кровь убитого животного лили в костер, туда же бросали кусочек шерсти и сердца. На дереве оставляли затеску с изображением катпоса и знаком добытого зверя. Также на деревьях с катпосом метили границы родовых угодьев.

Рядом с сооружением, в брусничнике, покоится длинная лестница, которая обычно спрятана от посторонних. Очень хочется приставить ее, открыть заветную дверцу. Но по угрюмому виду проводника понимаем, этого не следует делать. Предвосхищая наши вопросы, Прокопий говорит, что богов давно нет, их перенесли, когда стало слишком много в округе посетителей. Конечно же, они здесь были, с 30-х до 70-х годов. Однако запретная дверца, привязанная ржавой металлической проволокой, магнитом продолжала притягивать наши взгляды и будоражить воображение.

Возле поросшего сосняком пусаса (загона), с увенчанными оленями черепами столбами, виднелся маленький домик. В нем, в 1956 году родился на свет Прокопий. Построил его отец, Тимофей Прокопьевич, в 1940-х годах. Конструкция домика, типичная для остальных мансийских жилищ, проста и надежна. Сплоченные между собой олеными жилами, пласти бересты, гигантскими кудрями-завитками свисали с крыши и бревен под окнами.

Солнечные лучи отражались на бронзовых сосновых плахах стен, выщербленных временем, высвечивая в окне лежащую на столе книгу «По западному Уралу» — сборник географических статей, огарок свечи, несколько окатанных цветных галек. Внутри все обычно для мансийского жилища — нары на мужской и женской половинах, печка, умывальник, стол. Глухая северная стена подернулась плесенью и паутиной. А в остальном, все в рабочем состоянии и довольно обитаемо. Места конечно маловато. Интересно, как же здесь умещалось восемь человек.

Нам не терпится взглянуть на внутренности чердака, быть может, найдется там у задней стены йив-тотап (деревянный ящик) или пупыг-тотап (сундук духа хранителя) или варимулам осна тотап (сундук для жертвенных предметов)? Но нашим надеждам не суждено было сбыться...

«Хожу иногда сюда. Хотел печь перебрать, а то труба скоро обвалится», — говорит наш гид, сохраняющий дом в память о родителях. Можно сказать у него тут целый музей. На стенах висят старые фотографии, на

них дед, бабка, родители и горы, олени, снег. Мгновения давно минувших дней. Прокопий, указывая на имена, повторяет имена, фамилии: «Самбиндалов, Анямов, это Гришка, Тимка, Никола». Вся география здешних родов предстает на одном снимке. Вот с фотографии бравым гусаром смотрит молодой Прокопий. Настоящим таежным джигитом был он тридцать лет назад.

«Это на медвежьем празднике, здесь — забой оленей под Казанским камнем. Стада были огромные, по пятьсот голов, спать некогда было, целями сутками с ними. Постоянно смотреть, чтобы не разбежались, чтобы волки не задрали. Вовремя залить смолой треснувшие оленьи копыта, пока не загнили ноги. Сколько других забот... Пастухи вставали в четыре утра, ложились в час ночи. Труды неимоверные, но все это наше, мы ведь кочевники. Вся молодость, вся жизнь, прошла в горах, в дороге.

Не заметил, как внизу, в Ким-Чупа-Пауле, выросли дети. Сын и дочки взрослые — сами себе хозяева. И мы так же росли, с матерью, — мужики все на Урале. Братья, дяди, все жили поблизости, очень помогали». А как исполнилось Прокопу 14 лет, наравне с взрослыми стал оленеводом.

Согласно исследованиям историков, пришлые племена угров — будущие манси — переняли оленеводство у ненцев на севере. Впоследствии оно распространилось до границ Южного Урала.

Воспоминания рекой нахлынули на Прокопия в родительском доме. Рассказывая, руками он перебирал разные интересные вещички из ящиков. Какие-то шкурки, пряди сушеных оленьих жил, сломанные костяные иголки, сточенные ножи — нильсап, исхоженные детские меховые тапочки-нярки. Каждая, несла свою историю, воспоминания, теплоту прикасавшихся к ней рук.

Пара рысиных черепов, извлеченных на свет, направила разговор в охотничье русло.

В потаенном углу обнаружился и санквылтап, поющий кораблик, без одной струны.

«Много вещей мы отдали в Ивдельский музей, думал и его тоже, а нет, еще поиграем. Дед мой смастерил его в молодости. Но ложки больше ему удавались, десятками он их строгал за длинную зиму». Нашелся и чиркан, деревянная ловушка давящего типа. Довольно интересное приспособление: и зверя ловило, и шкурку не портило. Особой науки требовал самодельный лук длиной полтора метра. Он склеивался из двух частей, березовой и еловой, взятых из частей дерева обращенных на юг. Мощность выстрела такого лука сравнима с ружьем.

Сиротливо выглядывает из дальнего угла берестяная люлька — апа. Она подвешивается к потолку (а когда-то прямо под крышей чума), закре-

пляется в разных положениях и может, амортизируя, качаться. Вся ее шершавая поверхность покрыта мелким цветным родовым узором. Конструкция люльки такова, что внутрь без труда вставляется еще один вкладыш, наполненный природным дезинфицирующим материалом — мхом и бересковой стружкой. Этакий прообраз современных памперсов.

«Многих уже нет в живых из тех, что лежали в ней малышами», — задумчиво говорит Прокопий.

Меня заинтересовал кованый, металлический наконечник от стрелы или копья. Весь источенный, тем не менее еще в рабочем состоянии. По словам хозяина, остался от дедов. Сколько же ему может быть лет, десятки или сотни?

Плавка металла и металлообработка существовали на Урале еще до нашей эры. Где-то в горах работали кузни, изготавливали панцири, клиники, наконечники копий, предметы культа. Хотя так же широко использовались и костяные наконечники, не уступавшие металлическим по твердости, которые мог изготовить любой охотник. В позднем средневековье очень почитались изделия и оружие из меди. Их также подносили с подарками богам. А в случае войны использовали по назначению. В более древние времена личины богов покрывали бронзовыми, медными, серебряными масками. Одна из таких мансийских кузней находилась на горе Высокая (город Н. Тагил). Остатки металлических шлаков найдены рядом с Ким-Чупа-паулем в Ивдельском районе Свердловской области в древних святилищах на вершинах гор в районе Ушмы и Бурманово, датируемых археологами поздним железным временем. В раннем железном веке на Урале зарождается традиция изготавливать вместилища душ умерших людей называемые иттерма, в виде металлических фигурок. Обычно это были хищные птицы или антропоморфные существа с фигурами птиц на головах.

В прихожей жилища торчат несколько рыболовных морд — кямок, плетенных из прутьев. Петли из ржавой металлической проволоки, ими в старину ловили даже уток на болотах. В берестяном туеске бурый порошок: оказалось, это краска, которую варили в стародавние времена из корней лиственницы, а еще раньше из болотной руды. Но рецепты приготовления уже утрачены. Краски так же изготавливались из глины, которую добывали в одном из береговых обрывов реки Маньи.

Рядом с домом, в окружении молоденьких сосен — сопос, продуктовый амбар на курьих ножках. Кажется, он скоро развалится — так перекошен. Когда-то рядом стоял еще дом, но пожар испепелил его дотла, сейчас и следов не осталось. Зато сохранился запас бревен, поставленных стоймия в виде чума, чтобы ни сгнили. Сейчас на застраивающей поляне стойбища хозяинчиают зайцы. Их с большим успехом отлавливали дочки Прокопа и

садили в клетки перед домом. Косые жили в неволе и, вопреки расхожему мнению, даже размножались. Также домашний зоопарк населяли пойманые глухари. Какой же Кимг-Чупа-Пауль без глухарей? Один так громко токовал, что к нему слетались самки с ближайших окрестностей. Как-то по недосмотру хозяев они, оставшись без воды, умерли.

Метрах в трехстах ниже по ручью виден еще один домик с единственным оконцем и истлевшей крышей. Внутри здесь все пусто, стены расползаются, с потолка сыпется песок. Обнаруживаем пару инструментов: истлевший рубанок и сломанную дрель, заплесневелые шкуры, чуман — берестяное лукошко. Одиноко болтается на стене легендарный пынзян — олений аркан. Инструмент в жизни мужчины — манси «одухотворен» — его почитают, берегут, с ним разговаривают. Женщине запрещено прикосновение к нему.

Олени.... Автору частенько приходилось слышать, что без оленей манси перестают быть манси. Прокопий сказал так же. Об оленях он может рассказывать часами. Особенно о своих любимцах: все красивые, могучие, осторожные, умные, как их далекие предки. Точеная голова, украшенная ветвистыми рогами. Весь состоящий из упругих мышц. Ноги тонкие, но сильные. Дитя открытой всем ветрам горной тундры.

Маршруты кочевий у всех пастухов были разными, зимой пастбища требовалось менять через месяц, чтобы обеспечить животных достаточным кормом. У предков Бахтияровых практиковалось разделение: некоторые семьи выращивали чисто ездовых оленей-быков, другие разводили важенок для мяса и шкур. Продукцию ездили обменивать на Березовскую и Ивдельскую ярмарки. По рассказам ивдельских старожилов, вплоть до конца 1940-х годов на улицах Ивделя частенько можно было встретить запряженные оленями нарты под управлением ездоков в меховых одеждах, расшитых яркими узорами.

До последнего времени стадо около двухсот оленей пригоняли с Уральского хребта, с истоков Лямпы, пастьись под Богульский камень на Кваркуше. Помню, как в сентябре, в конце девяностых, я повстречал это стадо на плоской высокогорной тундре Кваркуша. Заправлял стадом последний оленевод на Северном Урале Сергей Бахтияров.

Впечатления получил самые разнообразные. Очень интересно было наблюдать, как среди молодняка и самок, метались и дрались самцы, сцепляясь огромными, ветвистыми рогами. Другие чутко замирали, поглощенные ожиданием, жадно вздыхая новые запахи. Еще интереснее было наблюдать за только что родившимися детенышами. Уже через несколько часов они пытались вставать на ноги. И вот, уже спотыкаясь и покачиваясь, пробовали ковылять за своими мамашами на тоненьких ножках. Впе-

реди их ждала холодная, выюжная зима, волчьи погони и множество кочевых переходов на зимние пастбища и прочие испытания.

Настоящий экстрим для русского человека представляла собой простая поездка за дровами в нартах, запряженных четверкой быстрых оленей. Нарты летели по мху, подпрыгивая как мячик от ударов о торчащие валуны, залетали в ямки, грозя перевернуться и размазать тебя о камни. Деревянные накладные полозья при такой езде стирались за несколько дневных переходов, а по курумникам за несколько часов. Еще опаснее была быстрая езда по лесу, и тут уж пассажиры полностью зависят от опытности наездника и покладистости животных.

Много столетий Бахтияровы пасли на Кваркуше стада. В последнее время — Сергей Бахтияров, Никита Бахтияров с женой Акулиной, Саша Хозяинов...

Фамилия Хозяиновых — это еще одна глава в истории уральского оленеводства. Очень давно, в начале XIX-го века, спасаясь от преследований властей и купцов, с берегов Белого моря «убежали с оленями» семьи Хатанзеевых и Хозяиновых. Выискивая спокойное место на земле, двигались на юг, пока не осели под Денежкиным камнем. Кто-то из жителей Усть-Улса утверждал, что они были остыками, кто-то называл их зырянами. На памяти самих Хозяиновых строился, работал и был уничтожен известный в прошлом Кутимский завод, велась разработка многочисленных золотоносных россыпей по речкам Саменке, Кутиму, Улсу. Интенсивное освоение края сменилось последующим запустением. В 1930-е годы недалеко от прииска «Сольва», у Денежкиного Камня, жил внук первого поселенца Василий Хатанzeeв. Николай Хатанzeeв и Яков Хозяинов работали на прииске. Их потомки вплоть до конца двадцатого века пасли олены стада на Кваркуше и Белом камне.

С марта по ноябрь стада обитали в горной тундре. Оленеводы защищали своих олешек от мошки, возводя особенные конструкции под названием «курная изба» или «дымокурни»: в них постоянно дымили тлеющие головешки. И до нашего времени мансиjsкие охотники используют такую конструкцию во время ночлега для защиты от летающих кровопийц. В землю примерно по контурам человека вбиваются четыре колышка и накрываются толстым слоем сырой коры. Под таким импровизированным поддоном помещается тлеющая головешка. А сверху ложится человек.

К началу августа у оленей заканчивалась линька, их новая шерсть была коротка, и тогда их забивали на шкуры для пошива одежд и обуви. Тогда же у самцов срезали острые отростки на рогах, чтобы осенью в брачных битвах олени не ранили друг друга. После такой «экзекуции», болезненной операции, их вид выглядел совсем уж «не презентабельно» в срав-

нении с самками. Такая дискриминация обеспечивала самкам некоторые преимущества в выкапывании ягеля из-под снега зимой. В августе же забивали больных и старых особей, убирали нарости с копыт и смолой заливали трещины на копытах. Клеймили молодняк.

Основное оленье питание — белые мхи кладония, а также «бородатые» лишайники, произрастающие на хвойных деревьях. Эти растения восстанавливаются очень медленно, десятилетиями, поэтому много времени у кочевников уходило на поиски новых «свежих» пастбищ.

Об очень необычном использовании оленя как-то мне рассказал Вячеслав Мухтаров, любитель Вишерской природы, множество раз встречавшийся в горах с оленеводами. Однажды жарким, знойным днем, в одном из дальних переходов по горам с оленями он и его спутник-манси изнывали от жажды. Тратить время и силы на спуск до ближайшего ручья не хотелось. Тогда манси с самым преспокойным видом длинным ножом сделал разрез на шее оленя и, подставив железную кружку, набрал полную крови. «Пей, друг», — сказал он, протягивая кружку Славе. Но пить теплую свежую кровь ему как-то сразу же расхотелось. Манси смаочно проглотил содержимое и, заткнув разрез на шее оленя комом мха, двинулся дальше...

Но попробовать Славе оленьей крови все же пришлось, когда он стал свидетелем проведения оленеводами традиционного праздника подношения Духам Земли, проводящегося в первых числах августа, на «Ильин день».

Непосредственно участвовать в ритуале ему не разрешили, однако позволили наблюдать действие с расстояния в несколько сотен метров. После чего преподнесли чашку с жертвенной кровью. Отказаться было неудобно.

Хоть праздник и проводится «на Ильин день», однако корни его уходят в гораздо более древнее прошлое.

...Собирались почти все жители одного или нескольких родов. На почетном месте располагался бог в черных или темных одеждах. Рядом накрывался для него праздничный стол, чуть подальше для людей. В трех блюдах подавалась вареная оленина, водка, свежая кровь. Подводили жертвенных оленей. Изображением духа, читая молитву, троекратно обводили вокруг головы жертвенного животного. Ударами обуха топора забивали оленя. Рогатые черепа, украшенные лентами, развешивали на деревьях. Белые ленты предназначались духам неба, красные духам земли, черные духам подземного мира. Каждый присутствующий обязательно должен был повязать свою ленточку. Женщины к обряду не допускались. Пели песни под санквылтап, тыритап (трехструнный инструмент), организаторами ритуала выступали шаманы. Умение играть на музыкальных инструментах ассоциировалось с обла-

данием некой сверхъестественной силой и способностью общаться с духами. Шаманы на сборищах отличались различными «профильными специальностями»: был, например, кайне-хум («человек поющий волшебные песни»), лилынг пупынг хум («человек с живым духом — покровителем»), койпынг-няйт («шаман с бубном»), валтахтен-пупыг («шаманящий дух», т.е.зывающий духа с помощью санквылтапа). Для вызывания определенного духа проигрывалась присущая только ему мелодия или песня. Известны также несколько песен-проклятий (сатхантэ эрыг), исполняемых во время камланий в случае нарушения священных запретов. И, наоборот, улилап (песня — благопожелание) служила своеобразным оберегом для конкретного лица. Как видим, всякое событие, любая мелочь несла в себе некий сакральный смысл и имела ритуальное значение.

А мы путешествуем дальше по заброшенному паулю. Вот дом дедовской постройки, примерно 1920-х годов. В шестидесятых он был еще обитаем. К дому, на поляну, съезжались до трехсот человек во время уй йикв — медвежьих праздников. Ставили чумы, жгли костры, дети ночевали в доме, а взрослые на улице. Женщины наряжались в сахи — красивую меховую одежду с цветными узорами, расшитую бисером, мужчины одевали омьях — собачьи шубы и меховые куртки. Всю ночь веселились, варили оленину, пили огненную воду, курили мансисар (мансийский табак) — листья высущенной мяты. С раннего детства и навсегда запомнился Прокопию вкус мансиjsкого деликатеса, приготовляемого в такие вот праздники — печенные лосинные губы, запеченные молодые олени рога. «Сака иамас» — очень хорошо»!

Существовал определенный порядок проведения медвежьего праздника. Сразу после удачной охоты полагалось громко каркать по-вороньи. Тем самым отводилась от охотника вина в убийстве своего первопредка. После разделывания и укладывания головы и шкуры на почетном месте, происходило окуривание дымом чаги. При этом пели особые «медвежьи» песни, обходя четыре раза по кругу. Далее шло исполнение священных плясок — звериных, птичьих, духов, затем приготовление и поедание медвежьего мяса, предназначенного только для мужчин. Ритуал заканчивался захоронением костей медведя.

Главная цель таких ритуалов — отведение от себя вины за убийство медведя и призывание его воскрешения.

Многочисленному съезду даже показывали целые спектакли с участием трех-четырех актеров, обряженных в специально изготовленные костюмы и берестяные маски. Темами служили в основном эпизоды охоты, произошедшие курьезные случаи, фрагменты древних сказок — преданий.

«Расступилась толпа. Священный танец «Хозяин леса». Танцор прыгал, точно его поджаривали на раскаленных углях и легко взмахивал руками в такт музыке» С. Морозов-Уральский «Народы Урала»

Показывались выступления с участием даже деревянных кукол, управляемых с помощью высушенных оленьих жил. Целый кукольный театр в тайге, со своим репертуаром в десяток постановок. Некоторые куклы и секреты их изготовления сохранились до сих пор в Урай-пауле на реке Пелым.

Такая вот бурная жизнь кипела в редкие праздники. Гости разъезжались только через неделю, некоторые и через две. Каждую ночь праздника открывала песня зверя — уй эрыг. Далее повторялась «концертная программа», и так до утра.

Молодежь знакомилась друг с другом, чтобы на следующий год сыграть свадьбы. Договаривались о выкупе за невесту, как принято и у других народностей. Выкуп вносился нехысом (соболем), кидусом (помесь собыля и куницы) и, конечно же, оленями. В последнее же время оленями или лосиными кисами (унтами). Как правило, мнение невесты никто не спрашивал, все переговоры с женихом вели ее родители. И, естественно, молодые оленеводы имели большое преимущество перед своими «равнинными» собратьями.

Все это, конечно, ушло в прошлое...

У современных манси настоящий «медвежий праздник» проводился последний раз двадцать лет назад. А свадеб не было и того дольше.

Идем дальше, мимо кучи перепрелых рогов, всевозможных костей, битых черепов, шкур и прочего мусора, к виднеющимся трухлявым развалинам. Это пувлынгкол — по-нашему банька. Пол ее был земляной, печь из камня плитняка. Мыла в ней никогда не бывало. Примерно до середины двадцатого века жители мылись так называемым щелоком — настоем древесной золы на дождевой воде. Бочки и тазы под воду — берестяные. Вообще, береста важный строительный материал, раньше из нее умельцы изготавливали лодки, переносные чумы, пайвы, посуду, даже обувь. При долгой варке в воде и в жиру, она приобретает важные влагоизоляционные свойства. Конструкция сапыт — берестяной навес над костром от осадков, и сейчас распространена в тайге. И уж совсем береста незаменима при утере котелка, когда в туеске, путем погружения в воду раскаленных камней, варится суп и чай. Распространенная посуда «саань» (вишерское название — чуман) изготавливалась практически за несколько минут и вполне могла заменить кастрюлю, тарелку, ковшик, ведро, флягу и т. д.

Дерево и береста встречали родившегося человека, сопровождали всю жизнь и были с ним после смерти.

Широко использовался и кедр. Из кедровых корней плели крепчайшие веревки, делали ножны, лук и стрелы, варили краску.

Среди деревьев высится три пня в человеческий рост, остатки шохрупа — коптильни. При копчении заправляли до пяти туш одновременно. Огонь под ними поддерживали от трех до пяти дней. Мясо хранилось почти год, очень выручало на охоте и кочевьях. Сильно вяленное, почти засушенное мясо на костях и сами кости с хрящами, важное средство подкормки собак в голодные месяцы. Их можно разваривать или прямо так давать в пищу по прошествии пяти-семи лет после копчения. Такие запасы хранятся в старых шохрупах или лабазах в берестяных туесах и бочках. Даже наш Амур, несмотря на повседневное питание не прочь был погрызть «старые косточки».

Жизнь в паулях проходила согласно следующему закону: летом — сбор запасов, строительство, зимой подготовка к летнему сезону. Заготовки включали в себя сбор трав: лекарственных (побеги тальника и сосны, для чая — чаги, брусничного листа, выонка), ритуальных (багульника, мухоморов). Трава для стелек в кисы, осока для плетения циновок. Кедровый корень и черемуховый прут для рыболовных ловушек. Ольховая кора для дубления оленых шкур, крапива для одежды, трухлявые сучья и мох для дымокуров. (Несмотря на широкое распространение в прошлом, технология изготовления сукна из крапивы, к сожалению, утрачена.) Летняя обувь из родвуги (кожа с мехом, из которой делают обувь) разрисовывалась соском березы или отваром коры лиственницы.

Заготавливали древесину для поделок. В августе собирали кедровые орехи, ягоды, березовые чурки для выгонки дегтя. Бруснику и клюкву смешивали с мукою из толченых рыбьих костей и рыбьим жиром, получалось противоцинготная, витаминная каша — сурвяка. Сохраняли и сушили рыбью чешую и потроха. Зимой из них, после долгой варки, получался вкусный холодец.

Прокопий указывает место на краю поляны, где когда-то стояла высоченная ритуальная сосна. Метра на три в высоту кора украшена узорами и родовым орнаментом. Когда-то под ней стояли лиственничные истиканы и здесь манси приносили в жертву оленей и лошадей. В семидесятых ее срубили лесозаготовители — кому-то мешала. Место ритуалов сородичи Прокопия перенесли на вершину ближайшей сопки, где на расчищенной поляне и сейчас заметна одинокая сосна. Там же на ветках сосны до последнего времени хранился круглый год дедовский бубен. Вот, пожалуй, и все экспонаты своеобразного музея под открытым небом.

Не подобную ли сосну, увшанную черепами и шкурами принесенных в жертву лошадей, описывал священник Афанасий Поздняков в отчете о

своей миссионерской поездке на Тошемку в 1875 году? Тогда ему удалось побеседовать с «иноверческим князем богатым оленями» Кириллом Бахтияровым (по-видимому прпрадедом Прокопия), Игнатием и Иваном Бахтияровыми (предками известного нам Николая Бахтиярова с реки Вижай). Дети аборигенов, по словам Афанасия, почему-то сильно смеялись, увидев на показанных им картинах конца света образы Христа и архангелов. «Разве боги такими бывают?», — хотели они. «А черти, это есть изображения злых духов?», — недоумевали и взрослые.

В той поездке Афанасию все же удалось окрестить нескольких младенцев в соседних юртах. Однако вряд ли ему удалось как-то повлиять на вероисповедание Тошемских и Лозьвинских «дикарей». Возвращаясь из той поездки вместе с проводником — вогулом, он только чудом остался жив. Нарта перевернулась, и ему чуть не оторвало голову, застрявшую в лесине. Случайной была авария или нет, история умалчивает. Тогда же он узнал о существовании Богомольного утеса в самых верховьях Лозьвы, где полукругом стояли сорок истуканов и недалеке «каменный лось», возле которого проводили священные обряды и Бахтияровы. Это их предки нашли его и даже обнаружили следы, указывающие, где он проходил в окрестных горах. Из той же поездки Афанасий привез несколько ритуальных предметов, одним из которых была фигура свинцового оленя, в середину которого была залита двадцатикопеечная серебряная монета.

А мы спускаемся ниже по ручью, на место еще более древнего поселения, Тес-Пауля (Старого Стойбища). В некоторых болотинах ручья совсем не видно, все затянуто буйной растительностью: ветвистыми рябинами, ивами, дикой смородиной. В других местах водяной поток беспокойно шумит в каменистых перекатах, размывая илистые берега.

Тропа вьется по болотистому склону, голому от хищнически вырубленного леса. На месте вековых лесов ютится жалкий и сухой болотный сосняк вперемежку с островками лимонно-желтых березняков, кроваво-красных осинников. Под ногами шелестит облетевший сухой лист, космы высохшей травы. Выше приходится продираться через дремучую еловую поросьль, разводя по сторонам мохнатые, колючие еловые лапы, точно корявые руки обхватывающие все тело. С елей и травы, хрустальной пылью во все стороны летят капельки росы, обдавая холодной мокрой свежестью.

С каждым пройденным метром горизонт раздвигается шире. Вот из-за мохнатых еловых крон показалась массивная вершина Чистопа. Хребет, похожий на мохнатое гигантское чудовище, будто уползл куда-то на север. Глубокие ложбины соседних сопок все еще застланы волнистым туманом. Солнную тишину нарушают веселые птичьи голоса. Временами они разом стихают, уступая место тишине...

В Тес-Пауле мы переносимся в XVIII век. Рухнувший остаток жилища перекрывает десятисантиметровый слой трухи и мха. Габариты жилища соответствовали стандарту маленького домика — «Манькол». В нескольких десятках метрах от него еще остатки каких-то сооружений. Несмотря на их размытые развалины, Прокопий показывает на границы комнат и нар. Рядом на склоне террасы ручья зияет провал, бывший ледник для хранения мяса и рыбы. По весне его набивали льдом, который не таял до осени. Рядом с косяком двери, чудом сохранившимся, сросся молодой, лет на шестьдесят, кедрик.

Бесформенной кучей покоятся тут же рядом осколки чугунных котлов. По их неправильным формам и толщине подозреваем, что они изготовлены в старину.

В этом же пауле долгое время жила сестра отца Прокопия — Соня Бахтиярова. Невдалеке, за ручьем, стояли домики братьев. Зять-ручей представлял собой довольно многолюдное место.

В сороковых годах геологи обнаружили на ручье еще одно богатство — золотую россыпь. Несколько лет велась добыча. После нее остались кучи перемытого шлама, россыпи раскуроченной техники, а из ручья на долгие годы ушел хариус. В те годы старателям было вовсе не до экологии. Манси с пользой пристроили в хозяйстве брошенный металл. Так же, наверное, поступили и с упавшим, еще в тридцатых годах, под горой Мертвцевов самолете, металлические части которого несколько десятилетий маяками указывали оленеводам путь на перевалах.

Кто бы мог предположить, что нам удастся столкнуться с такими древностями. И, как оказалось, еще далеко не последними. Существует еще один пауль, самой ранней постройки на притоке ручья Вап-Сос. Этот пауль Прокопию в молодости показал его дед. Дом построен працедром больше ста пятидесяти лет назад. Как гласят семейные предания, до этого люди жили в землянках. Место для поселения выбирали в бору у реки. Кусты маскировали вход в жилище — землянку. Лодку при желании тоже можно было туда же затащить. Летом использовались легкие берестяные чумы из двухслойной, вываренной в воде с рыбьим жиром бересты, прошитой сухими оленевыми жилами. Ее же использовали как подстилку и укрытия вещей от дождя. Берестяная трапециевидная «штора» заменяла дверь.

Сейчас тут царство рябчиков, мы то и дело вспугиваем «просыпающуюся» в котелок дичь. Такие маленькие размеры рябчика по сравнению с глухарем объясняются в мансийских сказках тем, что рябчик умудрился напугать верховного бога Нуши-Торума. За это бог, поймав его, порвал на семь частей и разбросал по семи частям света. Вот с тех пор рябчики и стали такими маленькими. Однако это ни коим образом не сказалось на

гастрономических способностях его прекрасного мяса. За чистоту, белый цвет и аромат его ценили и заготавливали бочками, например, в соседнем Чердынском крае, в 17–18-х веках. И по нескольку сотен бочек отправляли на ярмарку в Пермь, Москву и до города Парижа... Наша же его разновидность, «горная», хоть и отличается несколько вкусом, но всегда служит деликатесным подспорьем к скучному туристическому «пайку».

Минуя пумкан (заливной луг), идем дальше. Любопытство заставляет ускорить шаг. Ведь мы — первые гости старинного пауля за прошедшие десятилетия, а может и столетия. Тропа извилистым серпантином петляет, поднимаясь на сопку, стороной огибая лесное пожарище. Открываются новые горизонты, разворачивается невиданная горная панорама.

Внизу, по густым зарослям ивняка, угадывается извилистое русло ручья. Выше простираются девственные, нетронутые лесорубами леса. Под белоснежными шапками облаков, на усеченной плоской вершине — голые россыпи камней, красиво обрамленные бордюрами из темных елей и пихт. Здесь ни что не напоминает о нашем времени. Кажется, все сохранилось с прошлых веков и будет так до их скончанья.

Природа торжественна и празднична, путнику в ней легко и свободно, как всегда в редкий, солнечный день. Только слышится тихое журчанье воды в родничке, да шелест ветра в камнях. И, кажется, вот он, уголок счастья и радости жизни.... Но понимаешь, этот миг продлится до первой дождливой хмари, которую принесет непредсказуемый Нер-Вот (Ветер с Урала). Так и вся человеческая жизнь, мелькнет в ней яркой звездочкой счастливый миг и отложится где-то в потаенных уголках памяти. Вспомнит ли человек о нем?.. Так и Прокопий, в душе радовался жизни, вспоминая свои лучшие годы и вселяя энергию в нас.

Останки пауля поросли уже совсем немолодым лесом, затянулись травой в человеческий рост. Конструкцию жилья можно воссоздать по развалам гнилых бревен. Дома строились без единого гвоздя, на деревянных шкантах. Вместо стекол — олени желудочные пузыри. За водой нужно было спускаться на ключик, метров двести от жилищ. За прошедший век тайга вернула своё. И сегодня уже не верится, что на столь заросшем ныне склоне могло разместиться оленье стадо до пятисот голов.

В ту седую старину даже время исчисляли по иному. Ни тебе часов, ни минут — самой маленькой единицей времени была «пять», равная времени, требовавшемуся для приготовления ухи. Неделя по числу дней называлась — «семь», месяц соответствовал «луне», годы считались — «зимами». Год составляли «ровно» тринадцать лун, а новый год начинался с первого весеннего новолуния.

Изучив и отсняв все развалины, отправляемся в обратный путь. Метров через двадцать, миновав болотце, я оглянулся. Прокопий задумчиво стоял, прислонившись к трухлявым бревнам, опершись на ружье. Отсюда он казался той древней ритуальной сосной, на вершине сопки, пережившей бурные события прошедших веков.

Какой интересный человек. Что ни слово, то мудрость живой мансийской летописи. Сколько фактов хранит он в своей памяти. Удивляет его знание местности — он рассказывает так подробно, будто карту смотрит. Даже о тех местах, где и был-то всего один раз, в молодости. Вызывают восхищение и такие, забытые городскими людьми, но важные для таежников навыки, — «по-звериному» выслеживание добычи, постоянное наблюдение за следами, запахами, ветром. И умение не падать духом в самых отчаянных ситуациях...

Спрашиваем Прокопия о месте захоронения жителей пауля. Оказывается, невдалеке находится старое кладбище, где покоятся его прадед и пра-прадед. Тайга полностью уничтожила все следы погребальных амбарчиков. Раньше хоронили только в них, не закапывая в землю. Туда же складывали личное оружие, пынзян (олений аркан), инструменты, посуду, личных божков. В женские погребения укладывали тучан (сумку со швейными принадлежностями), украшения, одежду. Все может понадобиться душе — «ис» в нижнем мире. Если умерший был оленеводом, тогда на костре сжигали оленя, и кости животного собирали и складывали в отдельный сруб. Жгли пять костров, по числу душ мужчины. После похорон обязательно проводили обряд очищения участников, троекратно перекидывали через голову каждого участника обряда собаку и прыгали через костер. Когда умирал шаман — хранитель рода, весь род соблюдал траур пять лет.

Когда навещали усопших, открывали специальное окно в срубе, ставили внутрь пять (или четыре — для женщин, по числу душ) кусочков сахара, водку.

На ближнее кладбище Прокопий захаживает по случаю, а это, самое старое, не посещал лет двадцать. Души умерших раньше охранял на кладбище специальный деревянный идол, давно уже сгнивший и упавший. Может, поэтому в семидесятых годах рядом с заветными местами лесовозам удалось проложить свою дорогу? Останки родовых домов и хозяйства пошли в костер лесорубов. Увы, разбирать чужие дома проще, чем нарубить дров в лесу. При этом кто-то из лесорубов решил поискать мансийское золото, разрушив строения до каменного фундамента. Нарушили и срубы на кладбище. Конечно же, ничего не нашли. И даже после такого их варварства, Прокопий не держит зла на русских людей. Среди манси тоже всякие встречаются, сказал он.

В окружающей природе царила торжественная тишина. Бесконечные развилистые трели птиц напрочь стихли. Где-то высоко, среди сосновых крон, просматривался отрог Чистопа под названием Люнь-Син-Ала-Чахль (Гора, где плакал ребенок). О чем он плакал, предания молчат... Божественным местом показался нам Тур-Ур-Сос (Ручей у Сосновой Горы)!

Обратная дорога лежала по старой вороге — оленевой тропе, проложенной до Большого Молебного Камня — Ойка-Чахля. Уже порядком заросшая, она представляет собой кратчайший путь в горы, около 25 километров. Расчистку ее начинал еще прадед Прокопия. А он с сыном Сергеем подчищают ее иногда, вырубая нарастающий молодняк. Но уж слишком силы не равны — двадцати пятикилометровая тропа на двоих.

По рассказам нашего провожатого, манси относились к лесу, как к своему дому. Лишнего дерева никогда не рубили, окрестности паулей расчищали от лесного мусора, кустарников. В местах промысла рыбы, русла ручьев Вап-Сос, Тошемки чистили от коряг, кое-где углубляли дно. Тайга кормила и давала кров многочисленному населению.

За разговорами миновали одно из живописнейших мест окрестностей Кимг-Чупа-Пауля, Туй — Сори — перевал на сопке. Внизу, на пологом склоне, в обрамлении красновато-золотистого сосняка тянувшегося к небу, раскинулась просторная поляна поселка. Спускаясь с перевала, ощущаешь восходящие потоки теплого воздуха густо насыщены терпким запахом смолы, душистых трав, болотной свежестью багульника. Вдоль тропы утопают в белом мхе кустики брусники, черники, голубики, густо усыпанные appetитными ягодами. Причудливыми темно-зелеными мохнатыми копнами громоздятся высоченные заросли можжевельника, местами усыпанные темно-синими бусинами сладких ягодок. Прямо-таки райское место. К сожалению, наша экскурсия сегодня подходила к завершению.

Как-то вечером, за душистым мятым чаем еще раз зашел разговор о цели нашего приезда. Хозяин никак не мог понять, почему же мы все-таки таскаемся по горам, все выспрашиваем и выведываем.

«Обычно ездят за ягодой, рыбой, лосятиной, олениной, медвежатиной. А вы всё — история, предки...», — удивлялся Прокопия. «И, конечно, хотят не за деньги, а за бодяжную водку или вовсе за так забрать. А вы, какие-то совсем неправильные туристы», — подытожил он.

Пришлось нам признаться и объяснить, что мы ищем следы языческой веры. Мечтаем заснять и записать, что же все-таки уцелело, пронеслось через столетия. Эти данные помогут точно воссоздать картины из прошлого, известного только по редким археологическим находкам, по скучным рассказам и воспоминаниям очевидцев, доживших до наших дней. Это нонсенс нашего информационного века — точно не известно, что сейчас происходит в

мансиейской тайге. Кроме того, манси сами очень бережно охраняют и берегут свои верования. По этому поводу мы долго спорили с Прокопием.

«Я же к вашим богам не лезу. Зачем вам знать про нас», — жестко отвечал он и как заклинанье повторял он наказы мудрых предков: «Все наше уйдет с нами».

По его рассуждениям выходило, что все, кто занимался изучением этого вопроса, а таких на его веку было несколько, кончили плохо. К ним он относил и тех, кто активно сотрудничал с русскими, показывал им молебные места, священные амбары и т. д. Например, сотрудничавшего с Заплатиным Данилу Анямова, которого убило падающим деревом на пожаре. Назвал имена еще нескольких человек.

«У таких людей нет будущего, нет «Коль-сот» — домашнего счастья», — говорит Прокопий, — «Боги видят все, каждый миг и каждую секунду». Прокопий с осуждением относится к той немалой части манси, которые так или иначе сотрудничали с русскими: «Это на их совести, им отвечать перед богами. Моя душа спокойна».

Вспомнил он и фамилию одного из русских. Назовем его N. Он собирал материал лет двадцать, исходил вдоль и поперек весь Урал, от Конжака до Пай-Хоя. Все собирали, записывали, снимали, что не следует — священные и запретные для посторонних места. Мансиские старейшины показывали ему такое, что и свои не все видели. Несколько раз он терялся, оставался без одежды и продуктов, оставался в одной штормовке в октябре, среди снегов. Однажды его чудом спасли ненцы-оленеводы. Хотел издать книгу, но полученные знания оказались слишком тяжелы для его пера, непосильны для изложения и понимания. Знания, накопленные многими поколениями, невозможно досконально изучить за одну человеческую жизнь. Так же трудно понять и влияние сих познаний на наш разум. Можно по несколько раз заглядывать в потаенные уголки даже собственного сознания и каждый раз открывать для себя новое и неизвестное. И тем более сложна задача описания мировоззрения людей другой культуры. А может, он принял открывшееся ему знание вместе с той необычайной степенью доверия, оказанном ему шаманами, и по этой причине он ни с кем не поделился сведениями.

Во всяком случае, пожилые манси лет пять назад в разговоре с нами очень удивлялись, что человек по фамилии N-ский все еще жив. Они также объясняли, что даже среди манси-оленеводов бывали случаи, когда человек, чувствуя в себе шаманский дар, начинал самостоятельное изучение ритуального наследия предков и, не справившись, просто сходил с ума. С духами шутить нельзя!

Дальше разговор перешел на тему таинственных лесных духов и фей (Мис-Не), покровителей охотников, рыбаков и прочего странствующего

люда. Много преданий ходит о таинственных встречах с духами на горе Чистоп. По словам охотников, они встречались с Куль-Но-ером (Царем чертей), Вор-Не (покровительницей леса), а может и самим лесным (по-нашему, снежным) человеком. Но во все времена встречи с лесными духами для охотников редко заканчивались добром.

«Ветра нет, а кусты и ветки сами отгибаются, трещат, будто кто-то идет рядом», — рассказывали они. Естественно, желания еще раз побывать там не возникало. Еще дед Прокопия вспоминал о видении у вор-кол (лесной юрты), на южном склоне Чистопа. Это «нечистое место» отмечено поляной, где растет множество вотко-сяхль (уродливая ель с шаром из ветвей на кроне — жилищем ветров). Однажды он еле живой вернулся оттуда домой. Дед Прокопья-Ойк принадлежал к тем манси, что с детства неизвестным образом предчувствовали грядущие события, иногда даже за неделю или месяц или видели их во сне. Погрузившись в непознанные тайны собственной души, по каким-то еле уловимым ее сигналам предчувствовал неприятности и обходил их стороной.

От легенд о лесных духах перешли к рассказам об охоте. Прокопий часами мог рассказывать курьезные и просто страшные истории. Его любимой темой были «дикие олени» и «медведи». Причем, рассказывая, он с необыкновенным артистизмом забавно показывал в лицах все звериные повадки.

Например, последней весной повадился к зимовью медведь. Он не боялся ни людей, ни собак. Одну лайку съел прямо у дома. В ночной битве он был ранен и удрал в лес. Как-то зимой приходила здоровенная рысь, дрались с привязанной к будке старой лайкой Старушкой, ела из ее миски. Старушку пришлось держать в доме. Однажды рысь забралась в собачью будку, где ее и подстрелили.

Несколько слов стоит сказать и о замечательных мансиjsких лайках. Бывалые местные охотники по возможности стараются приобрести щенков у Прокопия. Ведь известно, что у их городских сородичей со временем охотничьи навыки постепенно вырождаются. Некоторые охотники привозят ему собак на воспитание, на полгода, год. Мне кажется, лайки Прокопа являются такими же аборигенами в своем роде и в полной мере сохранили черты знаменитой охотничьей лайки-вогулки.

Следующим утром Прокопий предложил нам, совершенно неожиданно, поучаствовать в обряде подношения подарков богам. Я понял — вчера вечерний разговор был последней проверкой для нас. Значит, какое-то доверие к пришлым все же существовало. Ведь, как уже говорилось, для посторонних духовный мир манси — табу.

Обрадовавшись возможности наблюдать за предстоящим таинством, мы резво выполнили все поручения и приготовления. Кроме мо-

литв, богу требовались подношения — лепешка свежего хлеба (нянь), сладкое — конфеты, водка. Это минимальный набор для такого случая. Для более торжественных случаев требуются туша медведя, жертвенного оленя и т.д. Хорошо еще, что в наше время не практикуется древний обряд — шерть. Это когда стоишь на медвежьей шкуре, с кончика ножа съедаешь кусочек жертвенного хлеба и даешь обещание хранить увиденное втайне. Весь процесс сопровождается заклинанием: «Хлеб сей и нож да погубят тебя» (в случае не выполнения обязательств).

К священному амбару подходили молча. На дальних и ближних подступах к нему расставлены потайные метки, а может и ловушки, известные только проводнику. Огибая поваленные елки, обходя болотины, нам казалось, что в спину целит метровая стрела самострела, с прокаленным на огне кованым наконечником...

Добротный ура-сумьях громоздился на двух «ногах» (пнях). Его архитектура несколько отличалась от классической отсутствием фигур менков по бокам стен. Зрелище завораживало.

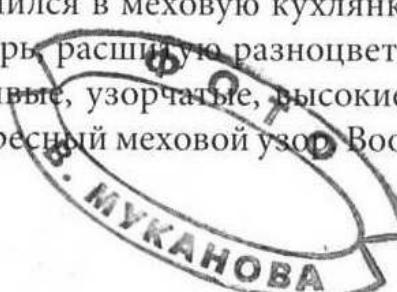
Арась-овыл-менкв-ойки (края очага менквы-старики) должны сторожить жилище, пока духи уходят по своим делам. Скорее всего их фигурки тоже находятся внутри, спрятанные от любопытных глаз.

Бревно-лестница запрятано невдалеке. Забравшись на площадку перед дверью, Прокопий запалил березовый гриб — чагу. Чага потихоньку тлела в плошке синеватым дымком, отпугивая злые силы на протяжении всей церемонии. Прокопий исчез внутри с охапкой багульника, по его словам имеющего тоже некий важный смысл церемонии. Затем, в темную глубину сумьяха он занес подношения на деревянном подносе, и мы услышали произносимые по-мансиjsки обращения.

Мы стояли внизу под сумьяхом, удивленные и ошеломленные увиденным. В дальних уголках нашего сознания как будто просыпались забытые ритуалы и наших славянских предков. О чем просил богов Прокопий, нам неизвестно, а мы бы попросили поддержки в нашем дальнейшем пути в горах.

Вскоре он вылез обратно, теперь предстояло съесть остатки угощения.

«Боги, не гневаются на нас. Все будет хорошо», — пояснил он. И одарил нас подарками от духов: подсушеными кусочками золотого корня, «заряженного чистой энергией» от богов. Затем, на свет из сумрака сумьяха извлек ритуальные медвежьи черепа, очень приличных размеров. Это были подношения богам с прошлых медвежьих праздников. Рассказывая об обряде, он облачился в меховую кухлянку с капюшоном (мольшен) — одежду мехом внутрь, расшитую разноцветными узорами. На ноги натянул такие же красивые, узорчатые, высокие по пояс, меховые унты. Мы разглядывали интересный меховой узор. Вообще, в одежде уральских ман-

си сохранились древние узоры — зооморфные, ленточные, геометрические — «оленни рога», «след соболя», «заячий уши». У Бахтияровых, например, на варежках изображался один из редких знаков, приносящий удачу охотнику — хаптен-пассе («медвежий зад»), а также сердце в виде кедровой шишки.

И пустился в веселый танец, отплясывая вокруг воображаемого костра, показывая различные фигуры, сцены из охотничьей жизни. Для полной картины обряда не хватало только берестяной маски животного — сасвильта, одеваемой в таких случаях. Танец — обычный для человека с первобытных времен способ достижения транса, в котором он мог почувствовать себя в образе животного. Маска и одежды только подчеркивают это сходство.

Перед нами в прерывистых движеньях, гортанно выкрикивая слова и резко размахивая руками с вывернутыми внутрь ладонями, кружился молодой, сильный, ловкий, гибкий таежный «тарзан». Поочередно вооруженный то копьем, то луком, то ножом — он был весь в азарте охоты. Вот он, маскируясь, догоняет зверя, а птицы, деревья, камни, сам ветер помогают ему. Вот уже смертельная схватка и — хозяин тайги побежден. Охотник просит у него прощения, просит прощения у лесных духов, у своих богов. Отрезает для них куски медвежьего сердца, наливает воображаемую кровь, дарит свои амулеты. Шепчет заклинанья...

«Твой Верховный дорогой Отец определил тебя быть мощью Земли. Твой Верховный дорогой Батюшка определил тебя принимать кровавую Жертву».

Через несколько минут в нем произошел какой-то перелом. Будто не выдержав бури переполнявших его эмоций, он забрался устало на крылечко амбара, присел на низкий порог двери. Дальше мы услышали своеобразную исповедь, поразившую нас до глубины души. Переживания, усиленные выпитой ритуальной водкой, захлестнули его, и мы увидели перед собой совсем другого человека. Вместо сильного, уверенного охотника, перед нами сидел старик, беззвучно плакавший от горя.

Во все времена его жизни соблюдалась последовательная череда закономерных событий. Уходили из жизни старики, на смену заступали новые поколения. Даже тогда, когда умирали олени, будущее еще казалось ему вполне предсказуемым. И вот сейчас наступил момент — он не видит будущего, ни своего личного, ни своего народа. Не знает, сможет ли передать свой опыт и мировоззрение младшему сыну Тиме, которому сейчас всего три года. И главное, что беспокоит его, неизвестное ни людям, ни богам, — захочет ли Тима понять и уверовать в них. Без знаний о прошлом, настоящем и, может быть, о будущем, дальнейшие поколения превратятся в

простых лесных охотников, а не хозяев и детей земли своих предков. Без древних корней, может, без всякого сожаления покинут тайгу, уйдя жить и умирать в города. И исчезнет род Бахтияровых, как исчезли сотни родов на Урале.

Прокопий с грустью и тоской рассказывал, что с переходом остального сообщества в фазу капитализма в лесном мире происходит своя переоценка духовных ценностей. Старшее поколение со своими взглядами в новое общество уже не вписывается. Молодежь уже не слушается старших, не имеет цели, и делает все не правильно.

«Мы скоро все вымрем, мы обречены», — молвил старый шаман, задумчиво глядя куда-то в даль. В его пронизывающем взгляде, казалось, в одно мгновение была спрессована вся его жизнь. Казалось, в этот момент он был изолирован от бытия, одновременно оставаясь его частицей. Будто чувствовал нечто, находящееся за пределами нашего восприятия.

Личная жизнь Прокопия, тоже складывалась не очень благополучно. Первые две жены умерли. Последняя, судя по висевшей на стене фотографии, в молодости очень симпатичная, ушла жить к матери, в поселок. «Дочки убежали по весне в Тресколье (мансийское поселение на Лозьве), к людям. Что им тут со старым отцом делать? Сын Сергей там же обретается. Чему он научится, там лишь одна пьянка идет».

Он не может забыть преждевременную, при невыясненных обстоятельствах загадочную смерть еще не старого отца. Родного брата Валеру убили на Хальзории, сестра Даша — замерзла в лесу... В 1996-м году случилась нелепая смерть сына Саши, который зимой замерз в 12-ти километрах отсюда, на пути к Тохте. Все эти события не могли не оставить след в его сердце.

Прошлой осенью случилась еще одна история. Прокопий узнал, что его жена оставила сына Тимку в Тресколье, а сама подалась в Ивдель. В конце ноября он пошел забирать его обратно в Ким-Чупа-Пауль. Замотал в шкуры, погрузил в волокушки, и так четыре дня по снегу добирался домой. Ночевали с малышом в лесу, у костра в морозы за двадцать градусов. Для трехлетнего ребенка это был первый зимний поход.

Всю зиму Тимка прожил в пауле. Ревел по началу, когда Прокопий уходил на весь день на охоту. Через неделю привык, сам играл, ел и спал. Отец смастерил деревянное ружьишко, машинку и почему-то — телефон. Такие вот суровые условия воспитания в тайге. Вместе с азами охоты Прокопий обучает Тиму языкам, родному мансийскому и русскому. Ими он сам владеет в совершенстве, свободно пишет на обоих. В этом иногда помогает мать Анастасия Михайловна, мать Прокопия, которой сейчас за семьдесят. До последнего времени она проживала в домике в пятистах ме-

трах выше по ручью. Сейчас ушла в поселок. В ее пауле стандартный набор построек — сараи, лабазы, банька, сумьях. Несмотря на годы, как и все мансийские женщины, она охотится, иногда рыбачит.

К жизни сородичей в Тресколье Прокоп относится совершенно неоднозначно. С одной стороны, некоторым семьям, да еще с малыми детьми выживать в Тресколье гораздо легче. А с другой, манси с древних времен всегда проживали небольшими поселками — паулями. Многочисленные искусственные «объединения» — поселения, лагеря, фактории имели совсем недолгую историю и вели к вырождению и деградации народа. А уж что касается духовности, то, по мнению Прокопа, «Все ушло с момента смерти Трескольского шамана Николая Васильевича Анямова, восемнадцать лет назад. Шаман готовил в наследники мальчика Колю, прозванного трескольцами «шестипальным» из-за врожденного порока руки, но тот по достижению совершеннолетия сбежал в город к русской девушке». На этом связующая с миром предков нить времен безнадежно прервалась.

На такой грустной ноте и закончился священный обряд. Прокопий молча собрал все шкуры, затушил чагу, медвежьи черепа возвратил на место. Закрыл дверь амбарчика.

Ошеломленные такими бурными признаниями, мы хотели как-то приободрить его, но внезапно наша собака Амур, с громким лаем унесся в глубь леса. Наверно учゅял крупного зверя. Пришлось поспешить от поляны прочь. Прокопий увидел в этом плохой знак.

Богов мы так и не увидели, да и стоит ли стараться их увидеть? Не лучше ли, с уважением относясь к чужим святым, сберегать своих.

СЫРЯН – ПАЛЬ

«В прежние времена посвящены были идолам и служению их некоторые в речных берегах пещеры и в лесах холмы. Места сии, кои можно признавать по находящимся возле оных кучам костей, и теперь они не только знают но и почитают»

Георги о чердынских вогулах в книге «Описание народов Российского государства»

Сырян-паль (Зырянская сторона), так манси называли Западный склон Урала. Восточный, соответственно, — Манси-паль (Мансиская сторона). Наш рассказ о Прокопии Бахтиярове был бы не полон без упоминания о его родственниках с Западного Урала. Сыновья шамана Николая Бахтиярова, чей дом мы посетили на Виже — Алексей, Гриша, Петр, Тима, в нынешнее время проживают и работают егерями на территории Вишерского заповедника. Их кочевые предки с давних пор облюбовали высокогорные пастбища на западном склоне. Считая своим родовой территорией реку Вижай, тем не менее, большую часть времени проводили они в верховьях рек Велса, Вишеры, Улса, Кутима.

В 1890-х годах самое большое стадо на западных склонах принадлежа-

ло Степану Кирилловичу Бахтиярову. За то, что его родовые юрты располагались на реке Тошемке, притоке Вижая, его еще называли «Степаном Тошемским». Вместе с ним кочевали сыновья — Яков, Ерема, Василий. Кроме них в верховьях Чурола, на Мортас, Пурап-нере (Кваркуше) кочевал со своим стадом Василий Игнатьевич Бахтияров с реки Тальтии. В «за-всегдатаях» числились уже упомянутый Степан Яковлевич Хатанзеев, теща Василия Бахтиярова и Арсений Хатанзеев. Изредка появлялись братья Никита и Матвей Варцаповы со своим «богатым хозяином» из зырян.

Масштабы оленеводства изменялись на протяжении десятилетий. Длительное увеличение поголовья сменялось массовыми падежами и болезнями. Или, например, описываются случаи, когда за одну ночь волчья стая загрызла несколько десятков оленей и все стадо, около 3000 голов, рассеялось по тундре. После этого хозяин стада был полностью разорен.

Список можно продолжать. В 1963-м году за один сезон оленя болезнь, так называемая «копытка», свалила 800 оленей бахтияровского стада. Оленеводами упоминается случай, когда стадо насчитывающее много сотен оленей погибло под лавиной в «Тошемском каньоне»...

Чтобы избежать таких катаклизмов, приходилось постоянно двигаться, переезжая с одного высокогорного пастбища на другое, иногда задерживаться подолгу в подходящих местах. Исследователи отмечали наличие у семьи Степана Тошемского с сыновьями зимних жилищ — «нор-колов» по Улсу и верховьям речки Пели. Нор-кол представлял из себя избушку, срубленную из не толстых бревен с «тиски» (берестяной крышей). В целях экономии тепла дверной проем делался очень маленьким, в него с трудом пролезал человек. В углу располагался камин — каменный очаг с наклонной трубой, изготовленной из обмазанных глиной сплетенных между собой палок. По окончании топки труба закрывалась берестяным кругляшом. Единственной металлической посудой являлся котел, вся остальная делалась из бересты и дерева. Широко использовались сосновые «полотенца», изготавливавшиеся из свежих сосновых волокон, очень мягкие и долговечные.

Летом Бахтияровы занимались заготовкой рыбы на Вишере с помощью «сырпа», мешкообразной сети, сплетенной из волокон и для маскировки окрашенных настоем черемухи в темно-коричневый цвет. Специальные «сырпы» использовали для ловли хариуса и тайменя. Заготовленная на зиму рыба сушилась и вялилась. Зимой ее подолгу разваривали в котлах или употребляли сушеною. По осени открывалась большая охота на лосей, мигрировавших на восточные склоны по долинам Почмока и Чурола, спасаясь от глубоких снегов.

Степан с сыновьями частенько появлялись в единственном на Вишере мансийском селении — Усть-Улсе, продавая и обменивая шкуры и мясо.

Несмотря на это очевидцы отмечали практически полное отсутствие в рационе кочевников хлеба, использовавшегося опять же как лакомство для детей и ритуальных целях.

Спустившиеся с гор «индейцы» (вишерцы называли кочевников — еранами), щеголявшие по Усть-Улсу в экзотических одеждах, расписанные неизвестными татуировками, гремя медными и костяными подвесками (тумранами) на туго заплетенных косах, с длиннющими ножами на поясах, — вполне могли навести ужас на приезжего русского человека. Татуировки (ханза) в то время носили практически все взрослые манси, они выжигались раскаленной на огне иглой с последующим втиранием древесной золы и играли роль персональногоtotема-оберега. Вогулки в праздники украшали себя «тулями» (медными и серебряными кольцами), литыми фигурными медальками «пэрна», старыми монетами, разноцветными бусами — «сак». Все украшения так же несли в себе некий сакральный смысл.

В гардеробе кочевников внимание вишерцев обращала на себя интересная конструкция, которую вишерцы называли «лузан». Это четырехугольный отрез материи с дыркой для головы и многочисленными внутренними карманами. В эти самые карманы раскладывался различный провиант, охотничьи трофеи и прочие полезные вещи. Таким образом, вся нагрузка распределялась равномерно, оставляя руки свободными для лука или ружья и не создавая помех для ходьбы. Сами манси объясняли, что такие одежды раньше изготавливались ими из цельного куска шкуры.

Что касается языческих обрядов, то жертвоприношения проводились на высоких вершинах Чувала, Мартая, Кваркуша, Белого камня, Денежкиного камня и других.

С высокой степенью достоверности можно предположить, что в более раннее время для ритуалов использовались вершины Полюдова камня, Колчимского камня, Япкоанга (ранее название Курыксар), Кассепнера (Березового камня), а также многочисленные живописные места по рекам Березовой, Колве, нижней Вишеры.

Уже отмечалось, что с самых древнейших времен вершины гор почитались аборигенами, как места обитания богов и, как правило, служили местами хранения фетишей. Наряду с этим оленеводы в таких местах устраивали обряды и в честь семейных богов. В специальной нарте с Бахтияровыми путешествовали фигуры семейных божеств — Кырстось-пубы и Миколая-пубы. По праздникам или «по мере надобности» для них устраивались подношения. Однако каждую осень, Бахтияровы покупали за приличные деньги на Вишере лошадь или жеребца и отвозили ее на Вижай. Там, в специальном святилище на могиле отца Степана, ее приносили в жертву родовым богам. Выезжая на Вишеру, в Усть-Улс, Бахтияровы

всегда просили привезти им оловянную или вообще любую металлическую фигурку лошади, которая требовалась для выполнения обрядов.

Пеструю или белую лошадь приносили в жертву и на Молебном камне. Как рассказывал Николаю Белдыцкому, исследователю вишерского края, один из пастухов-зырян: «ныне один русский... идола у манси украл и в Чердынь увез; они его убить хотят».

В летописях фамилия Бахтияровых упоминается в связи еще вот с каким интересным случаем. Как известно, vogулы Верхотурского уезда были крещены в 1815-м году. Все отказавшиеся «переметнулись» на Вишеру, в относительно тихое в то время местечко, но все же продолжали навещать своих восточных сородичей. В результате таких встреч, недавно крещенные vogулы вновь возвращались к идолопоклонничеству. Кочевники Бахтияровы в этом деле играли весьма не последнюю роль. Закончилось дело тем, что Верхотурские священники ходатайствовали о специальном крещении вишерских vogулов. Что и случилось в 1851-м году в Сыпучах (крещено 123 человека). Часть vogулов с реки Сосьва, специальным отрядом под конвоем была доставлена аж в Соликамск и крещена там же. Новокрещенные сыпучинские vogулы были приписаны к приходу села Верх-Язьвинского, но затем для «близости к их жилищам и сообщению меж собою», для них специально построили Троицкую церковь в селе Говорливом.

Однако же приобщение аборигенов к христианству происходило тяжело и очень медленно. Как отмечал В. Г. Павловский: «Трудно было крещенных vogул обвинять в суеверии, когда психика каждого vogула с детства уже была подавлена впечатлениями той грандиозной и внушительной обстановкой совершения жертвоприношений на лоне природы». (Павловский В. Г «Вогулы»)

Для того, чтобы «приручить» кочевников к оседлости им выделялись на Вишере и Улсе немалые земельные наделы. Подлинная царская грамота от 1689 года сгорела в селе Верхняя Язьва в 1774-м году. В 1775-м Соликамский воевода Алексей Борисов выдал «дубликат» просителям — Егору Соловарову, Кондратию Бахтиярову с товарищами. Однако и эти меры не сработали — vogулы наделами не пользовались, оставляли их русским крестьянам, сами же по-прежнему занимались оленеводством.

Кроме оленеводов, по вишерским и прикамским селам проживало множество оседлых vogулов, частично обрусевших, занимавшихся охотой и рыбалкой. Упоминаются фамилии Кениных, Туйковых (проживали в Губдорском стане), Леньковых, Рычковых, Авиных, Котымовых. По преданиям, деревню Кулакова (бывшее название Югринова) населяли vogулы. Теплоуховым описано древнее жертвенное место (предположительно 7-го века) у деревни Подбобыки бывшей Ныробской области. Там же найден

ритуальный фетиш — литое изображение лягушки. Издавна местному населению была известна стоянка первобытных аборигенов на левом берегу Вишеры, ниже устья реки Малой Банной в урочище Маньчское жилье.

В 1787-м году на Вишере остается всего три vogульских поселения. Еще через сто лет, путешествующий по Вишере в 1887-м году профессор Крылов напишет, что следов пребывания манси осталось очень мало. Некоторые опрошенные старики в своей молодости видели разрушенные временем остатки vogульских юрт по берегам. Одна стоянка располагалась чуть выше деревни Акчим, другая в 30-ти верстах выше по правому берегу. Третья, жилая юрта, — на месте будущей деревни Усть-Улс, в которой проживал манси «Кондраша». Четвертой была юрта Логинова, в двух верстах выше от Усть-Улса. Общее число вишерских vogулов в 1873-м году — 46 человек.

В Предуралье, к тому времени, оставалось еще несколько «мансийских островков»: уже упомянутые нами деревни Бабенки и Копчик на Чусовой и несколько селений в Кунгурском уезде на Сылве. В то время о них писали: «... здешние vogулы, отличавшиеся даже в прошлом столетии неспокойными нравами и даже зверскими наклонностями, исстари живут в упомянутых деревнях, и только в сравнительно недавнее время к ним переселилось несколько русских семей» (Сб. Губернского Земства, 1873 г.). Там же, как и в Красноуфимском уезде, действовали группы «шаманствующих язычников» и даже несколько «огнепоклонников». Однако, в начале двадцатого века уже констатируется полная потеря самобытности коренного населения.

С приходом на Вишеру в конце 1880-х, «Волжско-Вишерской компании» и обширного освоения рудных богатств края положение коренного населения продолжает ухудшаться. С постройкой Кутимского, Велсовского железоделательных заводов, открытием многочисленных рудников, Усть-Улс превращается в самое оживленное место на Вишере. На противоположном берегу строится пристань, где разгружаются пароходы, пришедшие с низовьев Камы. Тут же загружается чугун. Отсюда начинается 35-верстная конно-железная дорога на Кутимский завод. Усть-Улс становится крупным перевалочным пунктом, здесь собираются многочисленные сплавщики, бурлаки, старатели, углежоги. С ними приходят и сопутствующие греховные занятия — повальное пьянство, разврат, воровство и убийства и т. д. Современники уже называют захолустную когда-то русско-мансийскую деревушку «Вишерским Парижем». На малочисленное мансийское население накатывается новая волна испытаний и последующей деградации. Путешествующий в то время по Вишере Николай Белдыцкий с ужасом пишет, что Усть-Улс — «Пьяная деревня», массовая попойка и

разврат в которой не останавливается ни днем ни ночью. Он с трудом находит манси, у которого хранятся так почитаемые когда-то «царские грамоты на право владения землей». Они представляют собой лишь «изрядно замусоленные», несколько раз переписанные Соликамской канцелярией копии. Манси Данила сообщает, что последний Усть-Улсовский князь при попустительстве русской администрации, ударился во все тяжкие. Выражаясь современным языком, «воспользовавшись служебным положением», занимался унижениями и принуждением к сожительству жен соплеменников. И на почве ревности был убит одним из оскорбленных сородичей. После этого часть мансиjsких семей «ушли за Камень», остальные покорились русским.

От былого мансиjsкого присутствия на Усть-Улсе, остался текст копии когда-то хранившейся здесь грамоты:

«Дана грамота просителям Рычкову да Ивану Елесину в ней упомянуты vogульскими владениями с востоку — по вершинам рек Лозьвы, Койвы; с полудня — в низ по Лозьве от деревни Якшины до Половинной и деревни Квасовой верхотурского ведомства, на Удыль и Черной горе по Шелугуру, от Усть-Чурка к Шегалтану по Сосьвинской гриве в верх до Усть-Олени речки по верхнему озеру на Турью и Какву; с запада по язвинским вершинам по Кваркушу и Помяненным камню; с севера с Усть-Банной речки до вершины Печеры. 19 мая 1775 г. Воевода Алексей Борисов».

НА ЛОЗЬВЕ

«... Здесь на утесе в 200 сажен высоты, в вершинах реки Лозьвы, стоят полу-кругом сорок идолов различной величины и в разнообразных украшениях...»

Павловский В.Г. «Вогулы»

Мы и не заметили, как после увиденного мы стали другими, изменилось наше отношение к окружающему, к людям. Одновременно пришла уверенность в завтрашнем дне. Да, старики уходят, но шансы на возрождение есть, и они велики. Ведь еще в 1900-м году, более ста лет назад, известный исследователь уральского севера К.Д. Носилов писал: «Еще совсем недавно воинственный, бодрый, знавший, как топить, добывать из руд Урала железо, медь, серебро, имевший торговые отношения с соседями, войны — народ этот совсем упал, совсем превратился в первобытного дикаря. И так ушел от нашествия цивилизации в свои непроходимые леса..., что кажется уже больше не покажется на мировой сцене, а тихо вымирая, сойдет вовсе с лица нашей планеты». Несмотря на это жизнь продолжается! Спустя сто лет манси не вымерли, не ушли с мировой сцены.

Конечно же, все течет, все изменяется, вместе с жизнью меняются и таежные люди. И наша задача, путешествующего люда, примечать и описывать для истории происходящие здесь изменения. Как видим мы, — что-то исчезает через годы, а что-то проносится неизменно сквозь тысячелетия...

Вспоминалось, как об этом же рассуждали мы и с племянником Прокопием, Андреем Бахтияровым из селения Тресколье, что на берегу Лозьвы. Тресколье (в мансийской транскрипции Керасколыдпавыл или сокращенно Керасколье, означает — Дом у скалы на реке) — это пять домин (юрт), со всем полагающимся хозяйством, где живут потомки известных уральских родов. Прежде всего, Анямовы (Аням с мансийского — красивый, праздничный), это их родовые земли раскинулись от истоков Лозьвы до Ушмы. А так же Пеликовы, Куриковы, Бахтияровы, Тасмановы (Заносчивый), Пакины (Шишки имеющий). На протяжении нескольких десятков лет, на огромной площади от Саранпауля (Ханты-Мансийский Автономный Округ) до поселка Полуночное (Свердловская область), происходило тотальное уменьшение числа паулей и количества мансийского населения. Развивались миграционные процессы, ведущие к укрупнению национальных поселений. Все это привело к тому, что от многочисленных в прошлом уральских родов остались «жалкие крохи» — буквально по несколько семей, по нескольку человек. Некоторые рода вымерли совсем, их фамилии остались на страницах архивных документов. Тресколье ныне представляет из себя именно такое «сборное» поселение.

В этом селенье, в священном амбарчике хранится изображение Луссэм вит ялпынг отыра (Священного князя вод Лозьвы) или Луссэм таляхойки (Старика верховьев Лозьвы). По преданию, от него произошли семь верхнелозьвенских богатырей.

Скорее всего, в окрестности Тресколья переместился и Якотиль-ойка («Среднего течения старик»), дух-покровитель верхнелозьвинских манси, после «закрытия» святилища в Сав-пауле.

Живописная Лозьва и в наши дни охраняется местными жителями. Пойманных мелких хариусов, они отпускают обратно, не рубят лес по берегам, читают молитвы при переправе. Но с каждым годом все труднее живется Водяному богу, несмотря на всевозможные подношения и подарки. С постройкой нового моста через Вижай хлынул на Лозьву поток рыбаков и охотников, которые в большинстве своем хапужнически выкашивают все подряд. Все как всегда и везде в нашей стране. Скоро они заберутся и в Кераскол (святую пещеру), давнишнюю первобытную стоянку, испишут масляной краской прибрежные скалы, как Писаный камень на Вишере. Закидают мусором и консервными банками смешанные с глиной и золой кости жертвенных животных, на месте мансийских кострищ. Пройдутся по вековым борам с ружьем и колотушкой.

А ведь даже перед революцией, севернее горы Хой — Эквы, что в окрестностях Тресколья, властями замышлялось устроить соболиный заповедник. Но, как говорится, руки не дошли.

Сегодня Тресколье остается единственным мансиjsким центром на Северном Урале.

Среди жителей Тресколья-Керасколья почти все, так или иначе, приходятся друг другу родственниками. Остатки древних родов, собранные со всей округи, основательно перемешались. Хотя опытный знаток все же сможет распознать по чертам лица потомков печорских, сосьвинских, кондинских, уральских vogul. Здесь, в одном месте, если не живут постоянно, то иногда собираются или собирались по случаю потомки некогда многочисленных зауральских родов: манси народа Йипых-Ойки (филина) — Тасмановы, Хозумовы; народа Нярос (лягушки или народа болот) — Пуксиковы, народа «Чух-Пелек» (хромого) — Пеликовы; «слепого» народа — Самбиндаловы, «Великой Женщины Тетерки» — Номины, «Леп-Тит-Ойки» — Куриковы; «Имеющего шишку» — Пакины; «Праздничного народа» — Анямовы; «Заносчивого народа» — Тасмановы; ну и всем известные Бахтияровы.

Кстати, катпосы рода Пеликовых лет сто назад, встречались на Среднем Урале, под горой Качканар, на реке Б. Именной. Там же, предположительно, находилось когда-то крупное vogульское поселение.

Среди самих трескольцев бытуют несколько версий о причинах ухода «в тайгу» их родителей в конце 1950-х годов — ведь раньше пауль стоял на месте будущей Ушминской колонии. По одной из них, это связано с гибелью туристической группы Дятлова в 1959 году под горой Холат-Чахль (ныне перевал Дятлова), когда «органы» стали активно «шить» дело мансиjsким охотникам.

«Приезжали вооруженные люди, выгоняли семьями в месте с детьми на мороз — пока не расскажем как туристов убили. А это не мы», — вспоминает Альбина Анямова. Вот тогда и решил следующим летом Николай Васильевич Анямов уйти дальше в тайгу.

Вообще, судьба этого человека требует отдельного описания. Здесь упомянем лишь о том, что в 1930-х его отец вместе с отцом всем известного шамана Николая Бахтиярова — Якимом ушли из Няксимволя, спасаясь от НКВД. Несколько лет вместе с оленями они провели, скрываясь в районе Ойка-Чахля, пока не осели навсегда в этих краях. Сталинские репрессии добирались и сюда, поэтому временами им приходилось прятаться отдельно от семей в дальних зимовьях.

Весной 1959 года они в начале забрались вверх по Лозье на север. Место выбрали — что надо, глухое: леса вокруг непроходимые, топи да болота. Однако позже вернулись немного вниз, в заброшенные дома бывшего русского поселка «Второй Северный». Спустя несколько лет решились строиться в красивом месте еще ниже по Лозье, на ручье Кераскол. Тем бо-

лее, что в этих местах уже жили когда-то манси: рыбаки неоднократно находили бронзовые фигурки бобров, окаменелые остатки золы в каменных осыпях крутых лозьвинских берегов.

В начале 1960-х началось строительство первых домов в Тресколье. С тех пор жизнь целого поколения прошла в этих юртах. Пережили в новых юртах первые голодные годы, ведь из-за строительства времени на охоту не оставалось. Но из-за близкого соседства с ушминской зоной ожидаемой свободы не получили. Тайга вокруг, включая родовые охотничьи угодья, безжалостно уничтожалась, зверье и рыба истреблялись и т. д. Но позже наступил период, который можно назвать благоприятным для Тресколья он пришелся на 1970–80-е годы — время значительной господдержки оленеводства. В последние же десятилетия наступил закат Тресколья.

По решению свердловских властей, решено собрать всех манси, проживающих на территории Ивдельского района, в одно компактное поселение на Ушме, пока они не вымерли совсем. Туда же планируется постепенное переселение людей из оставшихся в округе Тресколья совсем маленьких паулей — на одного-двух человек, которых с каждым годом становиться все меньше. И даже сами манси в Тресколье не знают точно, где и сколько людей живет сейчас в этих крохотных поселениях.

Дома уже построены, скоро начнется переселение. Власти намерены позаботиться о народе, при этом коренным образом изменив уклад его жизни. История повторяется: в 1940-х власти уже предпринимали неудачную попытку объединить кочевников-манси в поселке Тошемка...

Современное поколение уже не боится Вит Ялпынга, уважает лишь праздники, когда есть повод за него выпить. И он, конечно, платит тем же — за последние четыре года в Тресколье на треть жителей стало меньше. В основном умерли молодые и здоровые мужчины охотники. Некоторые уехали за легкой жизнью в Ханты-Мансийский округ, многие погибли, утонули, отравились спиртом, сгорели — число ужасных трагедий растет каждый год. Узнав об этом, начинаешь воспринимать горькие слова Прокопия Бахтиярова совсем по-другому

Видится в вымирании Тресколья и другая причина. Благодаря СМИ, в доселе неизвестное место, не отмеченное на картах и указателях, началось настоящее паломничество. Репортеры, музейщики, этнографы, туристы, любители экзотики рванули в эти места, вольно или невольно волоча за собой всяческих перекупщиков, «черных археологов», «любителей древности», браконьеров и других нечистых на руку людей. Неискушенные в тонкостях современного мира, от природы добродушные, манси принимали всех. За бесценок и «паленый» спирт отдавали шкуры, черепа, чучела

животных, старинное оружие и деньги, многие другие нехитрые национальные раритеты. Конечно же, все это негативным образом сказалось и на самих жителях — они продали и пропили постепенно все «дедовское», перешли с оленеводства на собирательство, на таежный корм: ягоды, орехи, рыбу. Вот и в этом году, в конце августа, в разгар самого заготовительного сезона, когда «день — год кормит», все взрослое население буквально не стояло на ногах. Причиной этого был хороший урожай брусники, уродившейся в ближайших окрестностях, когда на сбор ведра ягоды вручную уходило не больше часа времени.

В генах лесного народа «заложено» определенное, положительное, отношение к измененному сознанию. Оно широко использовалось для предсказаний, камланий, общения с духами и т. д. Но правила достижения его формировались очень долгое время, тысячелетиями. Возраст шаманских практик — десятки тысяч лет. Относительно недавно появившийся алкоголь, оказался гораздо более мощным и не контролируемым средством входления в такие измененные состояния. Сильный возбуждающий эффект и широкая доступность средства (даже для детей) обусловили возникновение быстрой наркотической зависимости у манси. А необходимые правила и ритуалы употребления напрочь отсутствуют, особенно у молодых, так же как и расщепляющие алкоголь ферменты в организме. Однако у старых манси я наблюдал какое-то особое отношение к употреблению спирта, выражавшееся в кратких молитвах перед началом, надеваемой чистой праздничной одежде, иногда ритуальной, приглашением к участию в празднестве остальных обитателей поселка, общественной разработкой сценария проведения неких обрядов — обращений к своим духам. Ну, а степень окончания «процесса» всегда зависела от количества запасов спиртного. В день посещения Тресколья нам повезло — мансиjsкий спирт закончился быстро, а у нас после продолжительных скитаний в горах и поглавно его не было.

Вызывает огорчение довольно презрительное отношение к коренному населению со стороны наезжающих с Полunoчного, Ивделя, Серова охотников, рыбаков, грибников, лесорубов и прочего «народа». Примерно так относятся у нас к опустившимся бомжам и алкоголикам. Куда там одному-двум охотникам-манси тянуться с толпой пьяных вооруженных мужиков. Вот и терпят лесные люди унижения. До поры, до времени, конечно. Потом случаются страшные трагедии. Закон — тайга, однако.

Вспоминается довольно показательный случай, произошедший на Тахте. Где-то в середине сентября, промозглой, темной дождливой ночью мы встали на ночевку в центре бывшего поселка зоновского Тахта. Дул сильный ветер, временами дождь сменялся снегом. В наших мокрых спаль-

никах было чертовски холодно. Посреди ночи, в кромешной темноте, неожиданно раздались чьи-то душераздирающие вопли, переходящие в страшный вой. Наша собака с диким лаем умчалась в ночь. Возгласы повторились уже ближе. Пришлось вскакивать, подбрасывать дров в чуть теплujący костер. Мы недоумевали, что же за дикий зверь бредет к нам. Через какое-то время стало ясно, что по дороге идет человек. И он, по-видимому, заметил наш разгоравшийся костер: послышались проклятья и мат, относившийся почему-то к «мансиюкам». Вскоре на огонек шатаясь вышел весь перепачканный в грязи, в стельку пьяный здоровенный мужик в одной тоненькой сырой штормовке. Осмотрев нас выпученными глазами и поняв, что мы вовсе не манси, он с ревом опустился к костру. На наших глазах в нем происходили разительные перемены. Из грозного великана он превращался в жалкого пьяного человека.

«Я думал здесь мансиюки костры жгут, а это вы, оказывается», — говорил он раздраженно. Из его сбивчивых рассказов мы поняли, что бригада ивдельских рыбаков поехала на «Урале» рыбачить в верховья Вижая. И, как водится, изрядно успев «принять на грудь», завязли в болоте в устье речки Кул. Решив проехать прямо по берегу Кула, чтобы не идти пешком, прочно засели в болотной жиже.

Его, как знатока здешних палестин, тут же «командировали» обратно в Полуночное или в Ивдель за помощью, так как машина была арендована нелегально и через день должна была вернуться в город. Однако «знаток» прихватил с собой водки: «чтоб шлось веселей», и «слегка» устал по дороге. Поэтому, увидев огонек и решив что это костер манси, намеревался заставить их идти вместо себя. А для лучшей убедительности принял самый грозный вид. Не беда, что ночь и холод, что нет продуктов и спальника, что впереди больше сотни километров — «мансиюки» нас боятся!

Резонно рассудив, что лучше перекантоваться эту ночь у костра, он, клацая зубами от холода, попросил у нас какие-нибудь теплые вещи. Помочь ему нам решительно было нечем, сами замерзали в сырых спальниках. Пришлось бедолаге остаток ночи мерзнуть, укрывшись под куском полиэтилена. С самыми ужасными проклятиями в адрес «мансиюков» он каждые полчаса поднимался и отправлялся на поиски дров под моросящим дождем. Вряд ли он знал, что рядом с болотом, где завязла машина, когда-то существовали мансийские захоронения...

Но вернемся в Тресколье.

Бродили мы по живописнейшим окрестностям, теряясь в паутине маляющих тропинок, покрывших весь сосновый бор до самого берега красавицы Лозьвы, созерцали могущественную гору Хой-Экву, и так безнадежно-горестно становилось на душе. Полнейшая безысходность. На наших

глазах идет полным ходом деградация лесного народа не смотря на его уникальное духовное наследие. Того же мнения придерживается и режиссер Свердловской киностудии Аркадий Морозов — своеобразный первооткрыватель Тресколья для широкой общественности. Он уже несколько десятков лет приезжает для съемок в это мансиjsкое поселение и по возможности фиксирует на пленку происходящие изменения.

Окрестности Тресколья. Вот на возвышении располагается ритуальная поляна с одиноким жертвенным столбом, судя по упавшим деревьям ее не посещали лет пятнадцать. Вот скрытые от чужих глаз, тщательно охраняемые от посторонних, зарастающие сосняком срубики — могилы на кладбище. Наш проводник Андрей Бахтияров долго всматривается пьяными глазами в остатки истлевших от времени нарт, прежде чем определить могилу основателя селения Василия Анямова: у оленеводов на могилах всегда сверху складываются последние нарты, одежда, промысловыe атрибуты. У прочих манси — их личные вещи, утварь, посуда и т. д.

В центре могилы-сруба делается специальное отверстие закрытое «дверкой», через него при поминках подается пища — нянь (хлеб), кусочки сахара, спиртное, специальные деревянные лопатки, заменяющие ложки. Считается, что душа умершего (ис) некоторое время продолжает жить на кладбище, страдает в разлуке с близкими, испытывает холод и голод.

«Знаешь, — тихо сказал он, — наш шаман, дедушка Сопра (имя изменено автором) сказал, что скоро один из мужчин в Тресколье умрет, а нас здесь всего двое»...

Здесь, на лесном кладбище, вспоминаются слова Юvana Шесталова:

О предки наши!
Давно ушедшие в мир иной
И вчера покинувшие нас предки!
...Святые наши предки!
Вы услышали наше моленье.
А теперь вкусите жертвенной крови,
Насладитесь ее,
Будьте милостивы к нам,
Поймите наши живые души...

«Пойдемте обратно, сейчас будут испекшийся хлеб из печки вынимать, снимите на камеру», — сказал он, закрывая за нами символические сакральные ворота в царство мертвых. Если этого не сделать, то души мертвых выйдут из очерченного кладбищенского круга и начнут охоту за живыми. Когда еще были олешки, оленеводы перед тем как выехать на

зимние пастбища, на соснах за границей поселка вырезали устрашающие изображения животных. Считалось, что они отпугнут духов умерших родственников, что бы те не смогли следовать за людьми.

А вот когда человек выпивал хоть стопку водки, нас всегда настойчиво попросили не снимать: в это мгновение человек обращается к духам.

В доме Андрея нас ждал не только свежий благоухающий хлеб, извлеченный из экзотической каменной печки, но и протухшая на воздухе лосятина. Лось попался в петлю на днях, но из-за пьянки вовремя никто ее не проверил. Мясо пахло так, что и близко не подойдешь, однако манси без колебаний пустили его на закуску: кто-то успел сбегать за спиртом до Ушмы (в один конец больше семи километров).

Пришлось нам перейти «гостить» в соседний дом к бабушке Альбине Анямовой, одной из старейших жительниц Тресколья.

В отсутствие мужчин главными хранителями преданий и старинных обрядов стали Альбина и баба Шура. Они организаторы и вдохновители праздников, главные советчики по житейским вопросам, воспитатели молодежи. И уж без сомнения, они главные героини нескольких снятых о Тресколье документальных фильмов и множества напечатанных статей. Старушки могут даже похвастаться собственным диском уникальных мансийских песен, вышедшим в Ханты-Мансийске. Несмотря на свой почтенный возраст, бабушки еще дают фору молодым на охоте и рыбалке. В год Альбине с дочерьми необходимо добыть нескольких лосей, чтобы прокормить себя и детей, помочь менее удачливым семьям. Хорошее подспорье зимой дают заготовленные ягоды, кедровый орех, хариус.

Для нас же бабушки — настоящий кладезь информации, тем более не связанные таким жестким обетом молчания, как мужчины. Они еще помнят как когда-то в Тресколье невеста, впервые входя в дом мужа, совершила обряд — мань нэ йир «кровавую жертву невесты», приводя громадного оленя.

«В последний раз мань нэ йир произошел, наверно, лет двадцать тому назад», — говорят они, улыбаясь и вспоминая свою пролетевшую бурную молодость. Вспоминают, как девчонками изготавливали из мягкой податливой чаги малюсенькую куклу (алтын акань), которую берегли как ребенка, шили ей одежду и хранили в тучане (женская сумочка-мешочек из оленьей шкуры). Считалось, она помогает при беременности и родах.

В короткой беседе за чаем Альбина напутствует нас: «Ночью в лесу нельзя смеяться и громко разговаривать — менквы услышат и накажут. Уходя на охоту, рыбалку и вообще в дорогу, обязательно оставь кусочек хлеба и сладкое на столе или поляне для духа. Я всегда так делаю, будет удача тебе. К святым местам на вершинах гор подходи только с хорошим,

добрый настроением, оставь подарок духам. Без проводника-манси всегда обходи стороной запретные места — молебные поляны, кладбища, ура-сумъяхи и вообще все непонятное в лесу. Духи мертвых стерегут подступы к ним, могут и тебя сгубить. Учись прислушиваться к своим чувствам и мыслям в пути, пытайся понять язык ветра, реки, гор, леса».

Во время разговора тишину разрывает звук громко скрипящей несмазанной двери, которая несколько раз открывается и захлопывается, при совершенном отсутствии ветра. Будто сами духи напоминают о своем присутствии и подтверждают все сказанное. Мы ошарашено смотрим друг на друга. Альбина же невозмутимо, будто ничего не заметив, продолжает рассказ, раскачивая головой в такт словам. В этот момент она похожа на учителя, объясняющего совершенно очевидные вещи ученикам-первоклассникам. Если бы не ее разноцветно-веселые, колоритные одежды, иногда казалось, что с нами беседует строгий, суровый шаман, видящий наши души нас kvозь. И чувствующий все необычное, окружающее нас, прошлое и настоящее, и, может, даже самих духов, витающих сейчас в доме.

По такому случаю вспомнились некоторые их имена, услышанные в «эксклюзивных» трескольинских эргынг мойт (песнях-сказаниях) и утраченные на «большой мансиjsкой земле» — Ханты-Мансиjsком автономном округе.

«Семьдесят семь добрых духов, пупыгов, послал Номи-Торум на землю помогать людям. Они, однако, наоборот стали уничтожать людей, за это были заточены в преисподнюю и там превратились в кулей» — гласят мансиjsкие предания.

Оттого, разновидностей всякой ужасной нечисти, живущей в окрестных горах, лесах и водах несколько десятков. Здесь и мифические духи-звери Йуры (от раков, ящериц и монстров-рыб до подводных и наземных мамонтов), кровожадные крылатые Йуры. Настоящие монстры Хумпалы — враждебные людям полу- и недочеловеки, однорукие лесные существа, преследовавшие людей. От них одно спасение: бежать в болото, т. к. одна нога монстра сжата капканом. Злыдни Пауль-йоруты (деревенские существа), превращающиеся из изношенной и валяющейся обуви и одежды (особенно женской), попадая внутрь человека, начинали грызть его, вызывая болезни. Утьси — волосатые существа, у которых один глаз располагался на подбородке, имели рога и когти, некоторые могли жить в реке. Найденные на берегу Лозьвы громадные зубы (мамонта?), назывались «зубы Утси». Главари лесных духов — Ялани обладали железной шкурой и не менее крепкой силой. Ну и, конечно же, уже не раз упоминавшиеся менквы.

... Только мансийский шаман смог бы определить — кто не видимый, стоял сейчас по ту сторону дверей.

По этому поводу хочется с сожалением заметить, что время поиска и изучения названий и предназначений когда-то существовавших многочисленных мансийских духов и божков безнадежно ушло. Этот могучий пласт исторических и духовных знаний для человечества оказался безвозвратно потерян. Так и хочется воскликнуть «Эх, пораньше бы... Годков на двести, триста раньше бы, оказаться в этих местах...». Тем не менее и тогда, в нелегком и опасном деле изучения языческих святых существовали значительные проблемы. Как писал историк А. Дмитриев, «Что это за боги такие, узнать решительно невозможно, так как в угорском мифологическом Каноне царствует путаница невообразимая. Главные сведения об этом предмете заимствуются обыкновенно позднейшими путешественниками у своих предшественников...»

УШМИНСКИЙ ОТШЕЛЬНИК

«— А ты откедова взялся-то, дедко?»
«— А божий я...»

Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Хлеб»

В этой главе хочется рассказать об одной встрече с очень необычным человеком, произошедшей в прилозвинской тайге, на родовых угодьях Анямовых. В начале у меня не возникало никаких сомнений в ее случайности. Однако после многократного общения с ним в течение нескольких лет, я пришел к выводу о некой закономерной предрасположенности нашей встречи. Сейчас можно сказать с уверенностью, рано или поздно, в том или другом месте, нам все равно суждено было увидеться.

«На все воля Божья», — с улыбкой говорил отшельник, вспоминая первую нашу встречу.

В одну из наших поездок к Прокопу мы вынуждены были в брод преодолевать речку Вижай. Нужно отметить, после многодневных дождей, прошедших в верховьях, это совсем непростое занятие. Бурлящая водяная масса так и норовит сбить с ног и унести вниз по течению. Каменистое дно очень скользкое. По нему то и дело прокатываются уносимые течением валуны. Вообще, экстрим еще тот. На переправу у нас ушло много времени и сил. И вот, наконец, когда мы выбрались на противоположный берег — левый, на правом показался вахтовый «Урал». Очень лихо, с разгона, буквально за несколько минут, он преодолел все три протоки Вижая и останов

вился возле нас. «Вот так техника, вот так водитель», — поразились мы.

Далее разворачивалась довольно характерная для этого времени и места картина. Словно в замедленном фильме, медленно открывались многочисленные двери в машине-будке, откуда выходили, сползали и просто выпадывали изрядно пьяные рыбаки. Как водится на Руси, все были необычайно рады встрече, тут же от всей души предлагали выпить и закусить. Одни орали, восторгаясь «дивной природой», другие, давали нам «умные» советы и наставления. Прямо тут же, на прибрежных валунах, в мгновение ока, организовался импровизированный «пикник». Звенели стаканы, из пятилитровых бутылей наливался спирт. Ну, в общем, все как обычно.

Но вот из машины показался еще один человек. Контраст его с остальными не только был заметен, он просто «бил по глазам». Удивительным в немказалось решительно все — и необычное одеяние, и какой-то неземной, просветленный взгляд, и манера с достоинством держать себя в этой пьяной компании, не говоря уже о совершенно трезвом виде. Конечно же, он не мог не привлечь нашего внимания.

«Гавриил, — представился он, — еду на Ушму». На вид ему было около тридцати. Высокий, узкоплечий, с большой косматой головой. Но больше всего поражало его лицо, очень похожее на лик Иисуса Христа, словно только что сошедшего с иконы на землю. Сходство было просто удивительным.

Он, можно сказать, светился внутренней добротой. От него веяло человеческим участием, жизненной мудростью. Тихая речь выделялась совершенно не уральским говором и интонациями.

Тем более показалось странным его путешествие в такой компании. На все вопросы он отвечал как-то односложно и неохотно. Заметно, что он тяготится окружающим обществом и присутствием посторонних наблюдателей.

Отдельного описания заслуживает его необычное одеяние. На плечах висел стертый до дыр плащик, бывший когда-то светло-синего цвета. Под ним виднелась холщевая куртка, в каких ходят лесорубы. Из-под нее выглядывал ворот видавшей виды рубахи. Ноги были в брезентовых штанах. Обувью служили стоптанные до невозможности сапоги с обрезанными голенищами. Весь его вид говорил — пред нами странник.

Однако долгой беседы у нас с ним у нас тогда не получилось, «пикник» быстро кончился, и машина взревела мощным двигателем.

«Бог даст, еще свидимся», — только успел крикнуть Гавриил на прощание, поспешно забираясь в будку. Пожалуй, еще чуть-чуть и машина уехала бы без него. Он исчез так же быстро, как и появился, оставив нас в раздумьях и полном недоумении на сыром берегу Вижая. Вот бы еще

встретится когда-нибудь...

Кто бы мог подумать, что ровно через сутки нам суждено было снова встретится. Путешествуя в этих местах впервые, практически без карты, мы допустили грубую ошибку и, пропустив нужный свороток, «упахали» не туда. Учитывая, что потеряться вроде бы негде, решили дойти до конца дороги. На одном из поворотов дороги увидели в глине свежие следы. На другом нагнали идущего впереди человека. Им и оказался наш вчерашний собеседник.

По его лицу, сразу нельзя было определить, рад он встрече или нет. Пожалуй, что не очень. Зато как мы обрадовались! Во-первых, он указал верный путь, подсказав нужный отворот дороги. Во-вторых, в этот раз удалось пообщаться с ним подольше.

Невдалеке шумела перекатами красивая речка Ушминка и мы предложили Гавриилу пообедать вместе. Он после долгих уговоров нехотя согласился, словно предчувствуя, что ему придется отвечать на множество наших вопросов.

Мы узнали, что Гавриил является настоящим монахом-отшельником. Ровно четыре года назад он и еще два его соратника пришли сюда «в пустынь» из одного монастыря на острове Валаам. Пришли и поселились в заброшенном домике на окраине Ушмы, бывшего лагеря для заключенных. По соседству жили только старенькие дед с бабкой, последние обитатели некогда многолюдного поселка, существовавшего еще с 1950-х годов.

Спустя год «Ушминскую пустынь» покинул единственный семейный монах, родом из самой столицы. Гавриил рассказывал, что расставание было нелегким, все-таки трудности, перенесенные вместе, сближают. Задерживать его они не посмели — каждый сам определяет срок пребывания здесь.

Следующие два года прошли в молитвах по несколько раз в день и строительстве новой избушки в стороне от бывшего поселка, в глухом лесу.

«Это чтобы соблазна не возникало», — объясняет отшельник.

«Какой же тут соблазн, если кроме деда и бабки никого нет?», — спрашиваю я.

«Все равно. Что бы от Бога не отвлекали», — твердо утверждает Гавриил.

Однажды ушел и второй монах, и остался Гавриил один. Изба к этому времени была готова. Поселился в ней Гавриил и зажил настоящим отшельником, все время проводя в молитвах и заготовке дров на долгую зиму.

«... Но остающиеся безбрачными обязаны проводить целомудренную, чистую жизнь, которая по учению Христову выше брачной и есть

один из величайших подвигов», — вспоминаются мне слова из священных писаний. Это, думаю, о нем, о Гаврииле.

К тому времени, когда он переселился в новую избушку, в Ушме тоже случились перемены: дед умер, бабка постоянно болела и почти не вставала. Гавриил изредка выходил из леса проводить ее и помочь, чем придется. Вскоре Ушма опустела окончательно, ходить стало не к кому. Вокруг одна безлюдная тайга, медведи да волки.

«Твердость духа и Господь — помогли выжить, — задумавшись, рассказывает он, — припасов почти не было — питался засушенными корешками, ягодами, кедровыми орехами, завяленным хариусом. Вместо чая пил заваренные пихтовые побеги».

Нужно напомнить, что примерно в семи километрах от Ушмы по прямой на северо-восток, существовало мансиjsкое поселение Тресколье. Но, учитывая полную изолированность поселка в зимнее время и всяческое отсутствие дорог, с уверенностью можно говорить о полном затворничестве нашего монаха...

Во время нашего обеда на берегу Ушмы погода стояла просто великолепная, на небе ни облачка. Солнце, тепло, поют птички. Представляю себе, что тут творится зимой, когда дорога завалена полутораметровым слоем снега, когда стволы кедрача трещат от морозов, когда твой след за несколько минут метель заметает напрочь.

На узком галечном берегу речки Лозьвы жжем большой костер, готовим обед. Беседуем...

Гавриил после долгих уговоров наконец-то соглашается попробовать супчик из наших сух. пакетов. Мяса он не ест принципиально.

Краем глаза замечаю, как Витя на берегу, за нашей спиной тянется открыть кофр фотоаппарата для съемки. Мой собеседник тут же поворачивается к нему, будто чувствует, и говорит: «Не снимайте меня». У Вити от неожиданности и разочарования, что сорвался такой экзотический кадр, просто «опускаются» руки.

Гавриил объясняет: «Фотография — это мое застывшее отображение, но я живу, я изменяюсь. Завтра я буду уже другим — может лучше, может хуже, но совершенно другим. А вы будете смотреть на фото и представлять меня таким же. И это будет неправдой».

«Вот, — он показывает на сердце, — где вы меня должны вспоминать. Вспомните по-доброму, и мне станет легче. Если захотите узнать, что со мной, думайте обо мне, и сердце само вам подскажет».

Чувствуя приближающееся расставание, я настойчиво продолжаю напрашиваться к нему в гости. Тем более, говорю, что до его избушки отсюда остается совсем мало, около трех километров. Но отшельник тверд

— еще никто из посторонних там не бывал.

«Бог даст, свидимся», — говорит он на прощанье, и, взвалив на спину свой мешок, отправляется вброд. Не пройдя и половины, вдруг оборачивается и троекратно перекрестив нас, шепчет: «Да хранит вас Господь».

Мы остаемся на берегу одни. В душе творятся странные чувства: от сознания прикосновения к чему-то тайному и загадочному до полной растерянности. Почему же он так быстро ушел? Где же теперь его искать? Грызло любопытство и впечатление чего-то недосказанного, непонятого и упущенного — не каждый день встречаешь монахов-отшельников.

Рассудив, что лучше покорится судьбе и попробовать поискать таинственную избушку во время следующей экспедиции, мы повернули восьмаяси.

Через год, так же в августе, после завершения традиционного «мансиjsкого» маршрута, мы специально завернули в Ушму. Сохранившиеся остатки некогда бурной жизни одного из многочисленных лагерных поселений все больше ветшали и покрывались тленом. На въезде мертвого «зоновского» поселка посетителей встречали развалины карцера. Скукоженная «колючка» на высоких столбах выглядела тоскливо на фоне чистого радостного неба. Потолок карцера частично рухнул, обнажив обитые железом толстенные двери с маленькими окошками, решетчатые стены камер. Вид создавался самый гнетущий и неприятный, будто стены все еще хранили в себе остатки людских страданий и горестей. Невдалеке из высоких трав торчали многочисленные полуразрушенные оставы прочих строений — штаба, складов, «пожарки», бараков, жилых домов. Весь поселок занимал довольно приличную площадь, и можно было часами ходить вокруг покосившихся строений. Сколько бревен, досок, шифера, прочих строительных материалов пропадает зря! Их хватило бы на обустройство небольшого поселка. Довольно удручающее впечатление производили сохранившиеся детские качели и горки в бывшем парке отдыха, напрочь заросшие сосновым молодняком.

Хотелось побыстрее покинуть это место и спуститься вниз, на живописный берег Лозьвы. В противоположность лагерю, красавица Лозьва радовала глаз своими величественными белыми скалами. Удачно вписывался в этот пейзаж и заброшенный подвесной мост необычной конструкции. Великолепно выглядели уходящие на север, покрытые темным хвойным ковром крутые лозвинские берега. Громада сурового Чистопа на юге важно возвышалась над всем таежным краем, своим присутствием утверждая безусловное превосходство природы над несовершенным миром людей.

Мы остановились в единственной уцелевшей баньке, на окраине за-

брошенного поселка. Печка-каменка уцелела, так же, как и широкий деревянный полок, — видимо здесь частенько останавливаются проходящие мимо путники. Пока Витя занимался ужином, я отправился на поиски избы отшельника. Буквально через сотню метров, меня поглотил частокол густого березняка, затянувшего старые выруба.

Несколько часов интенсивных поисков вдоль русла Лозьвы и маленьких ее притоков не принесли ожидаемого результата. Восвояси пришлось возвращаться в Ушму.

За ужином было решено расспросить о местонахождении избушки отшельника у Андрея Бахтиярова, проживавшего неподалеку, в Тресколье. На это ушли еще одни сутки.

К счастью, он оказался в этот день дома, и мы смогли узнать некоторые поисковые приметы. Он рассказал, что во время охоты, в марте, случайно набрел на старую лыжню и по ней вышел на затерянное в лесу пристанище Гавриила. Тогда хозяин встретил его довольно не дружелюбно — тайна его местонахождения была раскрыта. Всего несколько лет Гавриилу удалось прожить не замеченным рядом с заброшенной Ушмой и мансиjsким поселением.

Утром следующего дня мы предприняли новые поиски, которые на этот раз увенчались успехом. В глухом нетронутом лесу, в укромном межочеке обнаружилась избушка довольно простенькой конструкции. Место для нее было выбрано удачное, с нескольких сторон обзор закрывали заросли кустарника и молодой ельник — в двух шагах пройдешь, и не заметишь. От многочисленных охотничих избушек она отличалась достаточно высокими стенами и острой крышей. Да, пожалуй, еще добротной кирпичной трубой, из которой сейчас тянулся синей струйкой дым, таявший в ароматном лесном воздухе. Не ошкуренные сосновые бревна стен лежали на сложенном из камней фундаменте. С востока и севера на мир глядели два крошечных окна с грубо отесанными, самодельными рамами.

Скинув свою поклажу надосчатом настиле, заменившим, по-видимому, собою крыльцо, мы негромко постучали в дверь. На пороге возник наш знакомый.

Он конечно же нас узнал и пригласил в дом.

«Ну вот, Гавриил... Бог дал — и увиделись», — сказал я. По его виду нельзя было сказать, что он сильно обрадовался не прошенным гостям, однако безусловно не огорчился, что пришли именно мы. Его колоритная внешность практически не изменилась — все тот же поношенный костюм, брезентовые штаны. Только изношенные до полной неузнаваемости ботинки были обрезаны и теперь служили домашними тапочками. Тот же мудрый взгляд, те же карие глаза, та же доброта и покорность.

Можно сказать, вся окружающая лесная обстановка, нехитрые ветхие одежды не скрывали глубокую содержательность и замечательную душевную красоту отшельника. Она отмечалась и в неторопливых, правильных движениях, и тихой, уверенной речи и терпимостью к визиту таких не званных гостей.

Нам, конечно, было немножко неловко, ведь сунулись без приглашения, однако предупредить о своем появлении было просто невозможно. И, как бы извиняясь, я рассказал историю наших поисков его обители, чтоб он не подумал, что мы так просто смогли найти. «Располагайтесь и отдыхайте, — сказал он, — А я пока чайник поставлю».

«Поставить чайник» оказалось не так-то просто. Для начала нужно было сбегать на родник за водой. В целях конспирации избушка поставлена метрах в трехстах от родничка. И четкой тропинки к нему не существует — каждый раз Гавриил старается идти разной дорогой. Затем нужно хорошенько растопить печку, чтобы нагрелась плита, на которой будет стоять чайник. Ну и подождать около получаса, пока он закипит.

Пока происходили все вышеупомянутые действия, мне удалось немного осмотреть внутренности избы. Несмотря на довольно непрезентабельный и простецкий внешний вид, внутреннее содержание приятно удивляло.

Изнутри бревна стен гладко вышкурены, придавшие жилищу домашний уют. Справа от входной двери не широкая печь с плитой, оштукатуренная коричневой глиной. Над плитой, под потолком, подвешена довольно сложная, сплетенная из ивовых прутьев, система полочек. На них сушатся многочисленные пучки трав, гирлянды грибов, разложенные на листах бересты кусочки чаги. У стены, за печкой, заготовленные про запас белоснежные березовые полешки, щепа, рулоны бересты.

Слева от входа умывальник, бочка с водой, полочки, откидной деревянный столик — здесь некое подобие кухни. Вдоль стен располагаются широкие нары, под которыми находятся несколько ящиков с инструментом и одеждой. Между нарами, под окном, сооружен досчатый стол.

Под потолком, в «красном» углу, на специальной полочке стояла закрытая сейчас материей икона. На противоположной от красного угла стене красовалась еще полочка с различными предметами — книгами, керосиновой лампой, металлическими баночками, компасом, карандашами и т. д.

В промежутке за печкой, на специальной полочке громоздились глиняные чайнички, кружки, стаканы, необычного вида сосуды. Видимо, Гавриил потихоньку осваивает и гончарное дело продолжительными зимними вечерами. И это у него прекрасно получается. Вот поделки из бересты: туески, шкатулки под различные вещички. Все сделано с любовью и осо-

бой тщательностью.

Мой взгляд падает на повязку из черной материи с вышитыми белыми нитками какими-то буквами и значками, которую захотелось рассмотреть ближе. Но суровый взгляд хозяина заставляет замереть и судорожно отдернуть руку. Позже Гавриил объяснит, что это специальная налобная «икона» с изображением Иисуса Христа, которая в любых ситуациях находится с ним. Я понял, что эта сокровенная вещь имеет для него большое значение.

Вот, наконец, вода в пузатом алюминиевом чайнике вскипела, и заварен душистый травяной чай. Так как на столе ничего съестного не отмечалось, мы с удовольствием достали весьма скромные остатки собственной провизии. Потребовалось множество уговоров, чтобы заставить Гавриила попробовать мирской пищи.

Теперь-то и наступило самое время подробнее узнать о причинах его появления здесь. Это, пожалуй, самый главный вопрос, терзавший меня с момента нашей первой встречи.

Вот, что он рассказал о себе. Родился и вырос в Краснодарском крае. Мать — генеральская дочь, воспитывала сына одна, но в «тепличных» условиях. В двенадцать лет он серьезно заинтересовался изучением религий. Изучил почти все существующие религии и, поняв их «никчемность», решил начать самосовершенствование с нуля.

В четырнадцать лет он ушел из дома в ближайший православный храм. С этого момента началась его взрослая жизнь,енная бесконечным скитанием по монастырям и храмам. Несколько лет мать безуспешно «гонялась» за ним, разыскивая и умоляя вернуться домой. Но ничего поделать не смогла.

В монастырях молодого человека ставили на самые низкие должности, давая самую тяжелую работу. Он принимал это с пониманием и даже с радостью. Ему было всегда интересно учиться, осваивать новые профессии и навыки, для того, чтобы при случае помочь людям. В одном монастыре он стал поваром, в другом — столяром, в третьем кузнецом, в четвертом каменщиком. Когда достигал определенного статуса, и ему предлагали более высокие должности, он всегда уходил. В новом монастыре начинал все заново. В 1991-м году оказался в монастыре на острове Валаам. В это время монастырь возрождался из руин. Монахи и миряне-волонтеры работали не покладая рук над восстановлением разрушенного в тридцатых годах храмом. За этим праведным делом прошел не один год его жизни. Там же Гавриил принял сан священника. Там же понял — для дальнейшего самосовершенствования и познания Бога, ему нужно уйти в пустынь. Тем более, что и в самой церкви к этому времени наметились не-

которые принципиальные разногласия. Они выражались в негативном отношении монахов Валаамского монастыря к вопросам «коммерциализации» русской православной церкви. Нужно отметить, что этот монастырь во все времена отличался более суровым отношением к исполнению церковных законов и традиций. Может быть, этому способствовало отдаленность и оторванность монастыря от прочих российских земель, скитническое затворничество древних старцев на далеком северном острове.

И вот однажды наступил такой момент — святейший патриарх разрешил группе монахов уйти на неопределенное время в пустынь. В то время Валаамский монастырь, единственный в России, имел прямое подчинение Патриарху Всея Руси Алексию второму. По указанию настоятеля монастыря будущие отшельники направлялись для уединения в различные регионы — на Дальний Восток, Алтай, Сибирь. Гавриил с товарищами уехали на Северный Урал...

Место выбирали недолго, полагаясь на собственную интуицию. Конечно же, для отшельничества более подходили малонаселенные места.

С первых дней жизни на Ушме, его поразила дикая красота и суровая первозданность уральского края. Всему здесь следовало учиться заново, постигая первые навыки таежной жизни, впереди была первая уральская зима.

К слову сказать, именно в это время проезжающие мимо на вездеходах туристы и охотники, коренные жители, с удивлением обнаруживали колоритных бородачей в длинных плащах и широкополых шляпах, неспешно бредущих по дорогам, постукивая дорожными посохами. Учитывая явное нежелание новых поселенцев с кем бы то ни было общаться, «в народе» поползли упорные слухи о появлении в этих краях подпольной религиозной sectы.

Спустя год монашеская избушка была готова и как раз вовремя — как вы уже знаете, домой попросился один из трех монахов — в Москве у него оставалась семья. Вдвоем достраивали и обживали новое жилище, «осваивали» окрестные леса, не переставая молились по несколько часов в день.

Когда ушел и второй соратник и Гавриил остался один, дух его еще сильнее укрепился. И тогда он окончательно понял — выбранный путь является для него исключительно верным. Именно здесь, в полном одиночестве, он проведет свои годы, посвятив их общению с Богом и познанию себя самого.

«Вообще, мне здесь нравится, — рассказывает Гавриил, присев на kortochki возле печки и вороша пылающие угли, — я сам себе хозяин. У меня абсолютная свобода, абсолютный выбор. Надо мною не тяготеют законы и ненужные условности мирского общества. Никто не отвлекает,

не создает соблазн. Здесь для меня жить достаточно просто. Вам же, среди телевидения и индустрии развлечений, порочного окружающего общества, в существующих правилах и рамках системы, среди великого соблазна, праведно жить просто невозможно. В вашем мире также непременно требуется жить с Богом, чтобы побеждать искушения. У меня же времени для общения с Ним гораздо больше, здесь ничто не отвлекает от молитв и развития своих духовных качеств. Главное сейчас в моих отношениях с миром, это чтобы мое одиночество подольше никем не нарушалось».

«И что же, ты всю жизнь проведешь в лесу?», — спрашиваю я.

«Когда я пойму своим сердцем, что необходимо выйти к людям, чтобы как-то помочь им, что-то сказать — я обязательно выйду. Пока же я не готов! Может, это случится через год, может через десять, я и сам не знаю. Но уверен — рано или поздно произойдет. Каждому из нас, на этой Земле, уготовано заниматься своим делом. Может быть, тебе нужно написать книгу о последних мансийских родах. Мне — попробовать изменить чью-то жизнь. Я пока это точно не знаю. Нужно слушаться своего сердца, зова собственной души...»

Позже из литературы я узнал, что с момента основания монастыря в 14 веке, валаамские старцы постоянно уходили в пустыни. Они на долгие годы поселялись в землянках и заброшенных скитах, что расположены в самых дальних концах острова или на многочисленных вообще необитаемых островках. И выходили обратно в мир с богоугодными замыслами, совершая затем величайшие гражданские и военные подвиги.

Гавриил, заметно оживляясь, начинает рассказывать о знаменитых старцах — отшельниках, вышедших с Валаама: Сергии и Германе — Валаамских чудотворцах, преподобных Александре Свирском, Авраамии Ростовском, Савватии Соловецком, и других. Многие из них в последствие основали другие знаменитые обители в Государстве Российском. Когда-то Валаамским иноком был преподобный Герман Аляскинский — первый православный святой Америки. Шесть лет провел на острове преподобный Леонид, основатель знаменитого на весь мир оптинского старчества.

Только продолжая идти по пути познания, в отшельничестве, человек освобождается от всяких связей с нашим миром и нашей реальностью. И начинает мыслить совсем по иному.

Соблюдая традицию прошлых веков, и в наше время седые старцы — опытные духовные наставники, получившие от Господа за свою подвижническую жизнь дар прозорливости и исцеления, обучали Гавриила и товарищей. Они учили хранить телесное и духовное безмолвие, чтобы спасти душу...

«Спасутся немногие — так сказано в Библии, но они положат начало жизни совершенно другому, Новому обществу», — задумчиво произносит наш собеседник.

За окошком заметно потемнело, надвигались тучи. Спустя всего несколько минут, по крыше забарабанили тяжелые капли дождя. За маленьким оконцем с самодельными гроботесанными переплетами все как-то похмурело, краски леса пожухли, стало темно и неуютно. Такая стремительная перемена погоды быстренько заставила спуститься с небес на землю. Захотелось зажечь огонек, подбросить полешек в печку. И, конечно же, не могла не смениться тема наших вопросов. Мне стало интересно, как же здесь можно выживать практически в полной изоляции от внешнего мира. Оказалось, что основное время зимой посвящено бесконечной заготовке дров. Нужно по нескольку раз в день топить прожорливую печку, для чего требуется уйма дров. За годы проживания здесь все ближайшие сушины давно повырублены, приходится таскать бревна издалека. Следующая трудность — до ближайшего родничка около трехсот метров, а из посуды только маленькое ведерко, в котором за раз много не принесешь. И заготавливать дрова, и ходить на родник зимой нужно по пояс в снегу. Все немногочисленные припасы хранятся в лабазе, до него то же около сотни метров. Лето — время заготовки кедровых орехов, сушки еловых побегов для витаминных отваров, всяческих съедобных корешков и лекарственных трав. Так что дел хватает.

Зимой, в хорошую не ветреную погоду, Гавриил несколько раз предпринимал попытки изучения дальних окрестностей, забираясь на лыжах за десятки километров от Ушмы. Ночевал в устроенных на скорую руку снежных пещерах. Путешествовать ему понравилось, и он повторил такие попытки и летом, подбираясь по речкам к самому Уральскому хребту. Но летом там бродит множество туристов и ему приходилось всякий раз их тайно обходить, не попадаясь на глаза.

Средством общения с внешним миром служат очень редкие встречи с монахом, так же бывшим отшельником, прожившим в этих местах шесть лет после отбытия заключения в Ушминской зоне. Теперь он, живет в Казани и иногда летом приезжает к Гавриилу в гости на несколько дней. С ним Гавриил познакомился несколько лет назад.

Создается впечатление постоянного присутствия православных монахов в данном районе, что выглядит довольно загадочно. Конечно, сама суровая уральская природа, просторы безлюдной прилозьвинской тайги с редкими охотничими тропами, будто специально созданы для уединения от цивилизации, для творения молитв, поисков истины, постоянного совершенствования и укрепления духа обитающих здесь людей.

В связи с этим вспоминается история села Бурманово, находящегося километрах в семидесяти к югу от Ушмы, основанного некогда беглыми пещерскими староверами, ныне заселенного мансиjsкими семьями. Вообще, счет таким староверческим селениям, разбросанным по восточному склону Урала, когда-то шел на сотни.

Дождь закончился. Пришла пора прощаться.

«Увидимся ли еще?», — спрашиваю, уже заранее зная ответ. Бог даст...

Во время последующих наших посещений отшельника Гавриила, каждый раз мы находили его избушку пустующей. Несколько раз мы ночевали в ней без хозяина.

Однако в лесу, нам удалось встретиться еще с одним интересным человеком, чья судьба круто изменилась после общения с Гавриилом. Им, как ни странно, оказался мансиjsкий охотник Степан Анямов, сорока трех лет. Он, как все уроженцы Тресколья вырос в этом поселке, и, не считая лишь времени учебы в интернате поселка Полуночного, всю жизнь провел в лесу. Как и все трескольинцы, он поклонялся своим языческим богам, участвовал в обрядах жертвоприношения и т. д. Так бы продолжалось до сих пор, если бы он не встретил Гавриила. Степан и раньше-то подолгу размышлял о смысле собственной жизни и жизни сородичей в Тресколье. И каждый раз приходил к неутешительным выводам — Трес科尔ье вымирало, и хоть как-то воспрепятствовать этому он не мог. Убегая от постоянных пьянок, он по полгода и более отсутствовал в родном поселке, пропадая по охотничим избушкам.

Но вот на Ушме появились необычные люди — монахи. К жизни в тайге совсем неприспособленные, они тем не менее поражали крепостью своего духа, упорством, знанием истинной сути вещей. Пришельцы были совсем не похожи на остальных русских людей, наезжающих в Ушму. На первых порах Степан помог им восстановить заброшенный дом на Ушме. Затем показал наилучшее место для будущей избушки, помог с ее строительством. Когда Гавриил остался один, Степан показал ему свои охотничьи избушки, чтобы тот мог при случае воспользоваться ими. С той поры, он все чаще стал сравнивать родную языческую веру с православием, все больше убеждаясь в правильности последнего. Спустя годы, по совету Гавриила, он принял крещение в Ивдельской православной церкви. Удивительно, дело святых мессионеров-крестителей семнадцатого века все еще продолжается! Мы застали Степана примерным христианином: он не скверносоловил, не курил, не употреблял спиртное, утром и вечером, и каждый раз перед едой — молился, соблюдал посты, периодически (примерно раз в год) выезжал в Ивдельскую церковь причащаться.

Очень непривычно было слушать манси, который читал тебе про-

поведь, рассказывая о том как надо соблюдать те или иные церковные каноны.

«Степан, откуда ты все это знаешь?», — удивленно спрашивали мы. «Как это откуда, я ведь церковные книги читаю, которые отец Гавриил оставил по избушкам», — отвечал он.

«Я уже подумываю обратиться к старообрядчеству, мне — отшельнику, оно кажется ближе и понятнее. У вас в городах, в православных церквях тоже не все в порядке, я это замечаю. А в старообрядческой церкви я еще не был, не знаю, как там. Но видел староверов, понравились они мне, такие уверенные в себе, благочестивые», — с самым доверчивым видом рассказывал он сокровенные тайны своей души. И, продолжая тему, поведал такую историю.

Когда у отца Гавриила прошлой зимой сильно воспалились зубы и ему пришлось выходить в Ивдель, Степан отправился с ним. В городе отец Гавриил зашел в церковь что-то узнать, возможно, договорится о ночлеге. Через какое-то время манси услышал громкие крики. Изнутри доносились нарастающие звуки ругани. Через мгновение на крыльце возникла и вовсе неподобающая картина: местные попы с кулаками бросались на отшельника, пытаясь вытеснить его на улицу, а потом и во все милицию вызвали. Забрали нашего Гавриила, документов-то у него нет. На третий день отпустили. «Какие же это батюшки, какая ж это церковь?», — говорит Степан, перекрестившись на стоящие иконки, — Местные женщины-прихожанки тогда ему помогли, потом несколько раз сюда в лес приезжали с дарами для него».

К бывшим языческим богам он относится крайне отрицательно: «Какая-нибудь водяная крыса (почитаемый трескольцами бобер. — прим. автора) на тебя взглянула, все уходи, охотится нельзя; на ритуалах спирт наливай, чагу поджигай, бобровую струю поджигай, кровью личины богов намазывай. А толку никакого, одна беда нам».

После таких признаний я уже начинаю потихоньку опасаться за судьбу Степана, такого сородичи могут не простить. Но потом вспоминаю, как он считал на пальцах оставшихся жителей Тресколя и окрестных паuleй. Взрослых набралось чуть больше двух десятков, мужчин меньше одного десятка. «Эх, мало нас осталось, мало, — заключает он, — Вы знаете, в этом году Данилу Бахтиярова, что жил на Тахте, убили. Он, конечно, сам виноват — характер «бахтияровский», чуть выпьет и давай барагозить». «Барагозить» — «фирменное» Степаново словечко, он употребляет его очень часто по отношению к сородичам.

Что касается охотничьего промысла, тут Степан поделился несколькими дедовскими изобретениями, которые он с успехом практикует поныне.

Это и долговременная (больше полугода) консервация глухариного мяса в трехлитровых банках, помещенных на дно ручьев и речек. Особенно интересным мне показался способ охоты и сохранения мяса дикого оленя. Для этого выбирается самая жаркая и засушливая погода. Желательно добить оленя рядом с курумником. Тогда все, по мнению Степана, обстоит проще пареной репы. Туша быстренько разделяется, мясо нарезается длинными тонкими полосами, которые натираются солью и раскладывается на нагретые солнцем камни. Соль предохраняет вялящаяся мясо от мух. Через пару дней мясо подсыхает до такой степени, что по определению охотника «целого оленя можно запихать в рюкзак и унести». При соблюдении определенных правил хранения такое мясо лежит около года.

Кажется, одним мгновением пронеслись целых два года суматошной городской жизни. И вот, вновь

мы в избушке отшельника.

Внутреннее ее убранство совершенно не изменилось, однако по некоторым признакам было заметно, что не ночевали там давно. Неужели отшельник ушел? Ведь раньше в разговорах он не раз просил никому не сообщать о нем и, если его обнаружат, он уйдет еще дальше в лесные дебри. Опасения усиливалась и коротенькая загадочная записка на столе: «... Ручей на восток». Точно зная, по предыдущим поискам, что места восточнее избы гораздо более посещаемые, напрашивалось совсем противоположное направление. Очевидно, таким образом Гавриил хотел направить предполагаемых незваных гостей по ложному следу. А на западе, в глухой приуральской тайге жилье человека можно искать годами. Ломая голову над тем, в каком же направлении начинать поиски, решили опять наведаться в Тресколье к Андрею Бахтиярову. Два часа хода по живописным сосновым борам промелькнули незаметно. И вот удача — Андрей был дома. В этот раз он ничем не смог нам помочь. Зато сообщил, что невдалеке, километров за тридцать, поселился еще один монах — Костя, и к нему для молитвы даже совершают паломничество русские бабки из ближайшего, находящегося в 45-ти километрах, поселка Вижай. Кроме того, Костя обладает даром целительства. «Ну и ну, — подумали мы, — похоже на Урал возвращается забытая в советское время лесная скитническая жизнь».

Шансы еще раз повстречать Гавриила несомненно приближались к нулю: на Ушме полным ходом разворачивалось строительство нового мансиjsкого поселка, в который предполагалось переселить мансиjsкие семьи из Тресколья. Кроме строителей массами приехали рыбаки, любители лозвинского хариуса. Несомненно, по весне Гавриил покинул эти места, убегая от людей. Кто же мог предполагать, что некогда раскуроченная, по-забытая Ушма снова оживет, и ему придется так спешно отступать.

Сегодня обратно нам уже можно не торопиться и заночевать здесь, в Тресколье. Смутило лишь то, что в мансиjsком поселке уже несколько дней продолжалась грандиозная пьянка по поводу проданных ягод. Поэтому дольше задерживаться в таком «балагане» совершенно не хотелось. Несмотря на уговоры Андрея, поздним вечером, мы отправились в обратный путь.

По дороге мне вспомнились слова Гавриила о манси: «... они должны жить в согласии с природой и своими духами. А сейчас это правило нарушилось — они не могут жить в лесу, но не могут жить и в городе, поэтому и умирают». Однако, он же, считал коренных лесных обитателей носителями некой уникальной полезной информации, которая недоступна жителям городов. И несомненно, критикуя их пороки, доверял им, относясь с видимым уважением.

Под ногами противно хлюпала грязь. Вечер сменился звездной ночью. В черном воздухе чувствовались едва ощущимые колебания, дуновения, тихие шорохи. Явилось сознание собственной ничтожности в этом безбрежном океане ночной тайги. Вот сейчас ты прошел мимо белевшего на обочине придорожного камня, оставив на вязкой глине отпечатки своих ног. А через несколько часов твои следы смоет коротким осенним дождиком, не оставив ровным счетом ничего. Словно и не было.

Где-то среди ночи, сейчас и Гавриил возможно, бредет мокрый и усталый, возвращаясь к своей стоянке на ночлег. Идет, бормочет еле слышно молитвы, за себя, за все человечество, может и за нас...

«Вы меня должны помнить сердцем...», — звучат в голове его слова, —... сердцем!... Вы вспомните про меня добрым словом, и мне станет легче...»

В половине третьего ночи, в кромешной темноте, мы подходили к окрестностям Ушмы. Теперь еще предстояло найти избушку, ведь до этого мы всегда приходили сюда днем. Где то рядом с ней, в кустах, мы спрятали наши экспедиционные рюкзаки с провизией, фонариками и спичками.. Не ночевать же под кустом, в трех шагах от жилья.

Однако понадобилось около получаса прочесывания в несколько заходов, прежде чем мы смогли ее обнаружить прямо у себя под носом. Может это удалось благодаря Амуру, который постоянно урчал и тявкал, призывая двигаться за ним. Оказавшись у входа, мы дали волю своим бурным эмоциям, ну надо же так «лопухнуться» и не взять с собой фонарики!

Без стука, громогласно отворив двери — все равно внутри никого нет, — мы замерли на пороге. Немой ступор продолжался несколько секунд — на столе, у окна раздался шорох и через секунду вспыхнул огонек зажженной спички, осветив на мгновение бородатое лицо нашего Гавриила.

Он, пожалуй, тоже был несколько напуган спросонья, но, узнав давних посетителей, успокоился. Нашей же радости, казалось, предела не было. Ура, нам еще раз повезло!

Затопилась печка, потянулись расспросы. Огорчало лишь одно — как и в прошлые встречи, Гавриил сразу же наотрез отказался фотографироваться. А мои попытки незаметно включить маленький диктофон, находящийся в полной готовности в кармане рюкзака, также потерпели провал. Он будто рентгеном просвечивал рюкзак насквозь или как минимум мог читать мысли. В конце концов, чтобы не терять его доверия, предварительно извинившись, эти попытки пришлось оставить. «Я еще не готов что-то сказать людям», — предвосхищая новые вопросы сказал он.

Я заметил сейчас, что в его облике стали проявляться какие-то новые черты. Движения сделались резче, быстрее, взгляд жестче. Проскакивало что-то звериное, дикое, тарзанье. Подумалось, что живя в лесу, он слился с ним, став его составной частью. По-другому и быть не могло, ведь шел пятый год его пребывания в лесу.

Его одежда порядком поизносилась, везде зияли пятна заплаток. Поверх штанов он одевал сшитые из какого-то материала длинные бахилы. На голове накручивал сложную конструкцию — что-то среднее между банданой и головным убором Робинзона Крузо. На смуглых руках прибавилось шрамов и ожогов. С каждым новым нашим приездом, он все более начинал походить на настоящего таежного Робинзона. Однако, несмотря на предложение подарить ему что-нибудь из нашей походной одежды, он вежливо отказался, объясняя тем, что и эта вполне еще послужит.

Меня его память поражала — Гавриил до мелочей помнил темы наших прежних с ним споров. Так же на удивление прекрасно он был осведомлен о последних событиях «в миру», будто, как минимум, каждый день смотрел программу «Время». Оказалось, весною у него сильно воспалились зубы и ему пришлось выйти в поселок к людям. Там он прожил несколько недель в местной церкви. И в церкви случай свел его с молодым человеком, «компьютерным гением», благодаря посещениям которого Гавриил узнавал о всех значимых событиях.

По мнению таежного затворника, изменений к лучшему «у нас» не произошло — по прежнему, «все катится в духовную пропасть». Контроль государственной системы увеличивается, соответственно уменьшая степень свобод простых людей. Взять хоть введение многочисленных учетных номеров: на страховых свидетельствах, «Инн», пластиковых картах и т. д. Все это, по его мнению, полностью обезличивает человека. Имени, фамилии, отчеству, данным от предков, от самой многовековой истории рода, противопоставляются бездушные цифры. Другая сторона медали — с по-

мощью номеров, автоматизированной обработки можно с легкостью контролировать человека во всех сферах его деятельности. А при необходимости и быстро блокировать его или группу людей, ставшими неугодными какой-либо власти. Вспомните, сейчас одним нажатием клавиши, про вас кто угодно может получить конфиденциальную информацию, а уж дальше... Все это приведет к тотальному контролю и управлению человечеством со стороны будущего Мирового (или Объединенного) правительства. Все это предсказано в Библии и учениях православных святых. В современной церкви существуют разногласия только из-за различных интерпретаций древних трудов. Взять хотя бы вживление микрочипов, еще несколько лет это казалось далекой фантастикой, теперь же, как говорится, «процесс пошел...». По его словам, все это послужило еще одной причиной ухода Гавриила в леса «ради спасения будущего человечества».

«В Бога надо верить. Главным должно быть удовлетворение духовных потребностей, тогда человек обретет полноту жизни, познает красоту и счастье», — тихо льется его голос в ночной тиши избушки.

Изредка потрескивая, вспыхивает яркими всполохами фитилек старинной керосиновой лампы. На стенах то застаивают, то мечутся наши тени, создавая самые фантастические и сказочные очертания.

Такие же сказочные картины видятся и в нашей жизни, в глухих таежных дебрях по обоим берегам Лозьвы. Там, где мирно сосуществуют на краешке цивилизации остатки древней языческой веры и православная скитническая жизнь.

За оконцем просвечивают укутанные нитями мхов кривые елки, где-то вдалеке ухает филин. В избушке царит тишина, прерываемая только жалобным завыванием слабых порывов ветерка в трубе.

«Осенью мое пристанище обнаружили рыбаки и жили здесь неделю, — рассказывает Гавриил, — Я скрывался в лесу. Потом стал исчезать инструмент, одежда, заготовки. Я понял, надо уходить. Отшел за несколько километров, в снегу поставил шалаш. Сверху на него постелил остатки пленки, снегом утеплил стены, сделал нары и прожил в нем несколько месяцев. Весною ушел дальше, присмотрел красивое место для новой избушки. Полностью из местного материала я построить не смогу, кое-что все равно придется доставлять отсюда. За прошедшее лето я уже много чего перетащил. Заготовил бревна для сруба. Ранней весной предпринял вылазку «на Урал», поднимался до Перевала Дятлова — места понравились. Заходил на Западный склон. Решил, что в дальней перспективе перекочую туда. Отсюда меня точно скоро «выкурят».

«Разве тебе не хочется иногда с кем-нибудь пообщаться?», — спрашиваю я уже в который раз.

«Человеческое общество мне совершенно не нужно, новые встречи, новая информация меня отвлекает. Я потом по несколько недель обдумываю услышанное. Это тоже соблазн. Но все происходит по воле Божьей, поэтому я принимаю безропотно. Чему быть, того не миновать. Вот и наша сегодняшняя встреча произошла по Его воле — за это лето я здесь ночевал считанные разы. Сегодня мог быть в другом месте, и мы бы не встретились».

«Как же ты не боишься один в тайге, с одним топором?», — спрашиваем. Гавриил отвечает обычно — воля Божья... И рассказывает о медведях:

«За столько лет в тайге ни разу с ними не сталкивался, а вот в этом году, целых три раза довелось. Последний раз напоролся на медведицу с медвежатами, в зоне альпийских лугов в самых истоках речки Ауспии. Сильно перепугался. Ведь еле живым ушел, бежал несколько километров по сплошному бурелому, я по людским тропам не хожу без крайней необходимости». Рассказывая это, сам играет с нашим Амуром: то треплет его за уши, то катает как полено по нарам. Видно, что собака ему очень нравится, с таким охранником и добытчиком жить в лесу гораздо проще. Вообще у них установились весьма доверительные отношения, Амур быстро принял нового знакомого за своего, что несколько странновато. Кажется, отшельник даже понимает собачий язык. Заметив наше любопытство, Гавриил объясняет, что в отсутствии собеседников, общается с птицами, белками и даже деревьями. Вспомнив о возможностях древних мансиjsких шаманов, я уже не удивляюсь.

За окном немножко посветлело. Сквозь сплошной темно-зеленый свод мохнатых вековых елей и пихт прорывались первые утренние лучики. Деревья по-прежнему торжественно тонули в спокойной полупрозрачной мгле. Их размытые очертания создавали впечатление страшного сказочного леса, в котором творился праздник таинственных невидимых духов. И только ближайшие метры от оконного стекла освещались мягким теплым светом нашей лампы. За окном довольно уверенно прошмыгнула белка в поисках вкусностей. Огляделась, она неторопливо и безбоязненно начала исследования развалин трухлявого пня, на расстоянии вытянутой человеческой руки. Наверное, это одна из знакомых Гавриила.

Несколько часов промелькнули буквально как несколько минут. И не поговорили толком. С рассветом он уйдет по неизвестному нам маршруту...

Потихоньку начинаем собираться. Оставляем ему остатки своих продуктов, километрах в тридцати отсюда у нас запрятана еще одна «закладка», так что до Ивделя нам хватит. Витя дарит ему огниво с мешочком ваты — самое нужное средство в лесу. Теперь страннику не нужно опасаться по-

терять зажигалку или намочить спички, он всегда сможет добыть огонь. Он очень рад такому подарку. «Вы не представляете, что это значит для меня, — радостно произносит он, чиркая огнivом по лезвию своего ножа. Во все стороны разлетаются снопы ярчайших искр, — Теперь я смогу уходить гораздо дальше прежнего». Как же мало нужно человеку для счастья.

Я все-таки не могу удержаться от одной мысли, которая преследует меня уже несколько часов. Каким-то образом нужно обязательно его сфотографировать на память, вдруг в городе нам никто не поверит. И тогда я решаюсь на хитрость. По старому таежному обычаяу, после себя всегда оставляют запас дров. Ведь не известно, кто и в какую погоду придет сюда в следующий раз. Поэтому предлагаю Гавриилу пойти попилить дрова. Он соглашается. Уходя, подмигиваю Виктору — смотри не упусти шанс. Теперь остается только незаметно снять отшельника через окно во время работы.

Гавриил предусмотрительно, как мне показалось, становится спиной к окну. А потом вдруг, словно почувствовав что-то, укоризненно качает мне головой. Безусловно, он все понял. Я краснею от стыда, кажется, до самых пят. Заметив такую реакцию, он уже снисходительно улыбается, в душе, наверное, простив мои «детские» шалости.

Распиливаем несколько бревен. Куча поленьев растет.

Я смотрю на него. С виду он самый обыкновенный человек. Но сколько же в нем великого смирения, понимания, проницательности, доброты, твердого духа. Его мировоззрение абсолютно иное. Кажется, он человек другой исторической эпохи, может, будущей или прошедшей, мне не понять.

Вот, через несколько минут мы разойдемся в разные стороны. Мы уедем в цивилизацию, в город — он растворится в безграничных лесных просторах. Никто из нас не знает, повстречаемся ли мы снова.

Но все же с момента самой первой встречи меня не покидает присутствие незримой духовной связи с ним. Будто он всегда находится где-то рядом, и от этого мне становится как-то спокойнее. Интересная все-таки штука — Жизнь.

На прощанье ушминский святой крепко жмет нам руки, желает удачной дороги. Долго стоит у двери, провожая взглядом...

«... Вспоминайте меня сердцем...»

ТАГТ-ТАЛЯХ-ЯЛПЫНГ-НЕР-ОЙКА

«Духи должны убить, разрезать на кусочки, сварить и съесть будущего шамана, что бы переделать, «пересо-творить» его и воскресить уже новым человеком, стоящим выше простых смертных»

Басилов В.Н.,
«Среднеазиатское шаманство»

Удивительная и непознанная человеческая «психология» словно на-магниченная тянулась к запретному. А оно, по всем добытым сведениям, размещалось в какой-то сотне километров севернее этих мест. Да, да, наша маленькая экспедиция поворачивала на север. Как не манили нас таинственный Чистоп, «Гора спящей женщины» — Хой-Эква, «Гора Мертвцев» — Холат-Чахль, грозный Отортен, — ветер странствий или какие-то высшие силы, а может сам Номи-Торум указывали на священную гору Ялпынг-Нер, являвшуюся целью следующего похода.

Восточный склон Урала севернее Отортена и окрестности горы Ялпынг-Нер, вотчина мансиjsкого рода Самбиндаловых, — это обширные оленьи пастбища, граница владений Нер-ойки, наконец, значительная часть территории бывшего Сосьвинского княжества, духовный и религиозный центр Горного Урала. Полное название горы Ялпынг-Нер — Тагт-

Талях-Ялпынг-Нер-Ойка — «Святой Старик Урал в вершине Северной Сосьвы». В окрестностях горы Ялпынг-Нер, озера Турват, рек Сангклинья и Ялбынья некогда находились самые главные мансиеские капища, самые святые и тщательно охраняемые места, обитали самые сильные и влиятельные шаманы.

Нер-ойка «Гора-старик» — владыка территорий, примыкающих к горному Уралу, покровитель оленевых стад и оленеводов. По преданиям, его хрустальный дом находился как раз в горе Ялпынг-Нер невдалеке от озера Ялпынг-Тур (Святое озеро. Более современное название озера — Турват). Ялпынг-Нер-ойка являлся одним из семи сыновей верховного бога Нуши-Торума. О его необычайной силе и могуществе говорит мансиеская легенда: Ялпынг-Нер-ойка за какие-то грехи перенес другого Нер-ойку (Ось-Тагт-Талях-Нер-ойку) из района озера Турват к югу, на Южную Сосьву (Денежкин камень). До середины двадцатого века Денежкин камень также являлся посещаемым культовым местом на Урале. Однако в более древние времена (хонтанг ис) эти территории частично принадлежали хантам. В 15–16-м веках они уходили на север и восток, их место занимали манси с Пелымом, Лозьвы, Вишеры.

В древнемансиеской мифологии происхождение озера Турват связано с деятельностью, а точнее даже с «самодеятельностью» Водяных Хозяинов — Виткуль Виткасъ, прокладывающих (рывших) русла рек. Виткуль-Ойкарыл Сосьву, Виткуль-Эква прокладывала русло крупной Зауральской реки Ляпин. Вот они на пару и «накопали» нам еще и пару, тройку озер... Озер, ставшими для сосьвинских манси не только святыми, но и великими кладовыми запасов рыбы. В самые голодные годы, по решению шаманов рода Самбиндаловых, на заповедном озере разрешался массовый вылов рыбы для жителей присосьвинских паулей. Какое количество тонн рыбы было выловлено и скольким людям тот улов спас жизнь, сейчас не скажет никто.

Из различных сохранившихся до наших дней источников узнаем — на берегу озера располагалось святилище Чохрын-Ойки (Старик-Нож), покровителя охотников. Продолжительное время шаманом-хранителем святилища являлся старик Сопра. По совместительству он исполнял обязанности и главного казначея накопленных у священного амбарчика богатств-подношений. По его разрешению манси-охотники могли брать взаймы ценности из хранилища в тяжелое для себя время. Одним из тяжелейших грехов считалось невозвращение одолженных предметов или денег. Такой эпизод описывается в литературе. Так в 1890-е годы с vogуличей взимался ясак — определенное количество соболиных шкур. Кирилл Тасманов отдал черного соболя, Иван Самбиндалов — куницу, а Семен Самбиндалов, под неодобрительные взгляды сородичей расплатился почер-

невшими от времени серебряными монетами из капища Щохрын — Ойки с озера Турват. Такие грехи обычно не прощались.

Само изображение Чохрын-Ойки представляло собой деревянное полено, обмотанное многими разноцветными халатами, глаза — свинцовые круглые пластины, нос — деревянный, на голове шапка с медными бубенцами. Шея обмотана десятком платков с завязанными в углах монетами. У его подножья до двадцати серебряных и позолоченных чашек. Территория культа Чохрын-Ойки достаточно велика. В преданиях говорится о семи его братьях: один проживал на Тапсуе, другие на Сосьве, на Верхней Оби, на Оби ниже Березова, Казыме, на Оби ниже Обдорска. Все братья-ойки обязаны были присыпать ему через определенное время подношения. Один раз в три, семь, двенадцать лет манси могли посещать Чохрын-Ойку для подношения подарков, совершения ритуалов в сопровождении хранителя. Он же обеспечивал безопасный доступ в святилище, накануне обезвреживая самострелы и ловушки, которыми окружался весь священный бор.

В наше время, в конце 1980-х, идол Чохрын-Ойка был одет в красно-черные одежды с кисточками. Рядом с ним находилась фигура самого Неройки, принесенного, возможно, из своего святилища с горы Ялпынг-Нер из-за его ликвидации. У подножья идолов находился набор ритуальных ножей с деревянными ручками, сверток красивой материи. По краям ура-сумьяха, над крышей, возвышались деревянные фигуры менков метеиной высоты. Такие фигуры называются Арась-овыл-менкв-ойки (Края очага менква старик) и призваны защищать ура-сумьях во время отсутствия богов. Имеются сведения, что перед Великой Отечественной войной святилище Чохрын-Ойки было «качественно» разграблено...

Интересен вольный перевод с vogульского названия Ялпынг — «Вершина горы для вогул, хотя и крещеных ныне, является заповедным местом, куда ни один из них не должен всходить под страхом смерти. Куда вогулы съезжаются для жертвоприношений, когда вхождение на гору разрешено для всех мужчин».

Когда-то сюда на праздники приезжали шаманы от Ям-Ервы (Хозяйки Обской и Тазовской губы), пельмские, казымские и кондинские. Последние сто лет, в связи с миграцией мансийских родов в сторону Оби, а в 1990-е годы также и с полным исчезновением оленевых стад, стремительно падала и значимость культа Нер-ойки. Из общекняжеского, регионального его святилище превратилось в «рядовое», поселковое. Но для нас оно не стало менее интересным. Тем более, что описания этих мест, как обычно, не могли похвастать полнотой и целостностью.

С первых же километров, район поразил нас своей труднодоступно-

стью, не заселенностью, еще более дикой и суровой красотой природы. Несмотря на видимые остатки прежней бурной человеческой деятельности — в застойные годы, — многочисленные выруба и шурфы геологоразведки, природа за последние годы брала свое. Молодая поросль затягивала старые лесовозные дороги, уничтожала мосты и просеки. Мшистые, топкие болота поглощали в себя развалины деревянных строений. Как и в глубокой древности, без изменений оставался лишь водный путь по Большой и Малой Сосьвам. В этом году нам повезло, впервые за двадцать лет в районе объявились геологи-изыскатели. Малочисленные их отряды, исследуя речные отложения, продвигались на север, как раз в наши места. Мощные вездеходы, продукты конверсии, проторили в тайге и болотах новые пути, существенно облегчив наше продвижение.

Путь от долины Лозьвы пролегал по заброшенному зимнику, по разрушенным и сгнившим стланям болот. Иногда почти полдня приходилось брести по пояс в густой, засасывающей черной жиже, обходя совсем уж непролазные топи. Слева по ходу миновали круглую лесистую сопку горы Яныгтомрат, болотистые истоки речки Саклингъя.

Мы перевалили в долину Сосьвы, где зимник (вездеходная колея, местами еле заметная) стал несколько посуше. По краям дороги, среди высоких чахлых сосен величавыми красавцами вставали высоченные кедры. Их ярко-зеленые, бархатные кроны царственно возвышались над прочей растительностью.

Окрестности озера Турват представляли огромную заболоченную котловину с чахлыми, мертвыми елями, опутанными до вершин тонкими прядями нюсей — нитевидной разновидности мхов. Нюси покрывали все вокруг — иссохшие кустарники, торчащие словно после нашествия урагана из болотной воды чудовищных форм коряги, гнившие на корню деревья. Прямо-таки царство Кощяя какое-нибудь, вот, где надо снимать страшные фильмы. Пушистый и мягкий ковер изо мхов зыбко покачивался под тяжестью наших ног. Встречались затянутые высохшей желтоватой травой синие окна чистой воды.

Местами берег состоял из гигантских, покрытых травой и кустарником кочек, высотой и шириной в метр. По ним не то что прыгать, перелазить удавалось с большим трудом. Наконец-то выбрались на ровное чистое место — привал. Витя снимает на камеру пару белых лебедей, круживших по озеру метрах в двухстах от берега. Многокилометровое зеркало воды пустынно, ни дымка на другом берегу, ни звука. Только в синей вышине парят, наблюдая за нами, две черных птицы. При ярком солнечном освещении озеро выглядит приветливым и даже можно сказать веселым. Легкий набегающий ветерок тихонько шелестит ветвями при-

брежных зарослей. Ярко-зеленые водоросли мерно колышутся в прозрачной толще воды.

Через каких-то полчаса погода резко меняется: пришедшие с запада мрачноватые тучи принесли мелкий дождик и уныние. Озеро затянулось темной дождливой пеленой, стало неуютно, тоскливо и даже несколько зловеще. Поспешно выдвигаемся вперед. Мокрые ветви беспощадно хлещут по лицу, обдавая градом брызг, сухих иголок, обрывками мхов и кусками коры. Мошка, комары и прочая летающая нечисть делают свое черное дело. Торопимся, ведь сегодня наше время ограничено: идем налегке без спальников и палатки, с минимальным запасом продуктов. На карту поставлена, пожалуй, самая главная цель этой экспедиции — найти и запечатлеть древнее капище. И хотя мы в этом деле далеко не первые, — наверняка до нас его видели и описывали русские исследователи, — интерес брал свое.

Предательский дождь усиливался. Крупные капли хлестали по веткам с громким треском. Ветер подымал в озере полуметровые волны.

С каждым пройденным километром силы таяли, а так нужных нам поисковых признаков не обнаруживалось. Сбивали с толку еще и многочисленные зарубки на соснах по берегу. Приходилось постоянно проверять: а не отходит ли от них тропа вглубь берега к святилищу. Как будто кто-то специально затесал сосны на берегу для затруднения поисков.

Тут еще возникло препятствие — глубокая протока реки, вытекающей из озера. Несмотря на в общем маленькую глубину в прибрежной части озера, глубина реки составляла около шести метров. Попробовали в обход — встретили непроходимое болото, не оставлявшее никаких шансов вернуться сегодня назад. Вот так, буквально в двух шагах от цели пришлось поворачивать восвояси. Пожалуй, здесь не обойтись без серьезных многодневных исследований, помноженных на отличную организацию и серьезную подготовку.

А тем временем погода, будто насмехаясь над наивными бродягами, совсем испортилась, превратив обратный путь в гонку на выживание. Только в первом часу ночи, благодаря навигатору, удалось вырваться из плена непроходимых болот и выйти на южный берег. В кромешной темноте пересекли неглубокую лесную речку под названием Турахт-я, вытекающую из Турвата. Смертельно уставшие, потрепанные, мы заночевали в заброшенном доме бывшего селения.

Следующее утро встретило нас прекрасной солнечной погодой. На берегу Турвата нас ожидали полнейший штиль и тишина... В спокойной, чистой воде зелеными зубьями отражался лес на дальнем берегу, восставший как призрак из белесого тумана. Нас обдавало легкими дуновениями

холодного свежего утреннего воздуха, наполненного ароматами хвои, сухих трав и бесконечных водных просторов. В дальнем конце озера в бинокль наблюдалась одинокая пара лебедей. Противоположный берег, такой недосягаемый, опять манил к себе. Но мы-то прекрасно помнили все «прелести» вчерашнего дня. Тело все еще ломило от выпавших нелегких испытаний. После крепкого сна присутствовало созерцательное настроение, такое, что и пальцем шевелить не хотелось. Так и лежал бы на песчаном берегу весь день, очаровываясь горной дикой панорамой, наблюдая игру света на водной глади и слушая торжественную тишину.

Глухое, затерянное между сибирскими болотами и Уральским хребтом озеро полностью соответствовало одному из названий — Озеро на краю Урала. Для оседлых племен Приобья и Северной Сосьвы это действительно был край мансийских земель, дальше простирались земли уральских оленеводов-кочевников.

Ялпынг-Нер темно-зеленой мохнатой громадой торжественно возвышалась над водой, словно подчеркивая свое безусловное превосходство перед людьми, словно говоря — «Куда вам немощным тягаться с обителюю богов. Катитесь восвояси пока живы...» Сжав кулаки, мы могли с отчаянием обозревать лишь двугорбый хребет, местами плешикий от каменных россыпей, протянувшийся на добрый десяток километров. Вот, где затаились заброшенные стариками капища, вот, где должно находиться центральное молебное место. А может, просто нужно было соблюсти древний обычай — взять с собой монетку, завернутую в угол платка, как поступали манси, задабривая духов покровителей. Затем зажечь сухой гриб чагу, окунуть в дыму платки. И тогда бы нам повезло найти святилище. А может нужно было исполнить другой ритуал — предупредить жителей соседних паулей о своем посещении, чтобы и они соблюдали положенные в таких случаях правила...

И тут же разум подсказывал — что бы прочесать и обследовать весь хребет, нужно много народа и целый летний сезон. А такие средства нам недоступны. Проводников же для дела не найти — живые не помнят дедовских секретов, молодые просто не знают. В памяти возникли слова бабушки Альбины Анямовой из Тресколья: «Без шаманов туда никак нельзя». Видимо, и впрямь не судьба.

Всяческие взаимоотношения с богами «напрямую», без шаманов или хранителей, имеют печальные последствия. Можно долго спорить об энергетическом потенциале древних святынь, о силе заговоров и самовнушении, но факты говорят — нарушителей табу ждет кара. Вспоминается нашумевший случай с Юильским идолом или Казымским божеством, описанный «Московским Комсомольцем» в июне 2003 года. Казымские

оленеводы случайно обнаружили двух метрового деревянного идола на болотах и решили передать его в музей. Тут и началась полная чертовщина: у человека, показавшего идола умерли все его восемь детей, его самого в скорости парализовало. В течение года умерли все члены «комиссии» по доставке идола в городской музей. Череда всяческих несчастий на этом не закончилась...

Через день пути мы вышли к юрте Самбиндаловых на Малой Сосьве. Савва Самбиндалов и вся его семья встретили нас очень гостеприимно. Добрые, доверчивые, милые своей душевной простотой люди. Они счастливы в своем нетронутом цивилизацией уголке, у них есть это синие небо, солнечный свет, безбрежные просторы тайги, горная красавица Сосьва! Есть их боги, могилы предков, родовые корни, есть воля. Глядя на них думаешь — «Зачем люди живут в городах? Тратят свою жизнь в погоне за будущим мифическим благополучием, всяческие прочие условности... Человеку так мало нужно для счастья!»

Пока на печке грелся чайник, мы беседовали с Саввой на крылечке. В его рассказах и речка, и озеро, и гора — все было живое, имело свою живую душу. И он, словно древний мудрец, терпеливо объяснял нам такие естественные для него вещи, прививая уважительное и почтительное отношение к окружающему.

После чая они показали свое многочисленное хозяйство, основу которого составлял добротный дом, несколько вольеров для собак, крольчатник, коровник, «гараж»-навес для буранов и еще несколько «технических» амбаров. Интересную конструкцию запани на реке, для ловли рыбы — современный прототип древних запаней. Из старинных деревянных архитектурных сооружений практически ничего не сохранилось. Все отстроено заново.

К осени Самбиндаловы собирались купить телку, а пока по двору разгуливал здоровенный бык с привязанным на шее деревянным крестом — чтобы не бодался. Такие приспособления (сали тартан нор) раньше делали оленям, когда на время охоты оставляли их пастись в ягельных местах без присмотра. Несмотря на внушительные размеры болванки, бык с успехом гонял по окрестностям многочисленных Саввиных собак. Все здесь поражало своей основательностью, крепостью, уверенностью в завтрашнем дне. Наверное, все дело в характере Саввы и его жены Татьяны. В отличие от жизни в многолюдном Тресколье, здесь им приходится надеяться только на собственные силы. Тем более можно планировать будущее, когда рядом стоят такие замечательные помощники — все сыновья и дочери успешно охотятся, рыбачат, помогают по хозяйству. «Квартира» Самбиндаловых — это часть реки в двадцать пять километров, от самых истоков до Яны-

пауля, озеро Турват, что в шести километрах по прямой от дома. Скучать не приходится. Прямо в нашем присутствии, младшая дочка Саввы — Ирина, шестнадцати лет, спокойно уселась в лодку и поехала рыбачить вниз по Сосьве. Где-то там, через полтора десятка поворотов, возвышается громадный утес, у которого еще сотню лет назад собирались молодые мансиские охотники на традиционные состязания. Нужно было, выстрелив из лука, «перекинуть» стрелу через скалу. Лучший стрелок награждался дополнительным лесным наделом для промысловой охоты.

Дед и отец Саввы когда-то работали проводниками у знаменитой исследовательницы Урала Веры Александровны Варсанофьевой. Теперь, память о ней навсегда запечатлена в названиях прибрежных скал — «Вера Александровна поварамкерас» (Скала, на которой оступилась Вера Александровна) и др.

Савва показал нам старые фотографии, газетные статьи об их семействе. Он вспомнил о встречах с пермским кинооператором Михаилом Заплатиным в горах. Общение с этим неординарным человеком, первым русским, рискнувшим посвятить свою жизнь изучению и киносъемке «Страны Уральских манси», запомнилось Самбиндаловым надолго.

Мы увидели среди фотографий и пачку дореволюционных банкнот. Бережно обмотанная истлевшей веревочкой, казалось, она сохранила надежды и тепло рук предыдущих поколений. Целый век пролежав у ног деревянных кумиров, подпитав своей энергией многие иттермы (талисманы-изображения умерших родственников), не раз внесенные в долговой залог ненасытным духам, сейчас деньги прямо благоухали свежей краской, хрюстели новизной. Будто и не стояла под двуглавым орлом дата «1909 год». Вспомнилось, как современные жители Тресколя, довольно легко обращались с пачками дедовских купюр, предлагали обменять на водку, на курево и т. д. А ведь наверняка их деды заплатили за них немалое количество «мягкой рухляди» Несколько столетий назад, стоимость металлических денег измерялась в «линь» (белках), десять копеек — лоу линь, рубль — шесть линь (сто белок).

Но как только разговор зашел о капищах, Савва замкнулся и отвечал совершенно однозначно. Очевидно, эта тема и посей день остается запретной. Как сказал когда-то манси, один из собеседников Заплатина, — «Отцы хранили — берегли, а я-то зачем рассказывать буду...»

Но повидать древнее молебное место нам все же удалось. Совершенно случайно на одном из песчаных островков среди болот, густо заросших молодым сосняком, мы набрели на развалины старого ура-сумьяха. По обильным зарослям кустарника и вышине молодых сосен, стало ясно — пользовались им очень давно. А длинные, полуметровые кованые

костыли-гвозди свидетельствовали о дореволюционном времени. На краю острова, обнаружилось старое костровище. Присосьвинская тайга, подбросила новые загадки.

Чей это амбарчик? Мы терялись в догадках. Располагалось ли тут местное божество, например, Тавт-Ялпынг-хуритэ (фигура лося) — тотемный предок Самбиндаловых или княжеское святилище? В 19-м веке, фигуру Тавт-хуритэ видели в этих краях, позже она перекочевала в устье Леплы. Вся отлитая из свинца, она сверкала золотыми монетами в глазах, а в боку ее намертво была впечатана серебряная монета. По легендам, у подножья Тавт-хурите кроме подарков возлежала здоровенная сабля, оставшаяся с незапамятных времен от мансиjsких богатырей. Поднять ее одному человеку было не под силу.

Или в сумьяхе жил дух — покровитель рода Самбиндаловых Юфтымсойка (Евтим-сос-отыр-пыг), один из сыновей Мир-Сусне-Хума? Свое имя дух получил от названия ручья впадающего в Леплу. Возможно отсюда, в 1980-е годы, пупыг «перекочевал» в Турват-пауль. А может здесь обитал Леп-тит-ойка-пыг, также дух покровитель Самбиндаловых, возможно, перемещенный ныне ниже по Сосьве в Яны-пауль.

Следующий день ушел на путешествие в горы — в самый исток Малой Сосьвы. Хорошо вычищенная от зарослей кустарников и буреломов, тропа змейкой петляла вдоль берега реки. Сосьва здесь состояла из небольших плесов со стоячей водой и шумных, продолжительных перекатов, одетых в скалистые берега. Словно гигантский нож, река проточила в крепких породах глубокое, в несколько десятков метров, русло. На высоте двух-трех метров, в расщелинах торчали измочаленные стволы и ветки занесенных половодьем деревьев. Можно только догадываться, какой ужас здесь творится весной.

Мы миновали совершенно заросший и заболоченный отворот на Малое Молебное озеро (Ялбын-тур). Прошли ручей Сопрат-сос, знаменитый когда-то своими резными ликами, обозначающими границу владений Нер-Ойки. Наконец, достигли и самой границы его территории, проходящей по ручью Пасос (Предельный, Рубежный), который стекает с горы Ялпынг-Нер. В старину отсюда начинались запретные места.

По сторонам то и дело попадались старые затесы с вырезанными символическими фигурами животных — катпосы. На этой охотничьей тропе рода Самбиндаловых их встретилось около сотни. Катпосы встречались разные — маленькие и большие, старинные, почти полностью затянувшись корой, заплывшие янтарным смоляным стеклом и довольно свежие. Рисунки «лосиной ноги», «медвежьей шкуры», «соболя», «куницы» и другие, украшали различные интерпретации буквы «Х» — тамги Самбиндало-

вых. Примерно на протяжении десятка километров все исчерчено своеобразными знаками охотничьей доблести, настоящая галерея под открытым небом. На одном из катпосов стояла маркировка геологического шурфа, расплывшаяся воронка которого красовалась под деревом, — «1946 год».

Катпосы заменяли не только личные подписи и паспорта (их ставили неграмотные vogулы вместо росписи в царское время), не только указывали места и участников удачной охоты. Наравне с магическими родовыми знаками — оберегами в них заключается древнейшая информация, возможно, тысячелетней давности. Несомненно, шаманы рода в прошлом вполне владели навыками ее расшифровки, применяя знания для сохранения и приумножения могущества и численности рода, в бесконечной веренице жизней. Увы, такие специалисты нам сегодня неизвестны. А как было бы интересно узнать о предках, живших пять или десять или еще больше поколений назад. Наверное, обладая такими знаниями, шаманы могли предсказать и будущее нескольких следующих поколений.

Где-то в стороне мы оставили заброшенное давным-давно селение Нерватпауль (Селение на краю Урала). Именно в нем кинооператор Михаил Заплатин полвека назад видел множество соболиных черепов на крышах амбарчиков.

Удивительно, как же все-таки хорошо в этих местах сохранилась древняя нартовая ворога на Урал. Почва здесь так плотно утрамбована, что кажется, будто идешь по городскому асфальту. Около самой тропы, где лес был расчищен, одиноко лепились молодые кусты жимолости, малины, изредка мохнатые темно-зеленые копны можжевельника, украшенные мелкими синими ягодами.

Пересекая узкие долины ручьев, напрочь заросшие лиственным лесом, замечаешь наступающую осень. Становится светлее и просторнее от упавшего листа, в воздухе висит горьковатый запах прелой осины, гнилого дерева и листвы.

Уже в сумраке выскочили на круглую поляну. Посреди чернели остатки срубов, полностью истлевшие нарты, деревянные ящики, белеющие из подо мха кости, рога, оленьи черепа. Здесь была Старая стоянка оленеводов перед их выездом на Урал.

Ночь застала нас в низеньком дощатом домике у ручья, под гигантской лиственницей с распростертыми ветвями. Как рассказывал Савва, это самая дальняя избушка, здесь заканчивалась охотничья тропа и начинался подъем в горы. Близость Урала чувствовалась в нарастающем, порывистом свежем ветре, поднимающим вверх ворохи пожухлых старых листвьев и задувающим наш костер. Горящие сосновые полешки в нем громко потрескивали, иногда взрываясь длинными языками пламени, рассыпав-

шимися на множество снопов ярких золотистых искр. Мечущиеся сполохи пламени вырывали из темноты обступившие поляну чахлые кустики, создавая из них постоянно меняющиеся фантастические тени. Возле костра, вытянув лапы, блаженно растянувшись, спал Амур. Сегодня он сильно устал — более двух часов он гонял неведомого зверя, может, даже медведя. Виктору приходилось несколько раз, сняв тяжелый рюкзак, зарядив ружье пулями, уходить с тропы на поиски убежавшей собаки. Вообще нужно отметить, Амур прекрасно отыскивал дичь — поднимал рябчиков, облавил глухарей, выслеживал верхним и нижним чутаем белок.

...Вдалеке на западе, где-то в черной вышине словно о гигантскую каменную стену бился ураган, что-то шумело, ухало, протяжно завывало. По небу метались пока одинокие темные тучки, заслоняя от взора яркие мерцающие звезды. Погода менялась совершенно не вовремя. Назавтра мы запланировали выход на хребет и переход в долину речки Сульпы. И хотя в гостеприимном домишке есть печка, солидный запас дров и кой-какие продуктовые припасы, задерживаться здесь надолго не хотелось.

В ожидании чудесного ужина с мягким и душистым хлебом, который торжественно нам вручила напоследок Саввина жена Татьяна, мы занимались изучением надписей на стенах избы. О, это целый дневник посещений площадью несколько квадратных метров. Из этих настенных рисунков и надписей мы узнали кто и когда здесь ночевал, проходил, с какой добычей, каким составом на протяжении последних лет пяти. Мансийские надписи отличались скучностью информации: в основном стояла дата и личный знак-подпись охотника, что ставят на катпосах. Посторонние посетители добавляли некоторые свои оценки и комментарии. Особенно огорчили последние надписи, из которых следовало, что несколько дней назад отсюда ушел на базу небольшой отряд геологов МГРИ, вернее «геологинь», в течение двух недель проводивших металлогенические исследования.

Поспевший ужин, в виде похлебки из крупы и кусочков сущеного мяса (тоже национального мансийского продукта оленеводов) отвлек нас от дальнейших чтений настенного дневника.

После вкусной трапезы, мы долго сидели под черным небом, «гоняя чаи». Истинное удовольствие составляют такие вечерние посиделки после трудных дневных переходов. Вокруг царство кромешной тьмы, от земли уже веет холодом, а ты все сидишь у теплого огня, задумчиво наблюдая игру огненных сполохов. Все дневные заботы уходят, оставляя наедине с этим костром и твоим собственным внутренним миром.

«Да... Как хорошо...», — говорю я, — «Дед бы сейчас сказал: «Карамба!!!»

«Да...», — Витя соглашается, вспоминая старинного своего приятеля, знаменитого отшельника, деда Аликина с речки Кутим и свои многолетние

«похождения» к нему. Около сорока лет проживший отшельником в лесу, «Дед» для многих знающих его людей, даже спустя десятилетия, оставался живой легендой и мудрым учителем. Он всегда очень уважал такие вечерние посиделки с чаепитием и лесными байками у костра. И, конечно же, история нашего с ним знакомства безусловно заслуживает отдельного описания.

Утро выдалось дождливым и хмурым. Вспомнив о возможных в горах снегопадах с метелями во второй половине сентября, мы стали пошевеливаться.

Ворога (оленя тропа) все так же петляла вдоль узкого русла Сосьвы. Поднимаясь вместе с темными густыми ельниками, она огибала редкие заросшие мхами скалы. Уже где-то совсем рядом исток великой сибирской реки. Ночной дождь мелкими ручейками струился меж камней под ногами. Через несколько километров затяжного подъема мы очутились на альпийских лугах, украшенных редкими и всевозможнно изогнутыми березами. Причудливые их формы были хороши, тем более, что между ними можно было спокойно бродить по густой низкой траве будто по просторным дорожкам городского парка. Лишь лохмотья высохших лишайников, свисающие с ветвей и коры, несколько безобразили белоснежные стволы северных красавиц. Здесь же, на старом кедре мы заметили сразу несколько старинных катпосов Самбиндаловых. Видимо, альпийские луга часто посещались медведями, ну и, соответственно, охотниками.

Несколько выше альпийских лугов, в тундре, уже вовсю чувствовалась острыя борьба растений за место под солнцем. Они отвоевывали жизненное пространство у камней: кругом торчали карликового роста исщепленные ветрами елочки, ползущие по земле упругие ветви можжевельника, чахлые кустарники.

Вышли на вершину с затейливым названием — Унтмитвайлентумп (Горка-остров, через которую проходит оленя тропа). Вся вершина представляла собой сплошной мягкий ковер, красный от зарослей мелкой куропаточьей травы. С соседней вершины ворога раздавалась, одна уходила на юг в истоки Вишеры, другая поворачивала на север.

С западного склона с ураганной скоростью летели клочья холодной мокрой ваты. Ну, здравствуй Урал!

Так начинался первый день путешествия по навигатору в сплошном тумане и при не прекращающихся ветре и дожде. В перерывах между дождями, в сплошной мокрой вате, изредка показывалось печальное солнце. Погода в сентябре в горах совсем непредсказуема.

Наш путь лежит по гребню Уральского хребта на юг, до горы Холат-Чахль и далее вниз по реке Ауспии, через Ушму обратно в Кимг-Чупа-

Пауль.

Из тумана возникают бесформенные нагромождения всевозможных глыб. Глядя на эти потрепанные от времени гиганты и окружающий каменный хаос, так и кажется, будто здесь схлестнулись в страшном бою две армии буйных богатырей. Да так и застыли навечно, охваченные внезапно заколдованным сном в самый разгар сражения. И неуемное время уже начало тысячелетнюю работу по их уничтожению, откусывая, отдирая от массивов мелкие и незаметные песчинки.

Причудливые фигуры останцев, густо покрытые точно кожей, зеленоватыми лишайниками, дают пищу для фантазий проходящих мимо путешественников. Во всем застывшем пейзаже чувствуется мощь и величие Земли, какая-то недосказанная тайна, заложенная Матерью Природой.

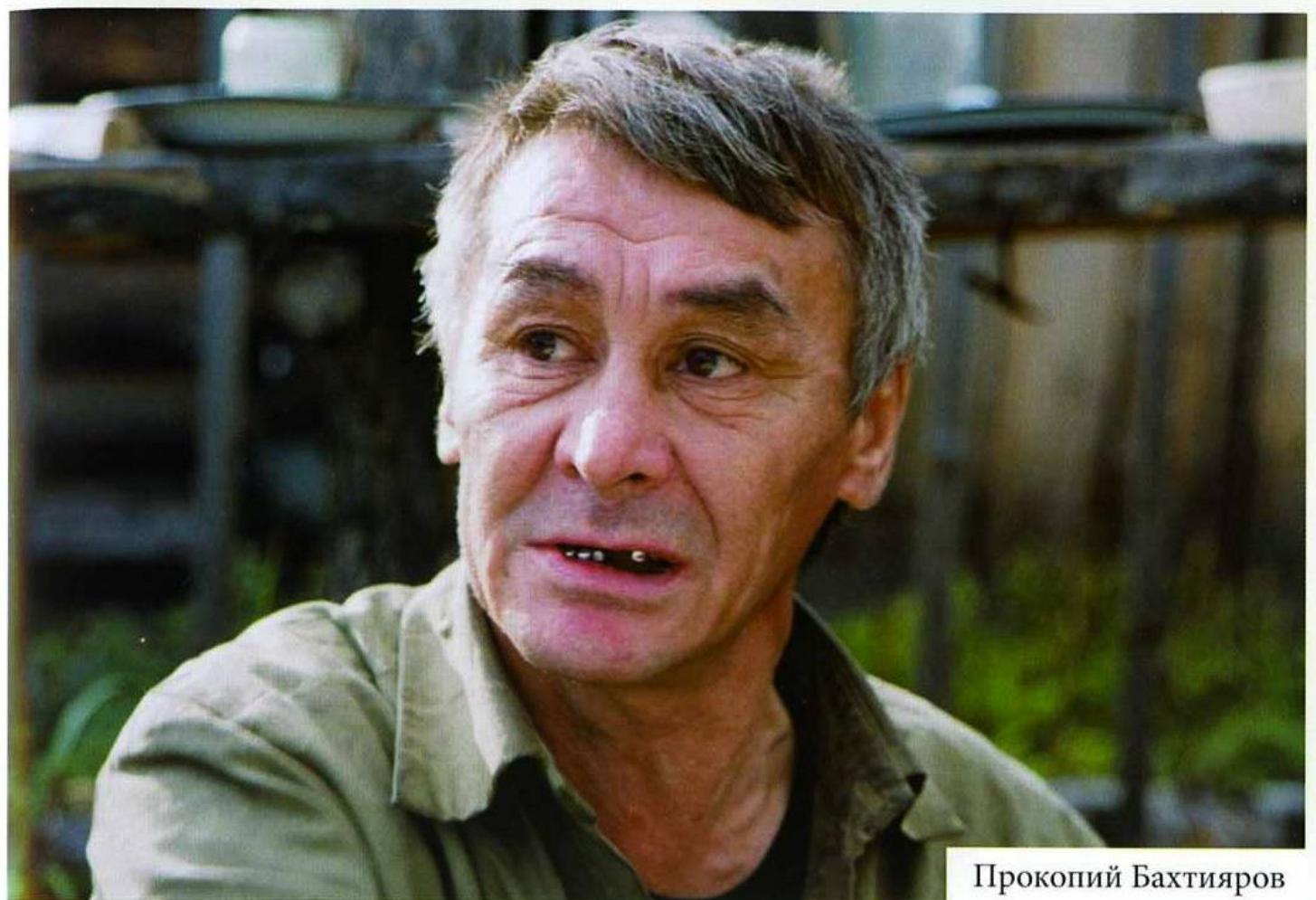
На утро случились заморозки. Все вокруг было усыпано мелкими бриллиантами инея — и желтая тундровая трава, и покрытые мшистым ковром серые камни, и совсем чахлая, скучоженная листва кустарников. Мельчайшие кристаллики льда искрились на солнце, переливались радужными искорками, точно хрупкое, рукотворное произведение искусства. Прелести скоротечного уральского лета заканчивались.

Как-то в одном переходе, среди чистой белизны тумана, мелькнули на несколько мгновений пугливые олены фигуры. И растворились безвозвратно, точно растаяли.

...Олени, олени. Горная картина точно обеднела без ваших точенных, живых фигур, без силы и моци многих тысяч голов. Без этих умных, добрых глаз. Мысли невольно уносятся в прошлое. Уже множество лет ваш предводитель и покровитель Ялпынг — Нер-Ойка стоит в забытьи. О былом его могущество говорят цифры — только у Сосьвинских манси, в начале 19-го века было до 12-ти тысяч голов. В этих местах пасли олешек и многочисленные кочевые семьи, называвшиеся «ерн кол махум» (ненецких чумов люди). К ним относились ляпинские манси, коми-зыряне, ханты, а также верхнесосьвинские рода Анямовых и Пакиных. Общая численность кочевых стад в начале 20 века составляла 25–30 тысяч голов.

И наступил последний вечер в горах, мы заночевали на живописном берегу озера Лунхусаптер (Гусиной коробки) на склоне Отортена. Другое его название Лусум-Талях-Тур (Озеро в верховьях Лозьвы).

Запад ярко горел багровыми красками осеннего заката. Далекие вершины чуть подернулись молочной дымкой тумана. С востока незаметно надвигалась тьма. Живописное озеро овальной формы пряталось в глубине обширного горного цирка. Склон горы обрывался к озеру с одной стороны почти отвесными скалами, с другой — менее крутыми осипями — курумниками, состоящими из развалов остроугольных глыб самых

Прокопий Бахтияров

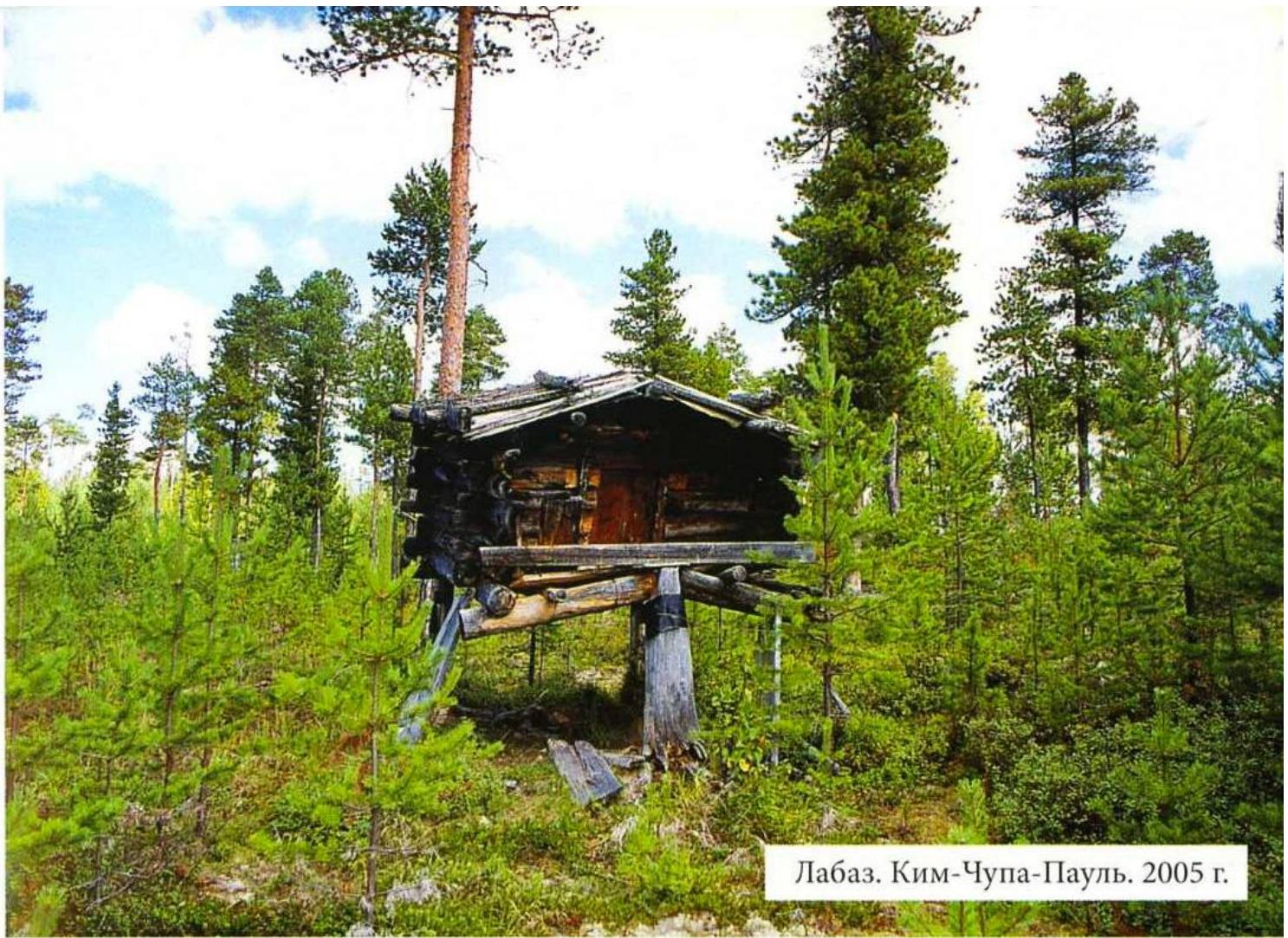
В окрестностях Кимг-Чупа-Пауля

Семейная реликвия

Кимг-Чупа-Пауль

Лабаз. Ким-Чупа-Пауль. 2005 г.

Вечная песня санквылтапа

Таежный склад

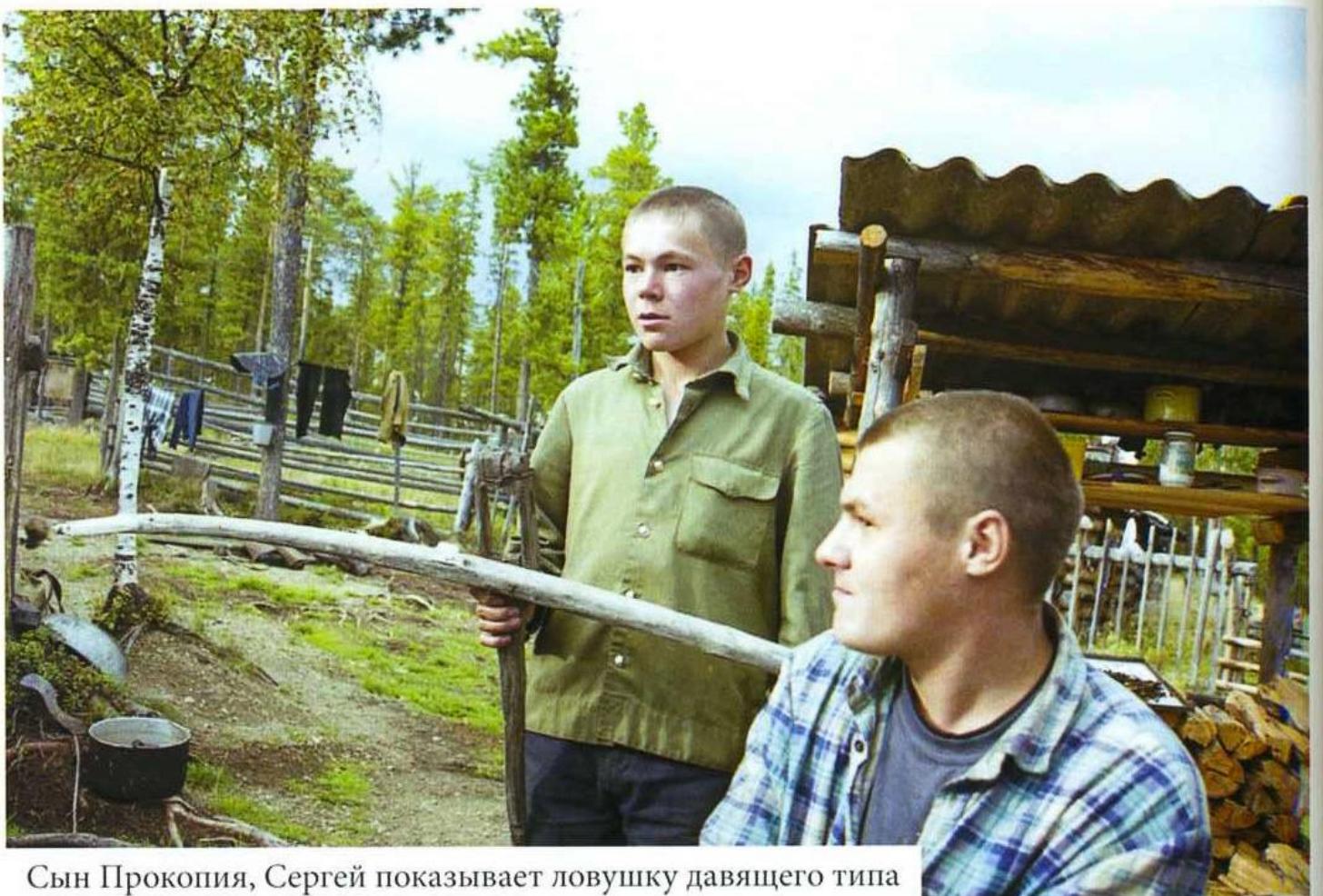
Печь для выпечки хлеба. Кимг-Чупа-Пауль

Кованый наконечник стрелы

Старый дом в Кимг-Чупа-Пауле

Сын Прокопия, Сергей показывает ловушку давящего типа

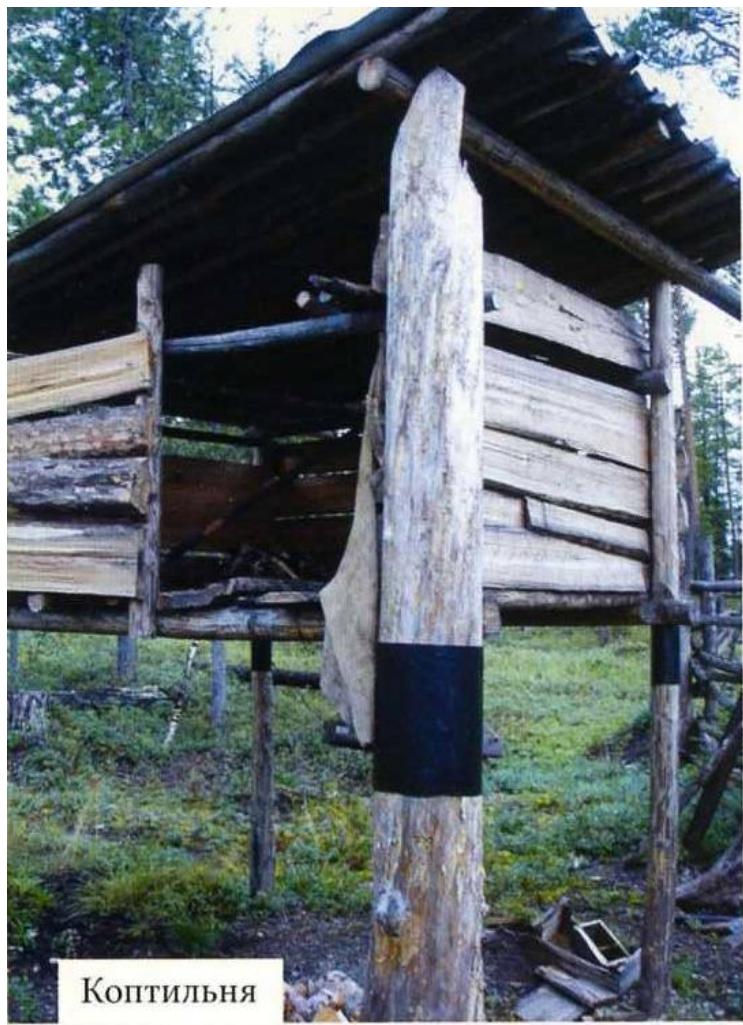
Деревянная дрель

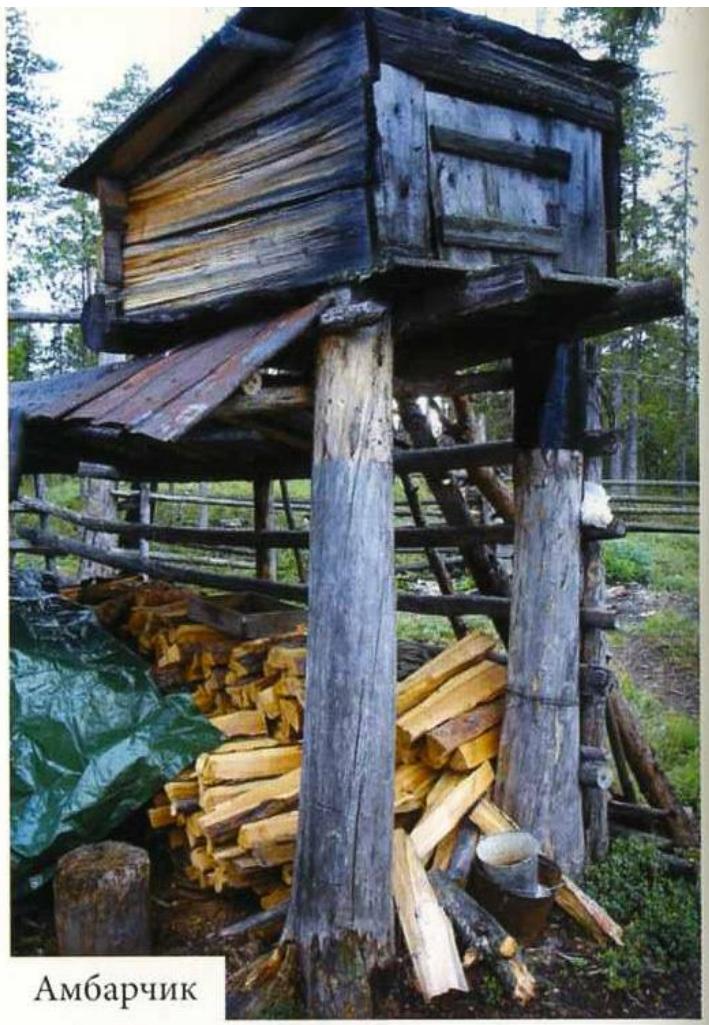
Берестяная люлька-апа

Орнамент на костяных деталях оленей упряжи

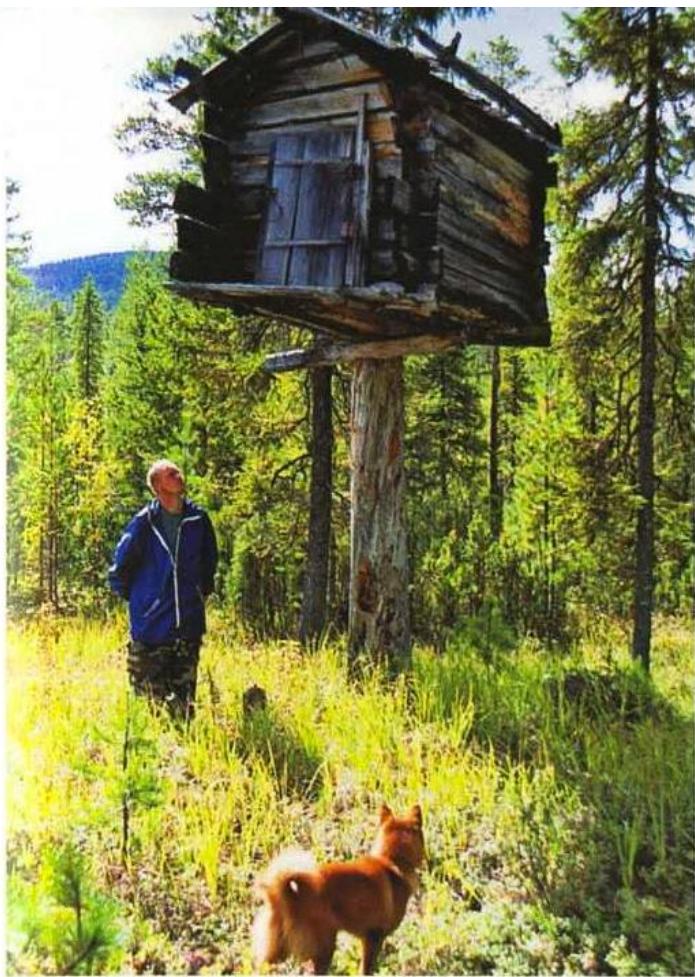
Коптильня

Амбарчик

Подношения богам

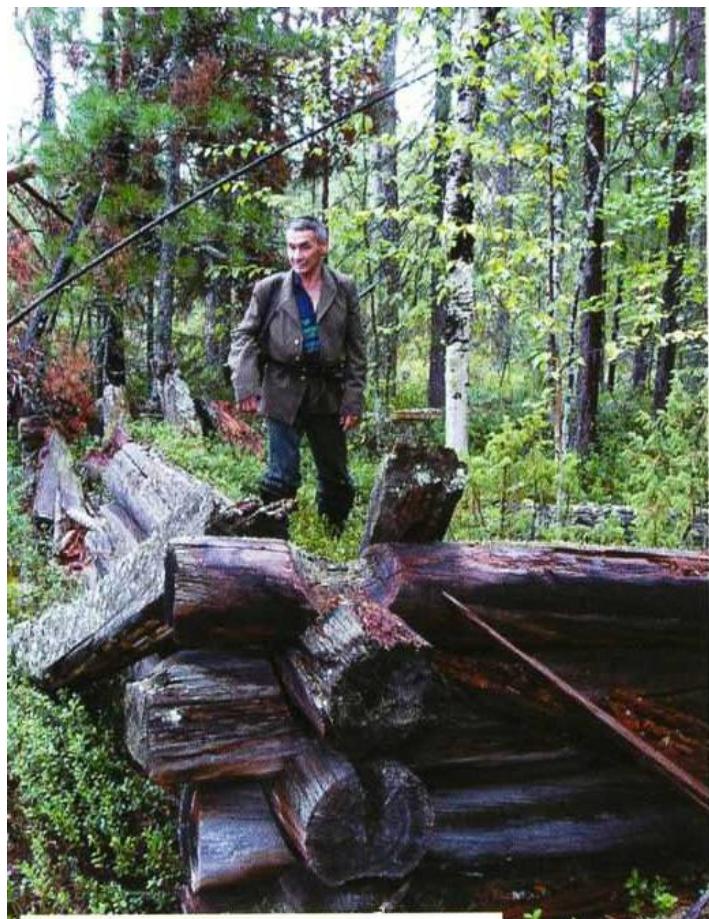
Автор у священного амбарчика. 2005 г.

Унты

За дверью — боги

Дом прадеда
в верховьях ручья Вап-Сос

Анастасия Михайловна —
мать Прокопа Бахтиярова

Панорама стойбища

Охотничий трофеи

Мансиjsкий рюкзак

Удачная охота. 1985 г.

Семья Прокопия Бахтиярова

Валера Бахтияров в верховьях Вишеры

Охотники на диких оленей

Пастухи оленевых стад в 1980-х годах. Гора Тумкапай.

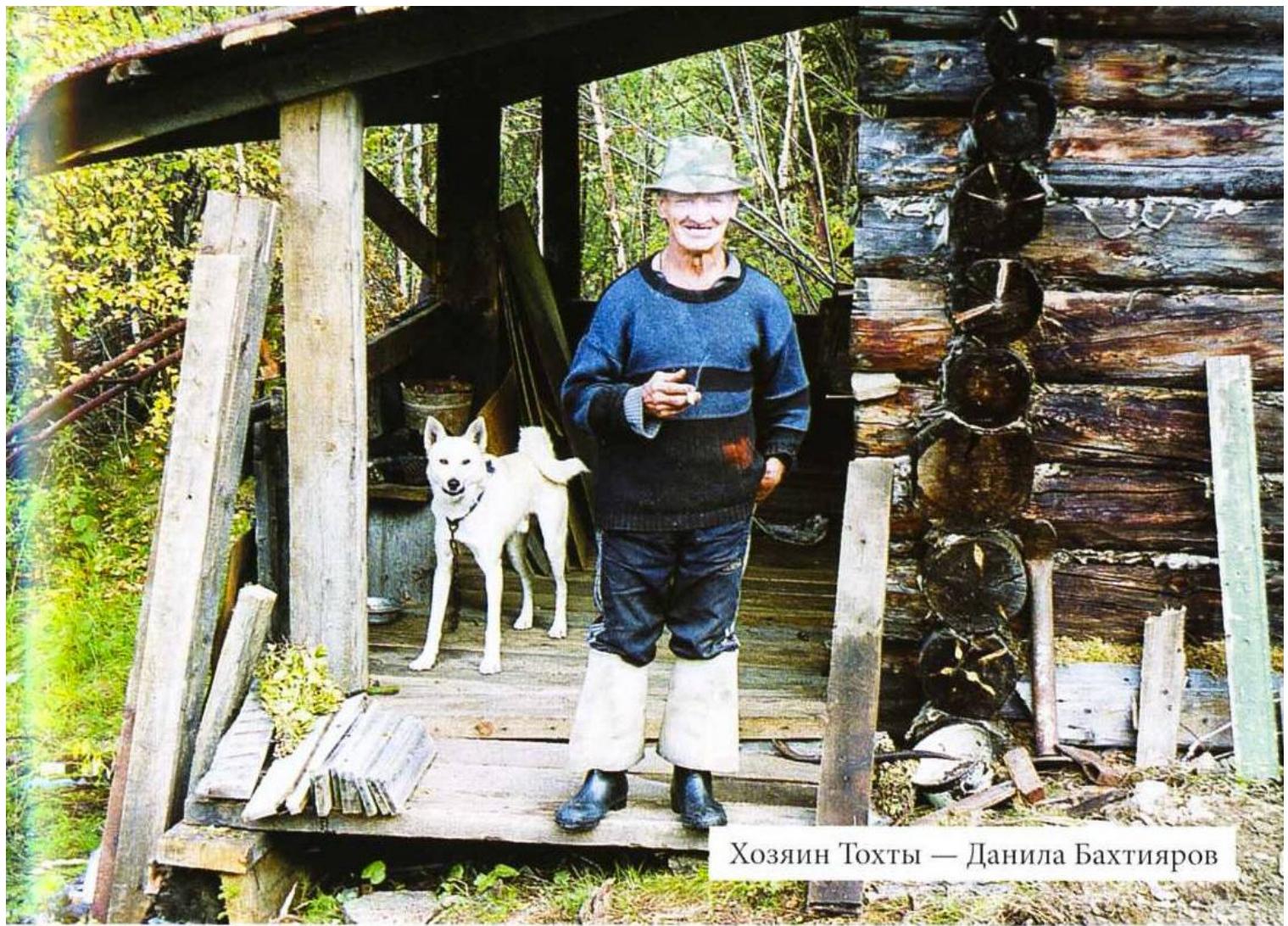
Вверху — Тасмановы Володя и Василий, Анямов Вася, Куриков Вася, Самбиндалов Алексей; Внизу — Бахтияров Прокопий, Самбиндалов Вася, Куриков Коля, Анямов Володя, Куриков Яша. Фото из архива Бахтияровых.

В упряжке...

Пастбище в истоках Вишеры

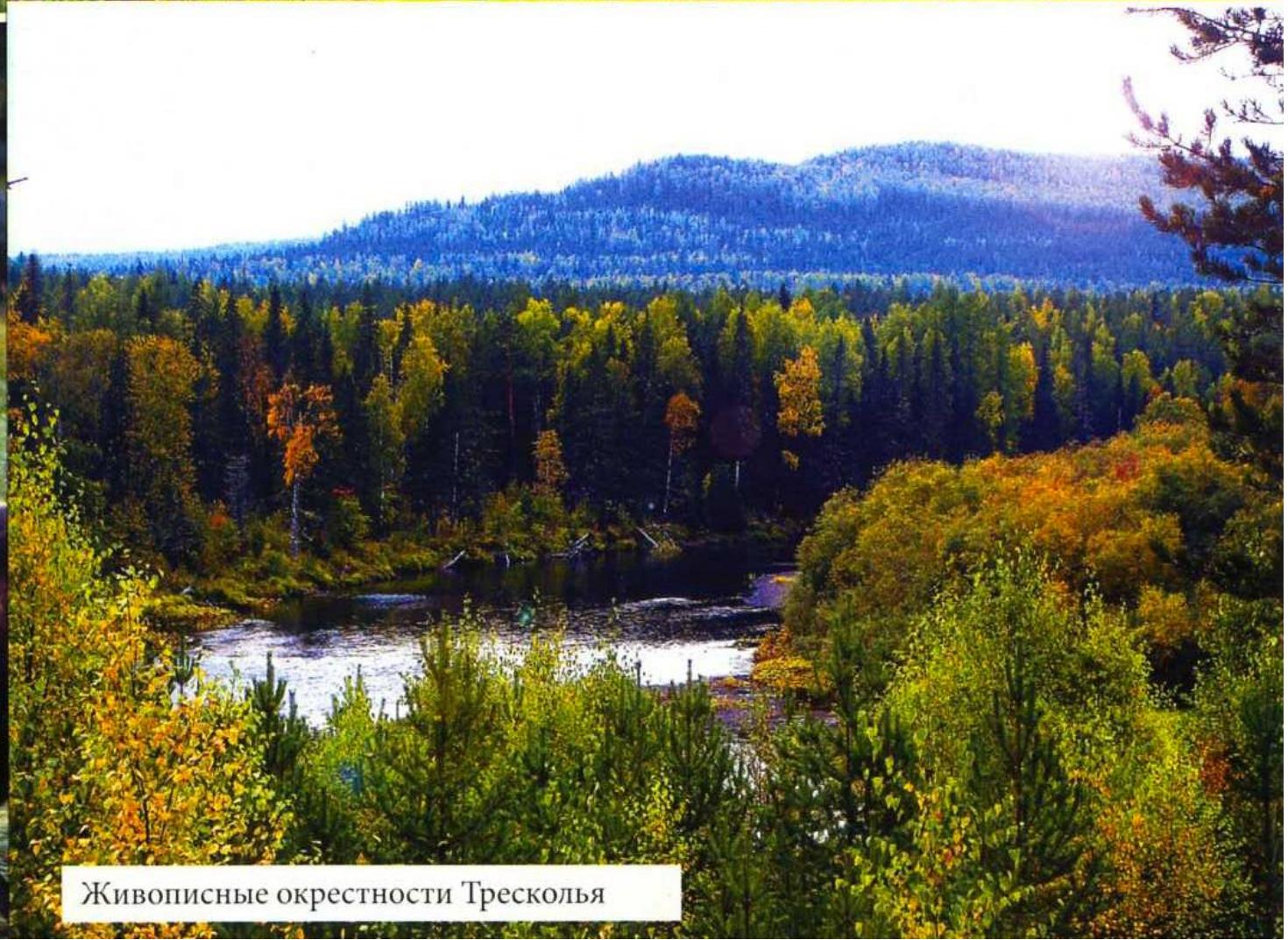
Хозяин Тохты — Данила Бахтияров

Семья мансийского шамана Н. Я. Бахтиярова

Остатки мансиjsкой избы. Вижай-пауль

Живописные окрестности Тресколя

Треколье

Все население Треколья 2000 г.
Авторы — Свейн Твейтдал и Халвор Тьон, Норвегия.

Галя и Андрей Бахтияровы

Дети Тресколя

Миша Пеликов и Света Бахтиярова. В центре сын Прокопия — Тимофей.

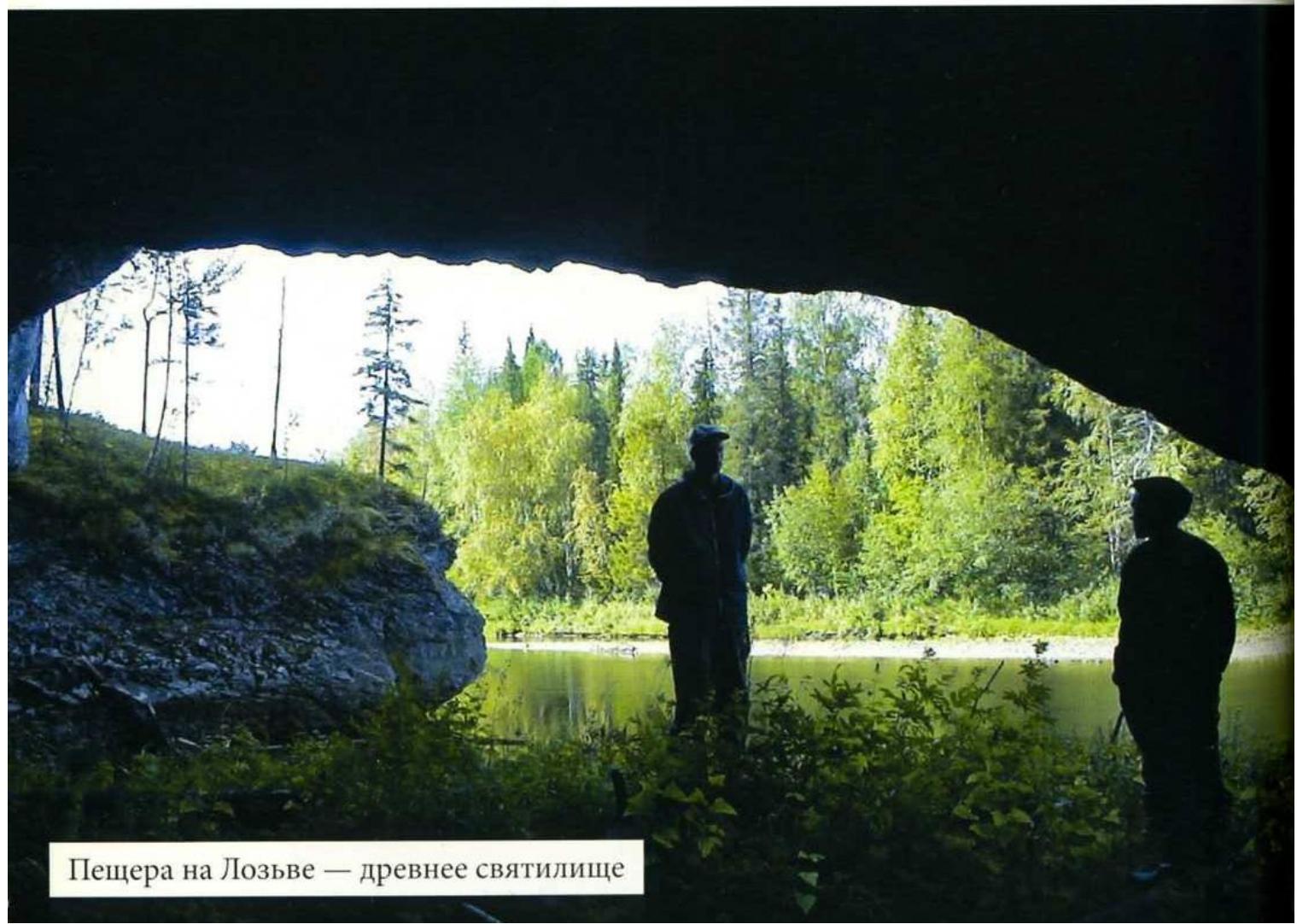

Лена Анямова

Тотемический рисунок рода Анямовых

Мансиjsкий орнамент

Пещера на Лозьве — древнее святилище

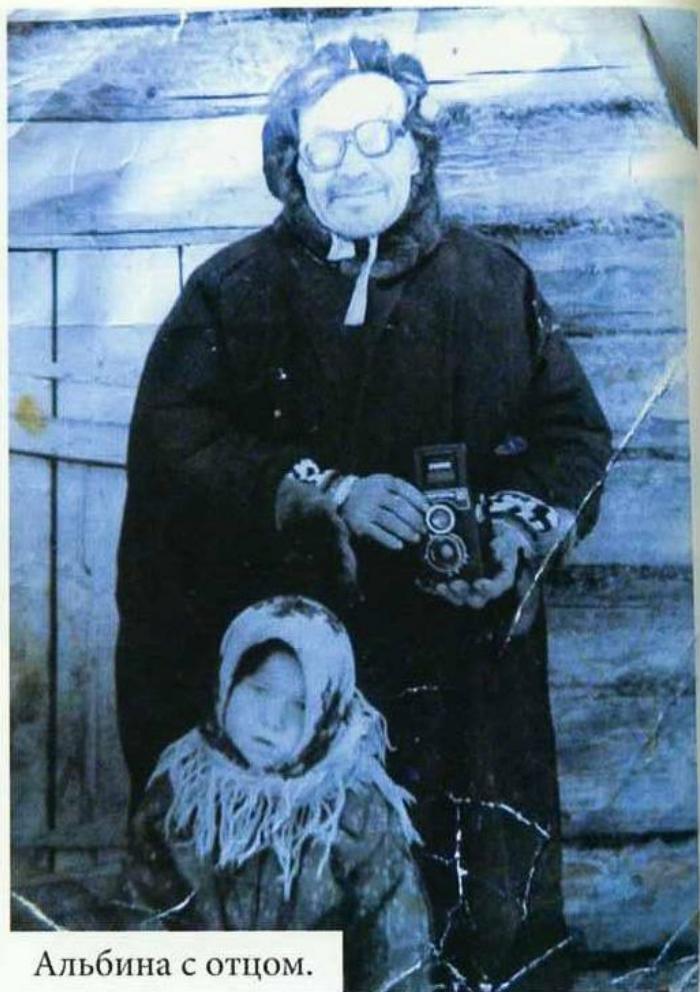
Переправа

Олени ушли в историю

Альбина Анямова. Тресколье. 2006 г.

Альбина с отцом.

На пастбище. 1980-е годы

Жители Тресколяя. 1970-е годы

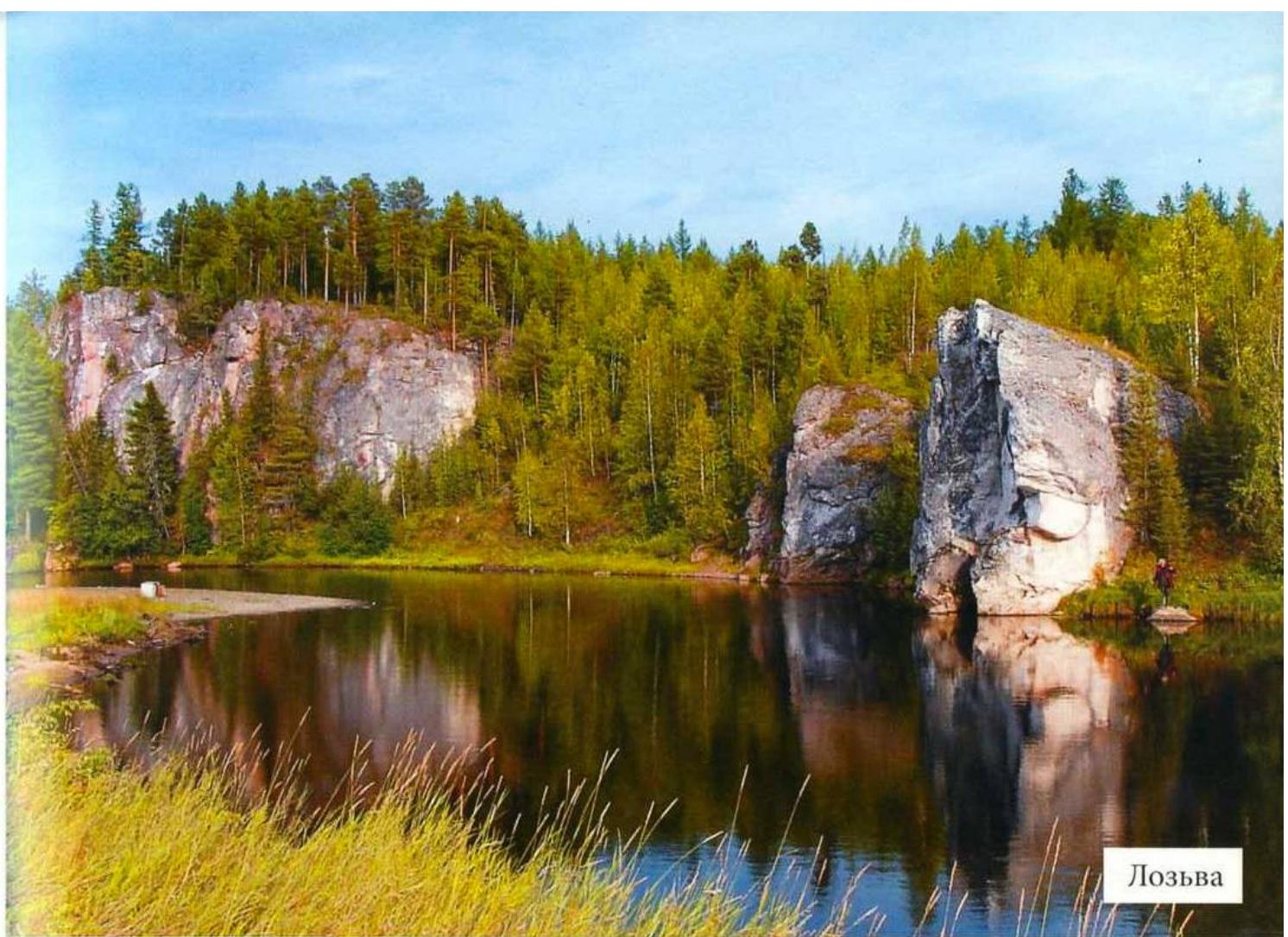
Из архива Анямовых

Мансики у берестяного чума

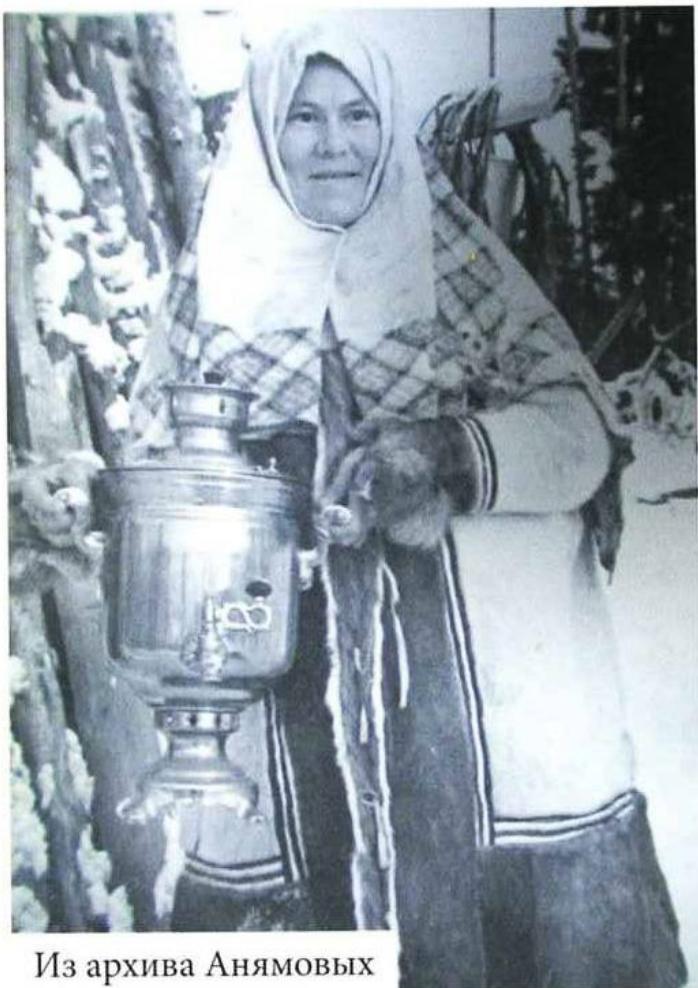
Жизнь продолжается...

Лозьва

Кладбище в Тресколье

Из архива Анямовых

Субальпийские луга на Молебном камне

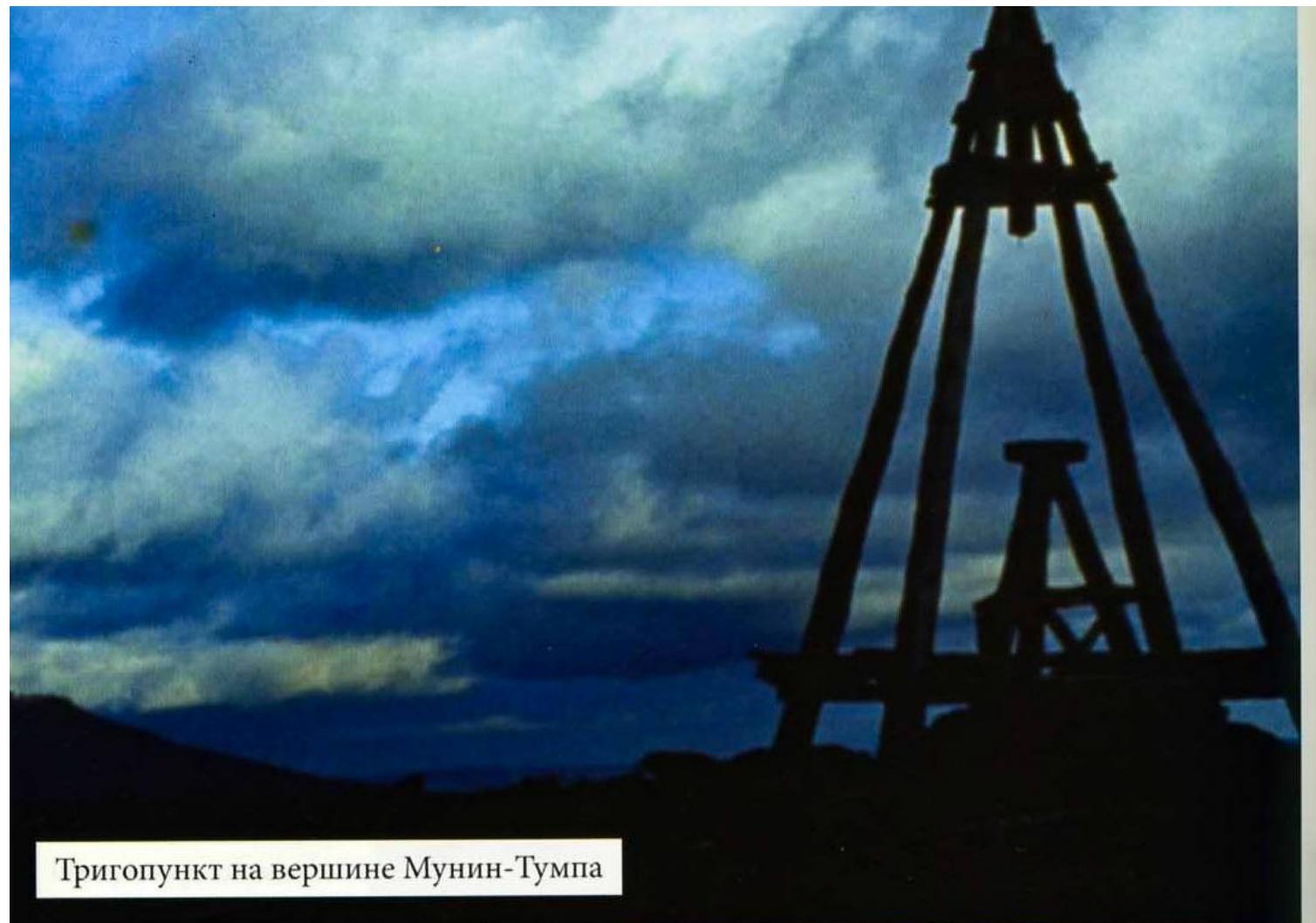
Могила основателя Тресколя Н. В. Анямова

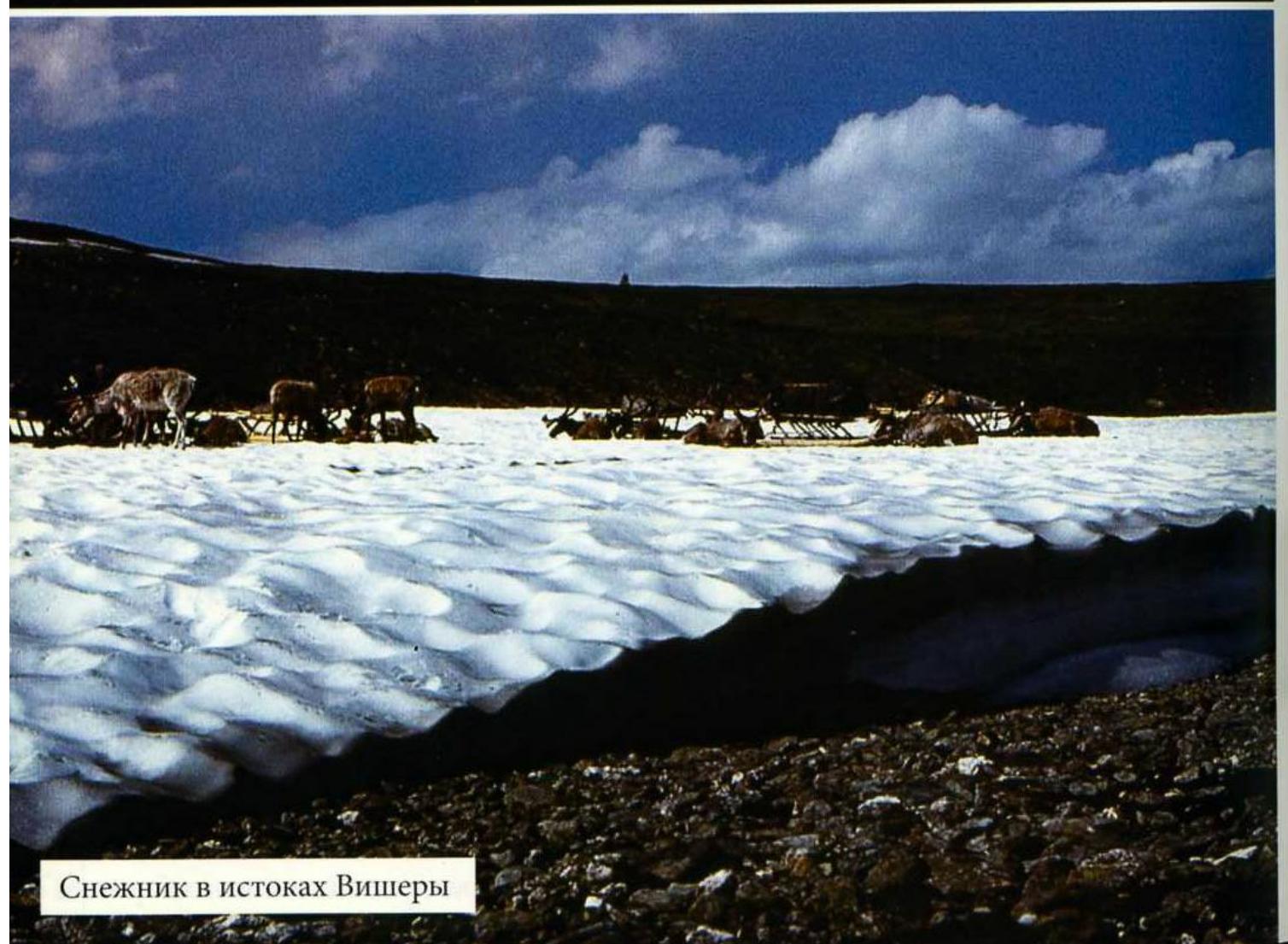
Тучан — сумочка для женского приданого

Медвежий череп из священного амбарчика

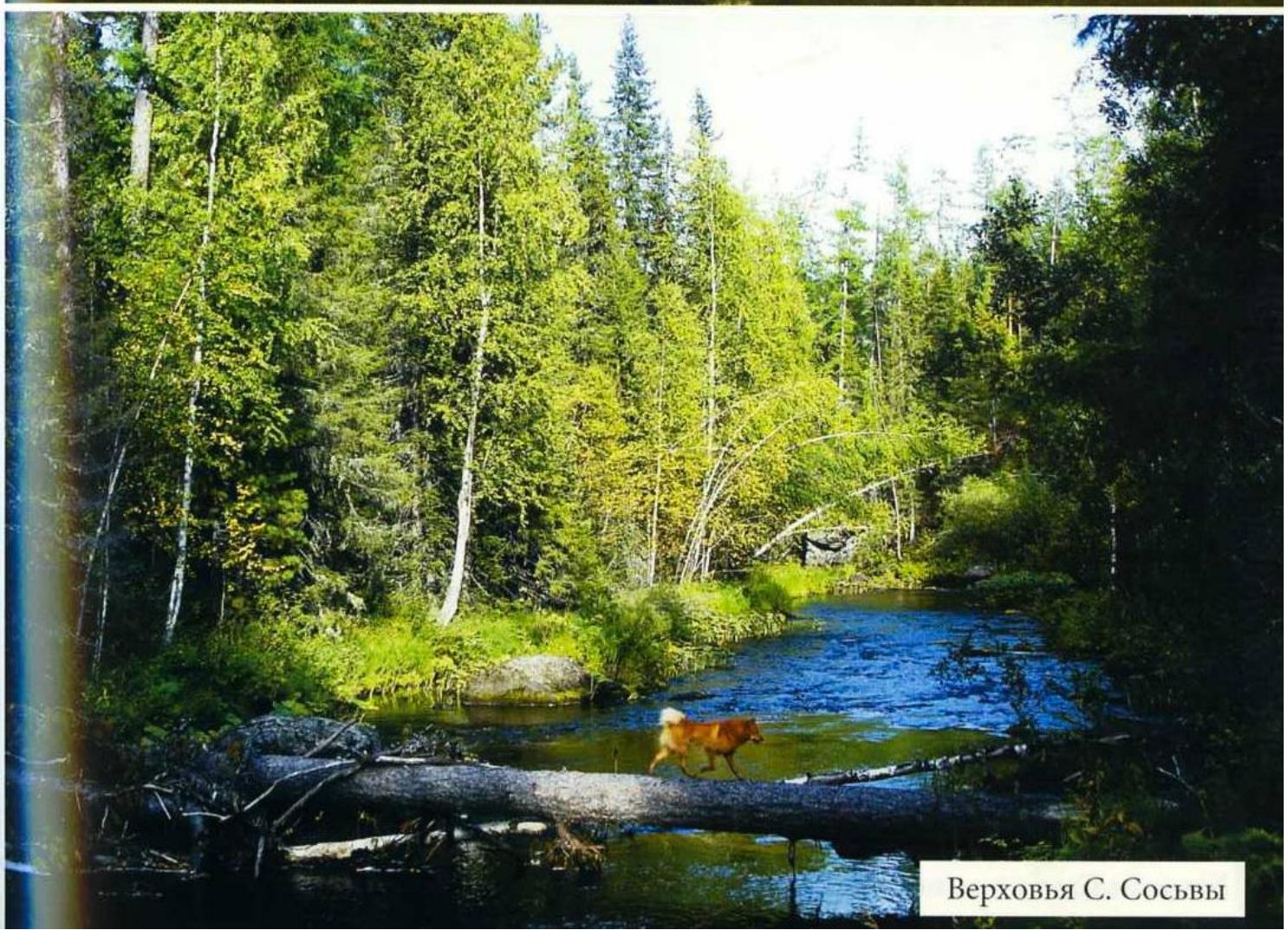
Тригопункт на вершине Мунин-Тумпа

Снежник в истоках Вишеры

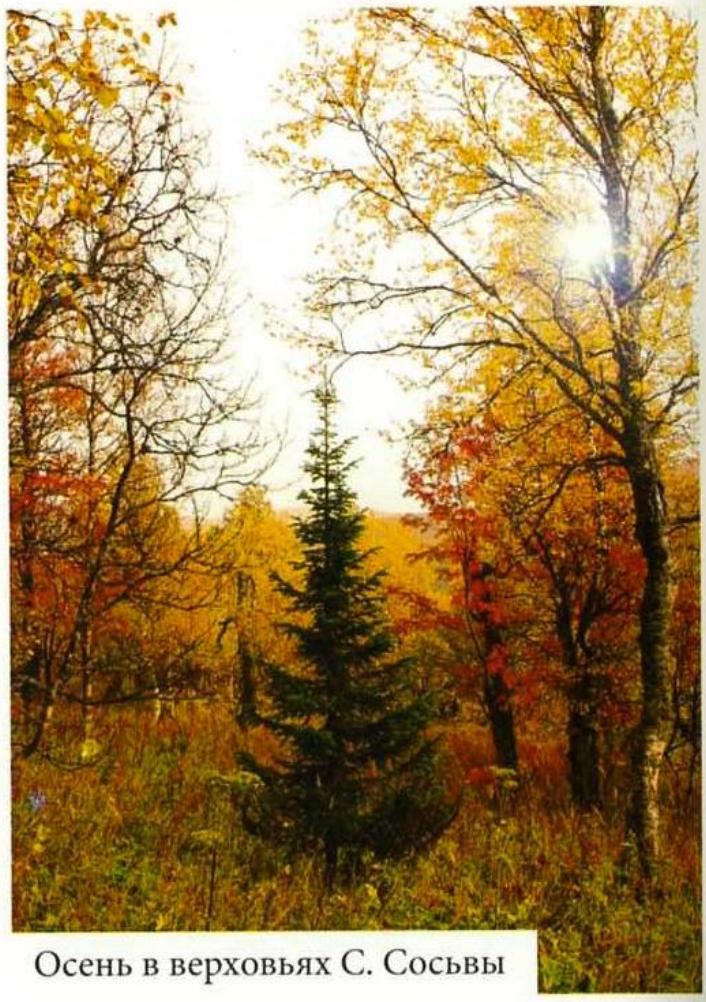
Вожак

Верховья С. Сосьвы

Катпосы на охотничьей тропе
Самбиналовых

Осень в верховьях С. Сосьвы

Катпосы Самбиналовых

Семейство Саввы Самбидалова. Турват-Пауль

Самбидалов Савва

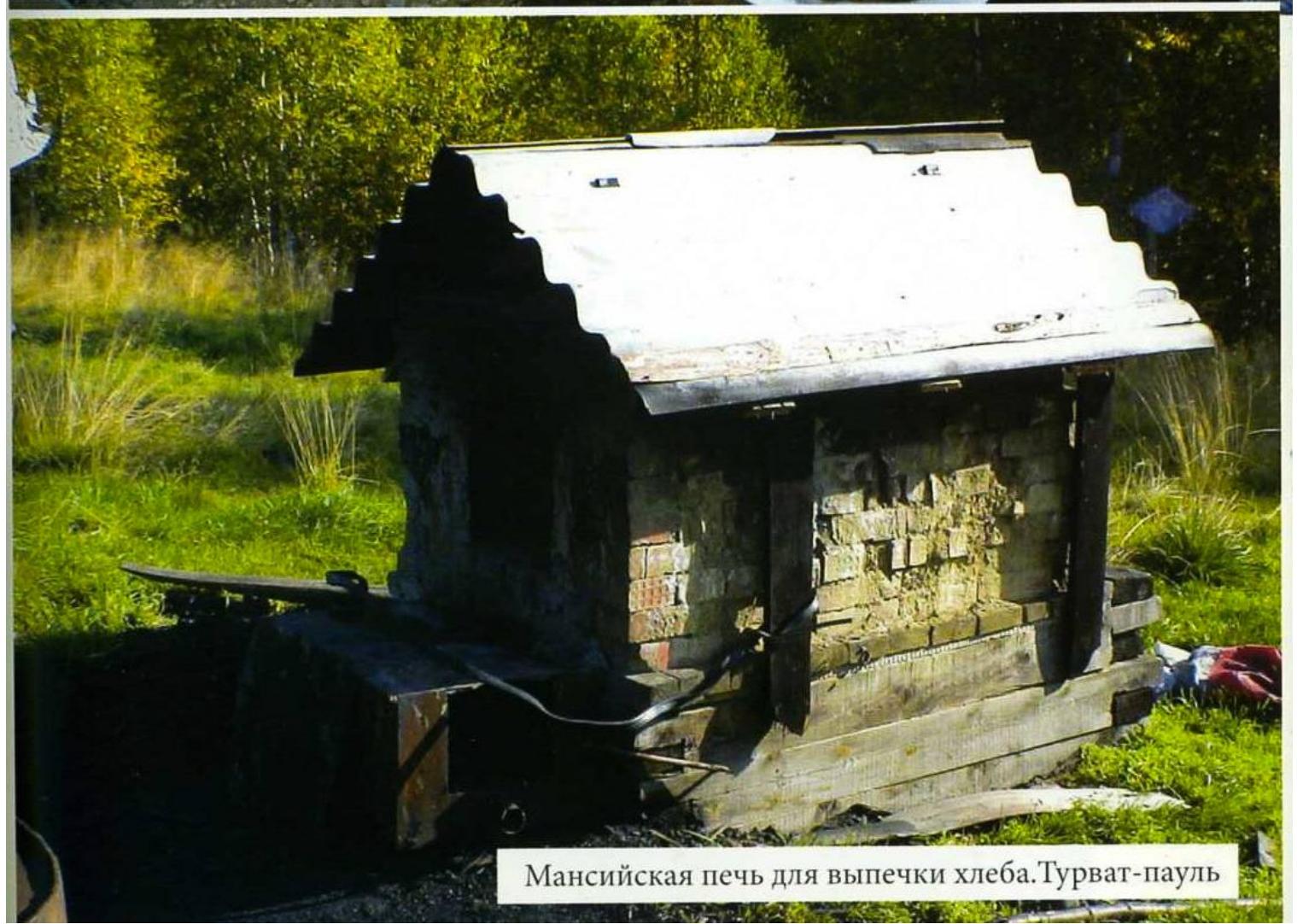
Оленеводы

Старина Турват-пауля

Ритуальные подношения

Мансиjsкая печь для выпечки хлеба. Турват-пауль

Слева — Тимофей Пеликов. 1985 г.

Сборы в дорогу

Нарты

Олешки

Туманное утро в горах

На подходах к священному месту

Виктор Муканов у развалин древнего амбарчика. Окрестности озера Турват

Озеро Турват. Гора Ялпынг-Нер

Виктор Муканов и наш верный пес Амур

Красоты осенней тундры

Истуканы Холат-Чахля

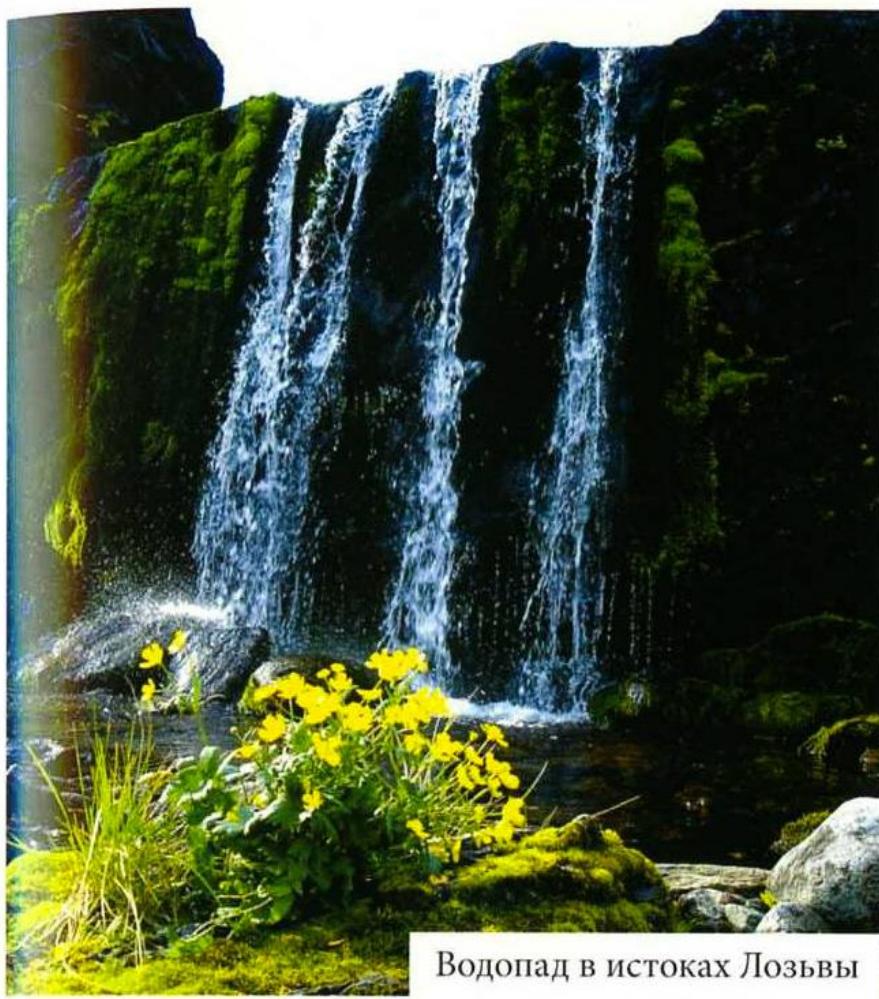
Памятник группе Дятлова

Ритуальные куклы. Урай-Пауль. Кадры из фильма А. Морозова (Екатеринбург)

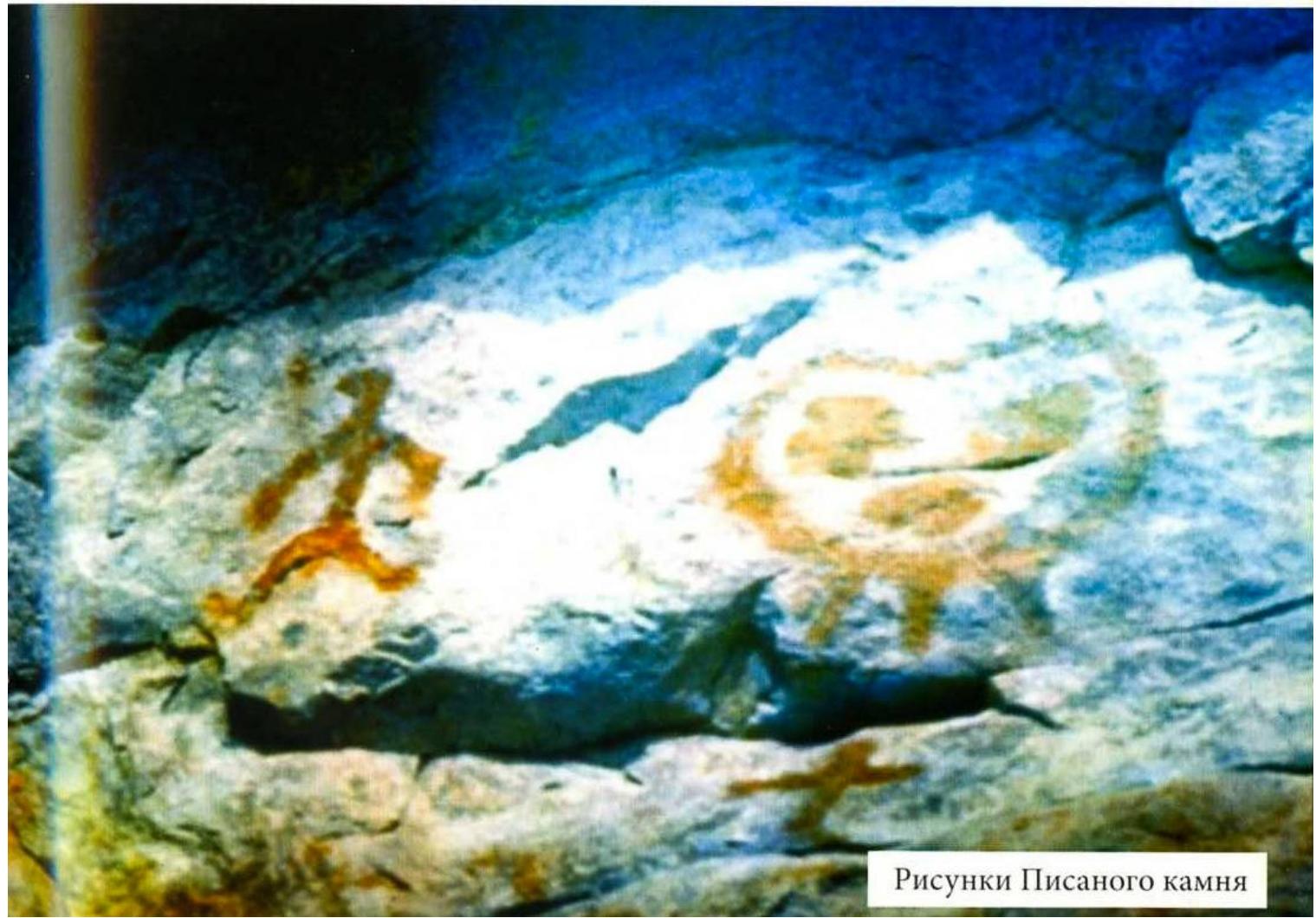
Пупыги из коллекций музеев Свердловской области,
на выставке МАНСИ — ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ, организованной
Клубом Искателей Приключений (Екатеринбург)

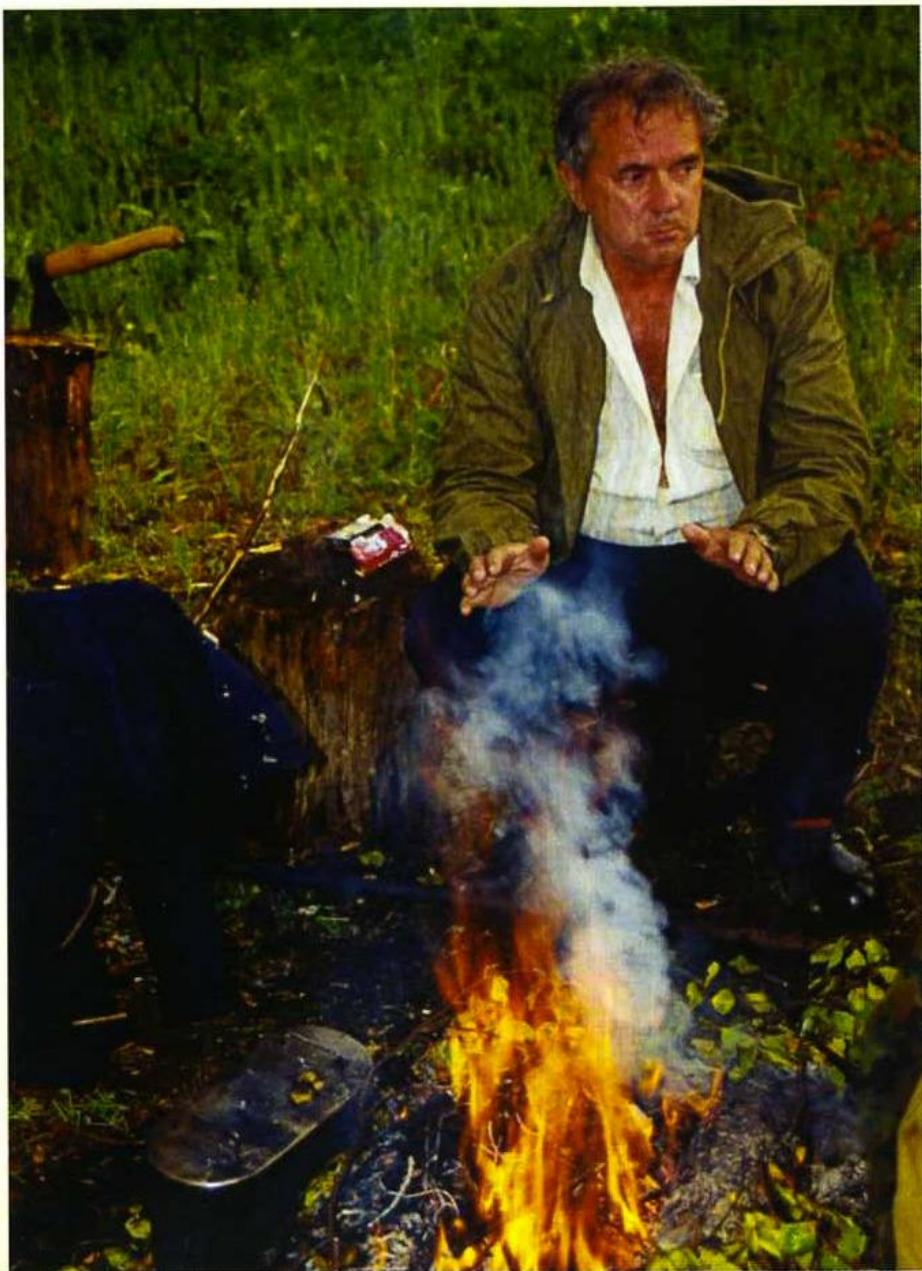
Водопад в истоках Лозьвы

Мансиийский
идол. Из фондов
музея г. Н.Тагил.

Рисунки Писаного камня

Игорь Борисович
Попов — директор
Государственного
природного запо-
ведника Вишерский
1998–2003 гг.

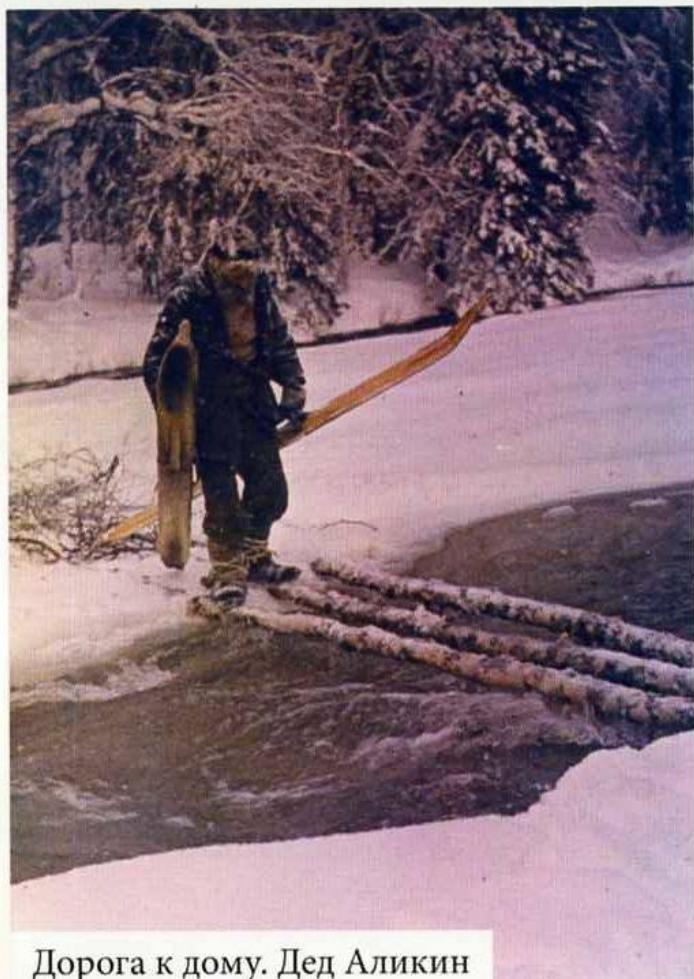
Мухтаров Вячеслав — исследователь
культуры и традиций народа манси

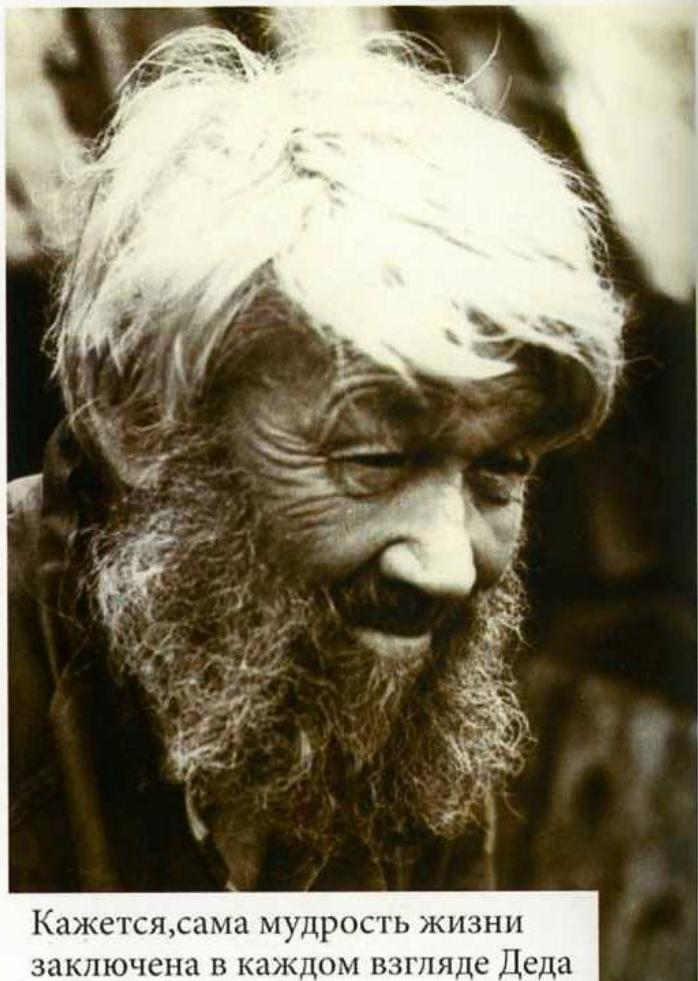
Маньпупунер

Первая встреча с монахом

Дорога к дому. Дед Аликин

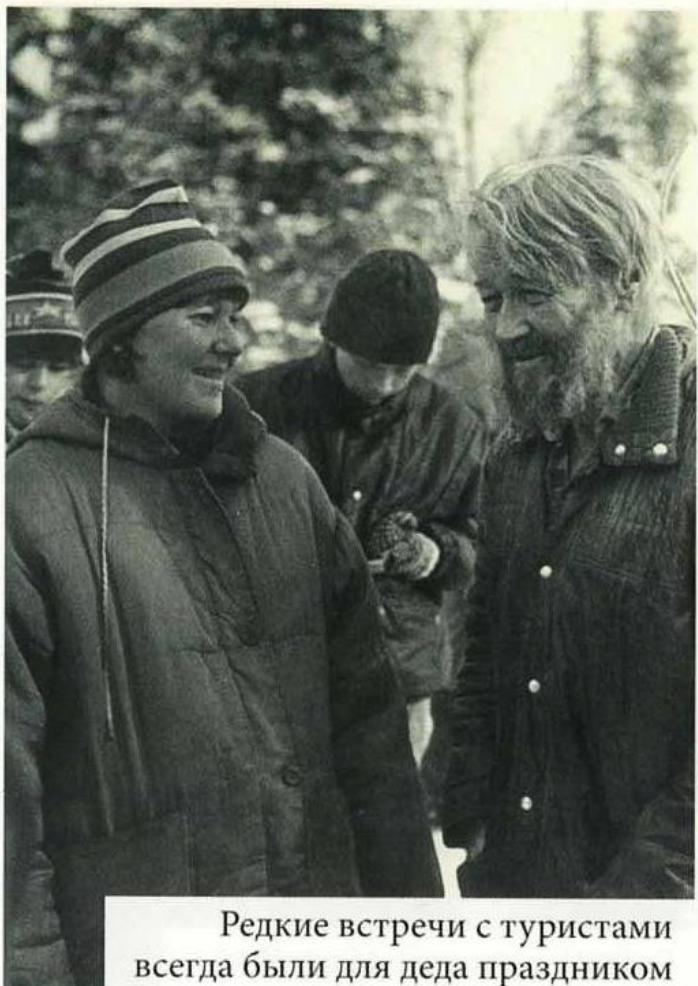
Кажется, сама мудрость жизни
заключена в каждом взгляде Деда

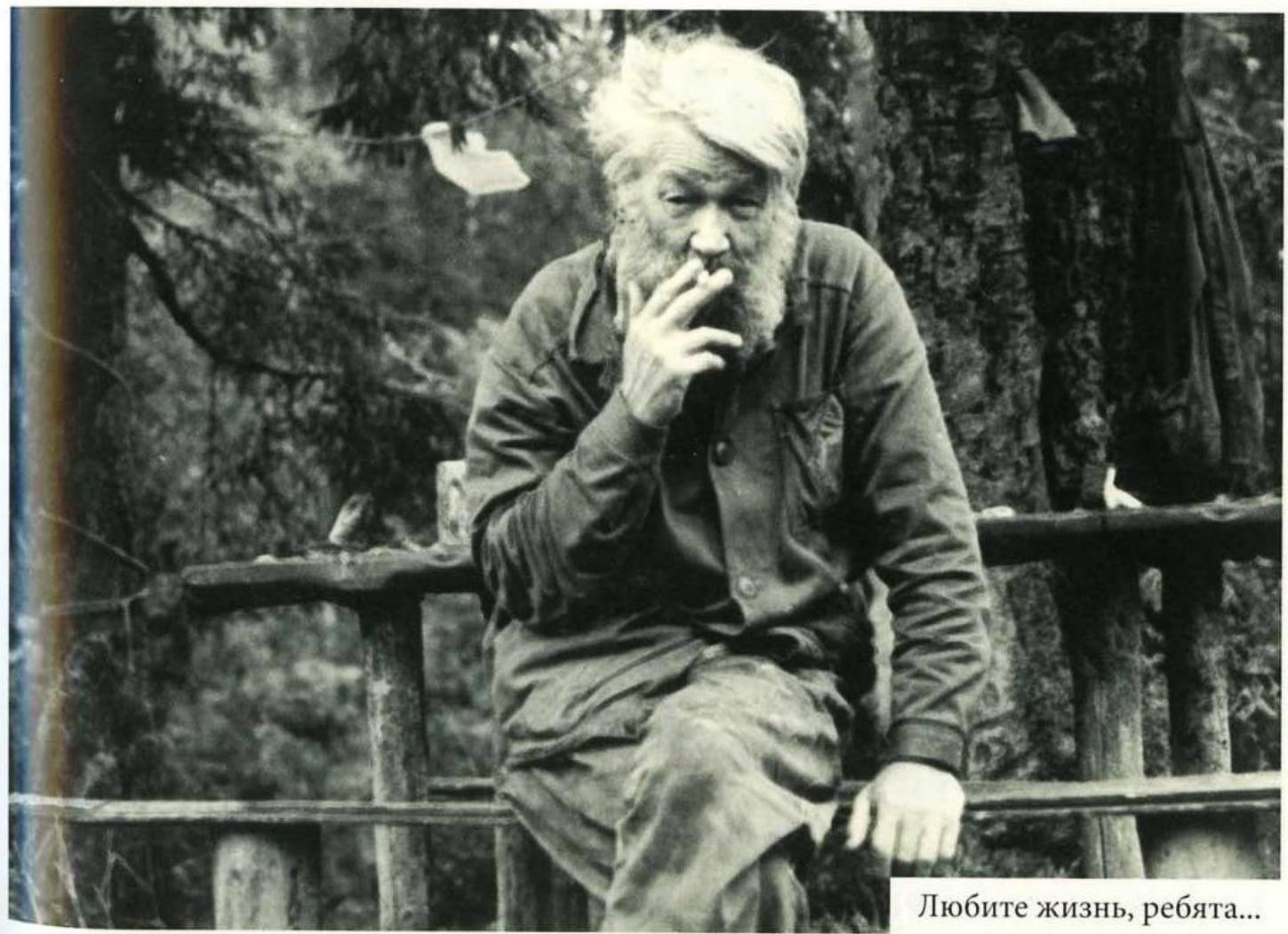
Сборы на рыбалку

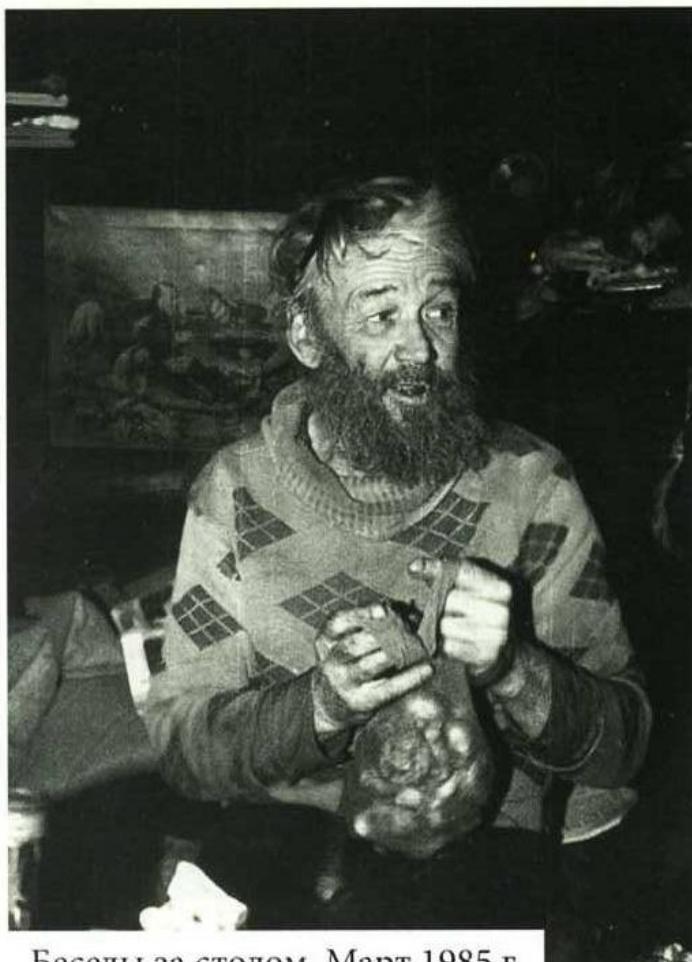
На охоте

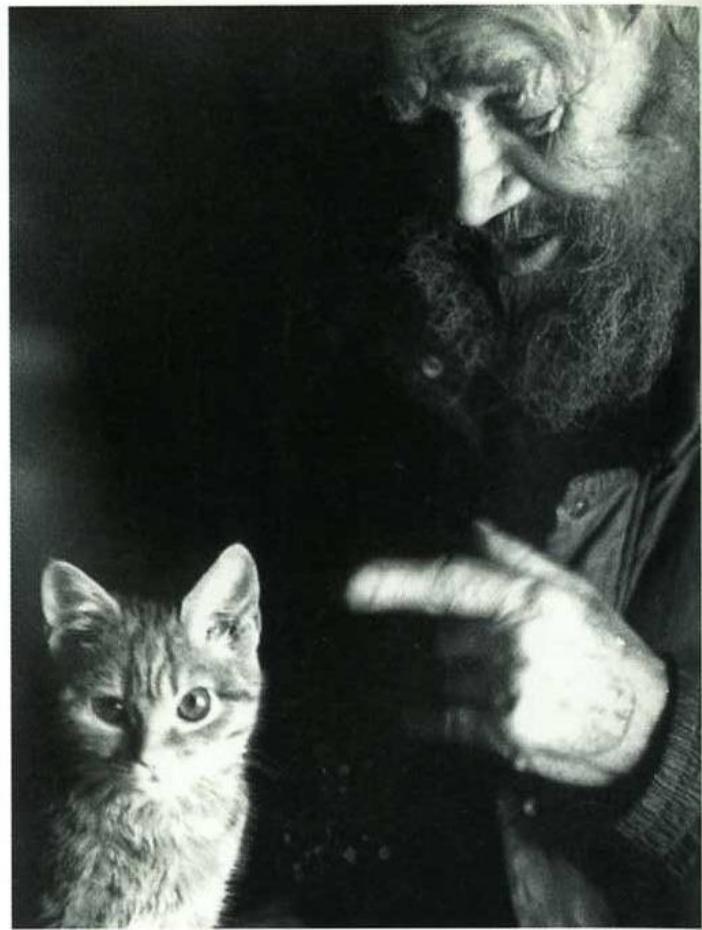
Редкие встречи с туристами
всегда были для деда праздником

Любите жизнь, ребята...

Беседы за столом. Март 1985 г.

Вдвоем и зимовать веселее. Апрель 1993 г.

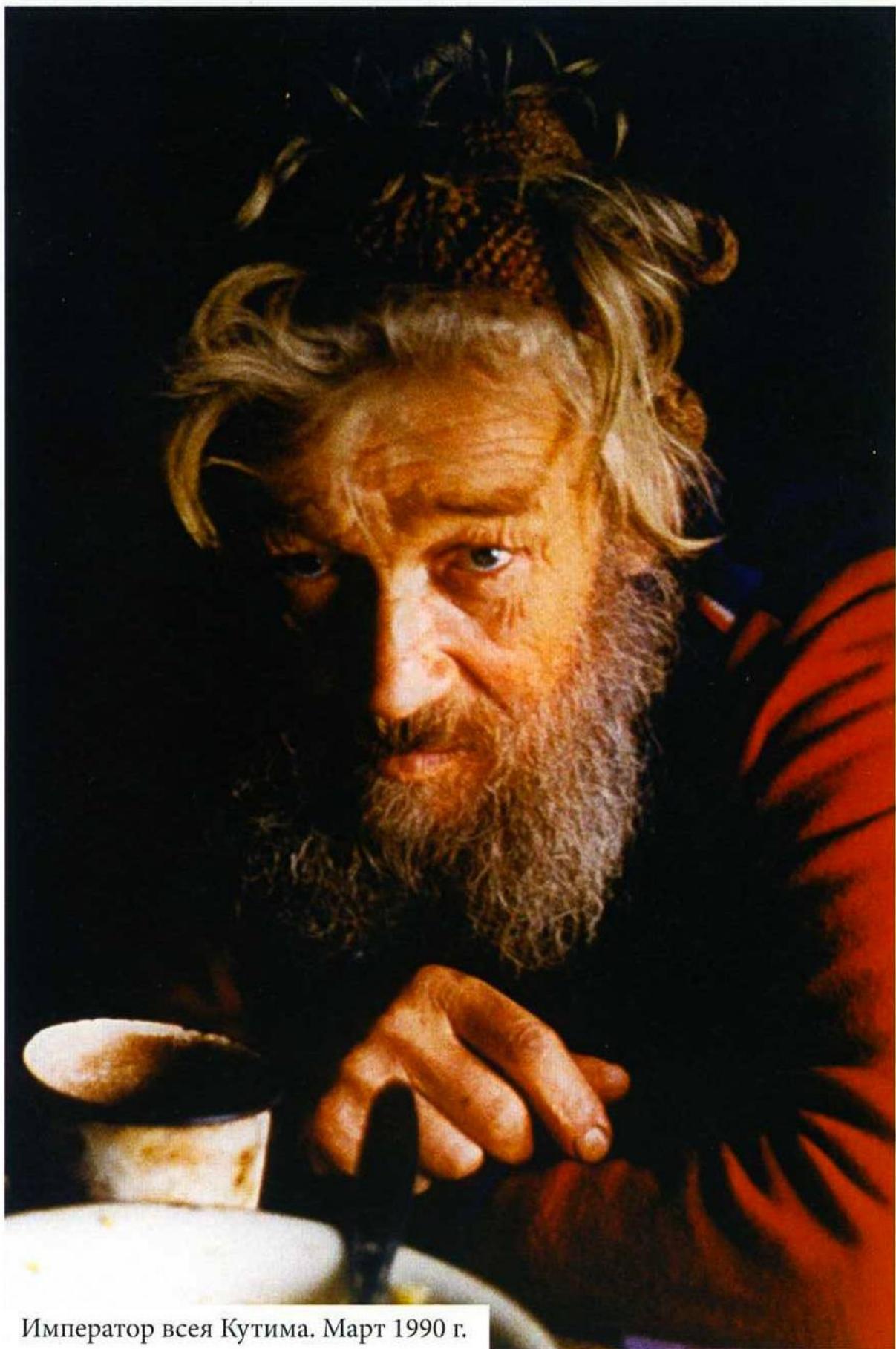
В добрый путь. Март 1991 г.

Раняя осень на Кутиме. Сентябрь 1990 г.

Замело

Император всея Кутима. Март 1990 г.

различных калибров. И только на юге, со стороны зарождающейся долины Лозьвы, присутствовало заметное корытообразное понижение. Картину дополняло белое пятно нависающего над озером снежника, не расставшего за теплое лето и сочившегося множеством шумных ручейков. От черной воды кое-где призрачными массами поднимался холодный туман. Каменистый берег озера был совершенно диким и пустынным. Лишь в паре мест наблюдались опаленные огнем камни старых кострищ, да расходившиеся в стороны тропочки на примятом мху. В это время поток туристов через эти места значительно сокращается в отличие от веселых августовских дней, а в конце сентября прекращается совсем. По рассказам манси, во второй половине сентября и без того непредсказуемая погода портится совсем. Продолжительные, холодные туманы чередуются с дождями и ураганными ветрами, а то и вовсе все перевалы завалит полуметровый слой снега.

Но сегодня нам страшно повезло, вечер выдался славным — ни ветра, ни туч. Ближайшие сопки утопали в розовом закатном свете. Узкая горная долина Лозьвы, змейкой петлявшая между Отортеном и горой Пумсамнел, уже погрузилась в тень. Воздух сделался совершенно невидимым и прозрачным, в сотни раз сокращая расстояния до ближайших гор, примерно до размеров вытянутой руки. Над головой вспыхнули ярчайшие звезды. Их маленькие, игольчатые огоньки отражались в неподвижном зеркале озера. Первозданная красота величавой и торжественной картины просто завораживала. Прямо у самой кромки воды, яркой свечей в безбрежном звездном океане вспыхнул наш костерок. Горы окончательно погрузились в сонную тьму. В это самое мгновение где-то за ними, на западе, погас последний солнечный луч.

В мечущихся языках костра чувствовалась первобытная, божественная сила, неудержимо манящая к себе посреди ночной темноты.

Но взгляд невольно обращался в высоты. Что же скрывается там, за туманами звездной пыли в окружающих безднах?

«А говорят чудес не бывает...», — сказал Витя, — вот же оно — чудо».

Звезды заполнили весь небосвод, те же бездны лежали теперь и у ног, отражаясь от черного зеркала озерной воды. Под ногами не было земли, костер горел прямо на звездах. В наступившей тишине слышалось биение собственного сердца. Чувствуешь себя каким-то звездочетом, волшебником, которому подвластны далекие миры.

Внезапный порыв ветра неожиданно поднял сноп искр, добавив на мгновение несколько десятков новых звездочек...

Холат-Чахль, знаменитая Гора Мертвцевов, встретила нас мощнейшим

западным, порывистым ветром. Ясная погода на глазах менялась. Горизонты рвали клочья темных туч, летящих навстречу, кажется, со скоростью звука. В начале нашего подъема, с северной стороны Горы Мертвцевов, ветер еще давал какие-то возможность идти. Однако, достигнув первых черных останцев, мы засомневались в успехе восхождения. Дальнейший подъем проходил экстремально. Невидимые потоки воздуха буквально отрывали нас от земной тверди, несмотря на довольно тяжелые рюкзаки за спиной. Почти достигнув вершины, нам пришлось поспешно ретироваться на восточный склон, под прикрытие зубчатого скального гребня. На вершине происходило просто буйство ураганного ветра. Совсем не хотелось бы оказаться здесь в подобную погоду зимой.

На восточном склоне царила почти что идиллия. Безветренно, все горы и тайга залиты ласковым солнцем. Долина Ауспии тонет в радостных желто-красно-зеленых осенних тонах. Перед нами одинокая скала с памятником на верху. Перевал Дятлова. От скалы в низ ведет хорошо натоптанная сотнями туристов тропинка. Здесь благополучно горная часть нашего маршрута заканчивается.

Но не всегда наши путешествия по здешним местам проходили так гладко. Пожалуй, стоит рассказать об одной совсем не веселой истории.

Как-то мы с Виктором собирались сходить на Мань-Пупы-Нер. Однако с самого начала дело не заладилось. Месяц шли дожди, подняв уровень воды в реках до критической отметки. «Заброситься» на «Урал» мы смогли только до Ушмы. Тропа вдоль реки Ауспии превратилась в один бурный ручей проходимый только в болотниках. На тропе повстречали медведицу с резвящимися медвежатами, упорно не желавшими пропускать нас вперед. Выстрелы из ружья в воздух не имели никакого эффекта. На перевале Дятлова стало ясно — «погоды не будет»! Западный ветер с громадной скоростью перегонял через хребет сплошные потоки серой дождливой ваты, сочившейся холодными нескончаемыми струями. Со склона Холат-Чахля пришлось «свалить» в узкую долинку одного из лозьвинских притоков. Несколько часов провели, укрывшись под натянутым на скальный уступ тентом, спасаясь от ветра и дождя. Улучшения погоды не предвиделось, близился вечер. Пришлось нам спешно спускаться по ручью вниз, на границу леса, где и был устроен лагерь. И как раз вовремя: стало темнеть, холодать — надвигалась сентябрьская ночь.

«Вот тут и начинается кино...», — как пел Юрий Визбор. Первые ухудшения самочувствия, нарастание тревожности, возникли ближе к вечеру, дальше — больше. Всю ночь я провел в какой-то полудреме, полу-забытьи. Без всякой видимой причины представлялись кошмарные и ужасные кар-

тины. Размеренный звук шумящего рядом мощного потока сливался с резким, свистящим завыванием ветра в камнях. Наконец, временами отчетливо слышались какие-то невнятные голоса, будто что-то говорили мне люди, когда-то побывавшие здесь. Судя по интонации, они суматошно пытались о чем-то предупредить, предостеречь. Все это рождало какие-то непонятные страхи, можно сказать, паническое настроение. Хотелось не дожидаясь рассвета собраться и бежать с этого места. Что же за чертовщина такая творится?!

Ближе к рассвету, в сознании мелькнула страшная и простая мысль: «Все кончено». И тогда будто душа отделилась от тела. Я мог наблюдать за собой спящим, за своим спящим товарищем, собакой, мокрой от дождя палаткой, спрятавшейся под искореженными сосновыми ветками. Все окружающее странным образом виделось нас kvозь, наполнилось неслышными до селе звуками и запахами. Взгляд, подобно всепроникающему рентгену, видел все наполненные живой энергией внутренности окружающих деревьев. Можно было до самых мельчайших деталей созерцать дерево со всех четырех сторон, чувствовать его жизненную силу.

Однако вскоре душа словно вернулась, подарив просто непередаваемые словами радостные ощущения новорожденного человека. Кажется, прошлое было стерто и все начиналось с чистого листа. Все окружающее вокруг было новым, необыкновенным, незнакомым. Потребовалось некоторое время, чтобы придти в себя и окончательно возвратится «на землю». В тот же момент вернулось и прошлое, со всеми своими страхами и тревогами.

Следующим днем, дождавшись незначительного улучшения погоды, мы повернули обратно. По мере удаления от Горы Мертвецов напряжение стало спадать, жизнь возвращалась в нормальную колею. В «Книге посещений», хранящейся в скале на перевале Дятлова, мы прочитали недавнюю записку туристической группы из Перми, отправлявшейся в истоки Вишеры. Позже мы узнали, что сразу после посещения горы Мертвецов в этой группе погибла девушка...

Что же это такое произошло со мною ночью? Что же воздействует на людей в этих местах? Наличие известных нам растений — глюциногенов, на территории лагеря можно сразу исключить. Геомагнитная аномалия, выходы на поверхность потоков заряженных частиц, сгустков низкотемпературной плазмы, инфразвуковые волны, рождаемые ветром и водными потоками? Вспомнились подробности трагедии дятловцев, все выдвигаемые версии их гибели. Вспомнились многочисленные случаи гибели и пропажи людей после 1959 года, описанные в различных источниках. Что же все-таки там происходит? Ответа не было.

Уже дома, изучая материалы исследователей окрестностей горы Холат-Чахль, я узнал, что за последние десятилетия дальше гипотез и предположений дело не продвинулось. Не смотря на повышенный интерес к району у многочисленных туристов, уфологов и прочих «любопытствующих» лиц, серьезных научных исследований не проводилось. Для меня очень правдоподобной выглядит версия воздействия инфразвуковых волн (частотой 4–7 Гц), эпизодически возбуждаемых каким-то природным генератором. Таким генератором может служить сочетание различных факторов: наземных объектов — скал, камней, неровностей рельефа и определенно-направленных потоков ветра и воды. (Вспомните о практике мансиjsких шаманов устанавливать полые бревна с множеством дырочек на запретных вершинах, издававшие пугающие звуки). Такие звуковые волны не только вселяют страх и панику, неадекватную реакцию, ужас и безумие, но и при определенной частоте способны вызвать повреждения внутренних органов и гибель. Некоторые исследователи (Л. Баньковский, журнал «Наука Урала», октябрь 1990 г. и др.) предполагают влияние на людей целого комплекса природных аномалий в пределах молебных жертвенных мест.

Кстати, на следующий день после кошмарной ночи, мы неожиданно обнаружили неподалеку от места нашей ночевки полуразрушенное сооружение, наподобие сложенного из камней чума. Теперь я думаю, не этот ли чум манси-оленеводов фигурирует в деле о расследовании гибели группы Дятлова? Чумом в указанном районе, как и нартовой тропой вдоль Ауспии, долгое время пользовались оленеводы Анямовы, об этом нам позже рассказал их потомок Степан Анямов. На его памяти свои последние стада поднимали по Ауспии Анямовы из Суеват-пауля (ныне заброшенного) и из Пельма. В просторной избе, построенной ими в сороковых годах, расположенной примерно на полпути к Холат-Чахлю, оленеводы частенько останавливались перед выходом на Урал. До известных трагических событий в верховья Ауспии Анямовы и Бахтияровы очень часто поднимались для охоты на медведя и лося. Нам и самим довелось увидеть на берегу Ауспии катпос Анямовых и Бахтияровых датированный 1958 годом. Вполне возможно, поблизости с чумом, могло располагаться жертвенное место. Как всегда вопросов намного больше чем ответов.

Все это одним мигом воскресло в памяти, возвратив к пережитым впечатлениям, когда мы пришли на перевал Дятлова.

Слава богу, сегодня все обстоит по-другому.

Громада Холат-Чахля, закрывая полгоризонта, гигантской глыбой нависает над этим местом. Вокруг тишина. Стоим, молча глядя на барельеф, читаем и так наизусть известные фамилии. Оставляем короткую запись в

«Книге посещений», хранящуюся в расщелине.

С другой стороны скалы обнаруживаем новую табличку «Здесь упокоилась душа Сергея Замахаева». Естественно, возникает множество вопросов. Однако все ответы на них получаем ровно через сутки, когда неожиданно встречаем в болотах низовий Ауспии туриста из Омска. Внешне похожий на лермонтовского героя Печорина, человек сидит на трухлявом пне с ружьем на перевес. Из-за спины выглядывает здоровенный рюкзак. Лицо заливает пот. Подъем с таким грузом дается ему нелегко. Пожалуй, мы оба рады вынужденной остановке и кратковременному отдыху, возможности поговорить. С первых же слов становится ясно, человек имеет непосредственное отношение к новой табличке.

«Это мой друг. Росли вместе с детства. Служили в спецназе. Воевали. Он меня сюда привел и показал Урал. Вместе прошли вдоль и поперек Средний, Северный, Приполярный. Погиб нелепо. Урну с прахом я замуровал. Его душа и при жизни принадлежала Уралу и останется здесь на всегда. Теперь каждый год хожу сюда к «лучшему в мире Другу»...

В Кимг-Чупа-Пауле Прокопий сообщил, что пару дней назад из поселка пришла проведать свое стойбище его мать Анастасия Михайловна. Тут же хотелось бежать к ней, чтоб застать хозяйку дома. Однако Хозяин уговорил нас поужинать с ним. Тотчас в буржуйке вспыхнул веселый огонек, синий дым заполнив все пространство летней кухни, сизыми волнами потянулся вверх. Через пять минут все окрестности наполнились деликатесным тонким запахом жареной медвежатины. Что там ваша буженина с окороком... Кажется, ничего более вкусного за свою жизнь не пробовал. Теперь в полной мере начинаешь понимать гастрономические пристрастия наших далеких предков.

Через несколько минут, на тропинке, ведущей с верховьев ручья Вап-Сос, показалась маленькая рыжая собачка. «Мать идет», — сказал Прокопий. И точно, меж сосен, в густеющих лесных сумерках показалась маленькая, сгорбленная под весом заплечного мешка старушка. Она тихонько брела по тропинке, опираясь на палочку. Из-за спины виднелась берданка. Длинные черные волосы торчали из-под намотанного на голову платка. Издалека казалось, идет-бредет, поступивая клюкой сама сказочная Баба-Яга. Вблизи же Анастасия Михайловна оказалась довольно крепкой бабушкой с белым, чистым лицом и добрым, ласковым взглядом.

Весь вечер и часть ночи, как водится, прошли за чаем из золотого корешка, в разговорах и воспоминаниях...

...И В ВЕЧНОСТЬ ПРЕВРАТИТСЯ МИГ

В нашем безумном мире, суетном мире, что только не просят люди от жизни. Кто деньги, славу, новую квартиру и т. п. А я бы, наверное, попросил возможность вольно путешествовать по этим горам, встречаться с новыми людьми, пожить их таежными заботами. Удивляться вместе с ними каждому новому дню с высокой вершиной. Обозревать зеленый океан, где дым далекого костра сливаются с синевой горизонта, в тот тихий час, когда гаснет последний луч и зажигаются звезды. Радоваться удачной охоте, собранному урожаю ягоды и ореха. Это ли не счастье... Такие картины волнуют меня не меньше звуков классической музыки, лечат городскую душу. В таких местах, кажется, что и сам ход времени течет по-особенному. И здесь, как на пороге вечности, какие-то жалкие пятьсот, тысяча лет, ровным счетом не значат ничего...

Лесная размеренная жизнь текла по своему вечному кругу. Осеннее утро было прекрасным, таким, какое бывает только в августе на Урале. На розовеющем востоке рождалось солнце. Зеленые дали застилал густой синий туман. В воздухе стоял свежий аромат трав и сосновой смолы. В дрожащих каплях холодной росы на траве и кустах радугой играли солнечные блики. Веселое птичье разноголосье приглашало ступить на походную тропу. Пришло время собираться в обратный путь, теперь уже на юг, домой.

Мысли приятно уносились в волнующую даль, за горизонт, в предвкушении новой дороги, впечатлений и открытий. Мой попутчик, Витя, ворчал, что опять все куда-то спешим, еще бы денек пожить. Жажда дви-

жения вперед, когда за новым поворотом откроется неизведанное, заставляла меня поторопливать наши сборы. Одновременно в памяти со всей яркостью отпечатывались навсегда фразы, интонации, жесты, краски — как всегда перед долгим расставанием.

Наш верный пес Амур уже давно исчез из виду, скрывшись среди камней. И сейчас радостным лаем оглашал окрестности в предчувствии удачной охоты.

Собраны похудевшие рюкзаки, намечен путь.

Кажется, все обговорено, все вопросы заданы. Но точно знаешь, что пройдет несколько часов, и неизбежно станут возникать новые. Так случается всегда. Вот сейчас уйдешь и оставишь что-то, упустишь навсегда нечто важное, какую-то глубинную суть или тайный смысл. И будешь ты наверняка мучиться долгими зимними вечерами, укоряя себя за излишнюю торопливость и недогадливость.

В такие моменты всегда вспоминаются слова Олега Кувеева, что прелесть покинутых стран всегда увеличивается пропорционально времени и расстоянию.

И еще, прикоснувшись к непознанному, разглядев его отдельные кусочки, непременно захочется сложить мозаику воедино. Хватит ли на это времени, сил и здоровья....

Тропа извилистой лентой взбегала на вершину сопки по мокрому черничнику. Оттуда мы пойдем одни. Все мы: я, Витя, Прокопий замерли, обозревая открывшиеся перспективы.

Прокопий стоял на глыбе, глядя вдаль, в бесконечность задумчивым, светлым и радостным взглядом. Может именно сейчас, в этот самый момент, сбывались его самые заветные детские мечты. Он встречал новый день, искренне радуясь встающему солнцу, этим голубым, бескрайним дарам... Наступающая Осень вновь бередила душу, в пятидесятий раз даря ему пьянящее чувство легкости, невесомости, волшебное время исполнения желаний...

Душа его взмывала за взглядом вверх. Поднималась в вышину над горами, что темно-синими мохнатыми волнами спадали вниз, на равнину, парила над острыми, как лезвие ножа, каменными гребнями, выступающими из мрачных ущелий, забитых утренним холодным туманом. А туман под напором вольных ветров колышется невесомыми волнами, стелется полупрозрачной дымкой. А душа парила — над шумными горными реками, с глубокими хариусными ямками и бурунами на перекатах. Над тающими снежниками, огромными россыпями замшелых камней, венчающих границу двух континентов. Над чистыми от леса желтыми пятнами клюквенных болот, с немногими проходимыми топями. На некоторых из

них, все еще угадывались размытые следы дедовских налотовых дорог, ведущих с севера к Молебному. И над теми существующими, но невидимыми самому зоркому глазу, потаенными тропками к заповедным святилищам. Сколько же их пораскидано в дебрях, а сколько позабыто, позаброшено, вместе с могилами ушедших в нижний мир людьми. Они угадываются по рассыпавшимся в гниль и труху деревянным заставам менков, окружавших священный ура-сумьях с истлевшими деревянными и тряпичными богами прошлых поколений. Крыши таких погребальных амбаров украшают продолговатые и острые идолъские головы, где вместо глаз и рта лишь грубые зарубки. Сколько тайн и загадок хранят Сака Янтылан — Старые молебные места... Сколько таких мест Прокопию показывали старики, сколько случайно сам находил в предгорьях. В верховьях Лозьвы, Вишеры, Нилолса, Велса, Сосьвы, Ляпина, Маны на склонах Отортена, Хусь-Ойка, Гумкапая, Мунинтумпа, Мань-Пупыг-Нера.

Душа его наполнялась воспоминаниями событий, людей, какой-то древней памятью. Образы и мысли увлекали подняться вверх, воспарить над хребтом мощной языческой птицей. Лететь, с легкостью проникая через безбрежные пространства расстояний и времени.

И он уже отчетливо видит, как на севере возник Хусь-Ойка, с дымящимся костром пятисотлетнего капища. Вокруг горы многотысячные стада оленей, летние чумы кочевников, в ярких разноцветных одеждах. Многие сотни манси — охотников, танцующих в свете больших костров, на празднике удачной охоты. Он видел сильных и мудрых шаманов, в берестяных, звериных масках, с большими бубнами в сильных руках. От их ударов, рушились многотонные камни, расползались курумники на вершинах. Крепкие лиственничные боги, утопающие в подарках, смотрели вперед сурово и уверенно.

Видел он своих отцов, дедов, прадедов, молодых и здоровых. У новых свежесрубленных домов, и таких домов по ручьям и рекам Урала было превеликое множество. Народ его был крепок и силен. Верховный бог — Торум благосклонен к своему народу. Дает ему помощь и поддержку в охоте и хозяйстве, удачу в войнах и торговле.

Но вот уже подбираются к Уралу многими отрядами и по одиночке, по притокам Камы и Вишеры, с Чердыни и Новгорода бородатые русские мужики, в поисках новых земель, пушнины, рыбы, рудных богатств. Пресачиваются мимо редеющих паулей, оставляя в девственных лесах глубокие затесы будущих волоков. За ними уже крадутся царские ратники, любители поживиться золотом и серебром мансиjsких капищ. Уже загремел в воздухе грозный голос отца Питирима, насилино крестившего несговорчивых язычников. Уже зреют коварные планы купцов Строгановых о еди-

ноличном властовании над Сибирскими землями, обложении данью лесных дикарей.

...Духи верхнего мира дремали. Не предсказывали зажиревшим сосьвинским и пельмским шаманам, какая опасность надвигается с запада. А шаманы, поглощенные внутренними раздорами и войнами между родами, не слышали слабых хрипов своих богов. Хорошо, что мудрости шаманов хватило унести и спрятать Золотую бабу в неприступные болота Восточной Сибири.

Душа все летела, стремилась на север, к безлесью Полярного Урала, где высились затертые льдами крутые пики. Туда, где кончался последним маленьким островом Великий Каменный пояс. И там уже возникали смутными образами те огромные людские массы, впервые ступившие на уральскую землю, после закончившегося оледенения. Они несли в себе язык и культуру совсем другой страны. Шли, чтобы найти новую родину, и, заполнив Урал, кочевать дальше. В спину им дул вольный ветер, ветер свободы. Как это здорово, когда можно пожить на понравившемся месте, выбрать самые богатые угодья. Всем хватит места для пастбищ и охоты. Наверное, это самое главное — чувство независимости. Стать хозяином своей Земли и тогда лететь подобно свежему ветру в любую сторону и радоваться каждому камешку в хрустальной воде, каждой искореженной карликовой березке на мшистом склоне.

...А тем временем, солнце медленно поднималось освещая новые бесконечные дали. Все дальше отодвигало незримую границу настоящего и прошлого, безвозвратно уходившего в черноту звездной бездны космоса. Его теплые лучи добирались до дна даже самых глубоких каньонов, заставляя потоки воды в ручьях заиграть, заискриться веселыми зайчиками...

2003–2008 г.

НАЗВАНИЯ ВЕРШИН

Как уже отмечалось, почти по каждому названию топографических объектов существуют различные интерпретации в написании, произношении и переводе. Не вдаваясь в полемику с другими исследователями данного вопроса, считаю необходимым привести топонимические данные, собранные известным геологом Игорем Поповым, за несколько десятилетий своей работы в данном районе. (Перевод с использованием работ Матвеева А. К.)

Воттаптансяхль — Вот-Таптан-Чахль
Гумкапай — Тумп-Капай — Гора-великан
Лувнер — Лув-Нер — Лошадь-гора
Лунтхусапсяхл — Лунт-Хус-Ап-Чахль — Гора гусиного гнезда
Маньпупунер — Мань-Пупы-Нер
Манъятумп — Манья-Тумп
Мунин-Тумп — Мунин — Тумп- Гора со скалами останцами.
Нятарухтум-чахль — Нята-Рохтум-Чахль — Гора, где испугался олененок.
Ойкачахл — Ойка-Чахль — Стариk-гора.
Пум-Саюм-Нел — Пум-Саюм-Нел
Сампалчахль — Сам-Пал-Чахль — Одноглазая гора (Полуглазая гора)
Саклаимсоричахль- Саклаим-Сори-Чахль — Гора рядом с перевалом сломанных бус.
Холатчахль- Холат-Чахль — Холат-Сяхыл — Гора мертвцевов.
Хусойк — Хус Ойка — Стариk-слуга. Муравей гора.
Ялпынгнер — Ялпынг-Нер — Святой камень.

Перед началом каждой главы помещены рисунки, изображающие личную тамгу мансиjsких охотников:

Стр. 7 — тамга Прокопия Бахтиярова (2000 г);
Стр. 14 — татуировка — оберег Петра Бахтиярова (1890 г);
Стр. 23 — тамга Степана Бахтиярова (1890 г);
Стр. 55 — татуировка — оберег Федора Укладова (1890 г);
Стр. 60 — тамга Еремея Бахтиярова (1890 г);
Стр. 81 — тамга Игнатия Васильевича Бахтиярова (1890 г);
Стр. 87 — тамга Мирона Анямова (1960 г)
Стр. 116 — тамга Самбиндаловых (1970 г)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в 15–17 веках. 1930.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Изд-во Академии наук СССР. Т. 3. 1955.
- Вопросы истории Урала. Сб. статей. Свердловск. 1979.
- Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. 1998.
- Гемуев И. Н. Сагалаев А. М. Соловьев А. И. Легенды и были таежного края.
- Заплатин М. А. «В краю таежных рек»
- Издание Общества изучения Чердынского края. Вып.1.
- Климов А. и др. Народы Северного Урала. Очерки и рассказы.
- Кривошеков И. Я. Географо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск. 1980.
- Народы России. Этнографические очерки. С. Пб. 1880.
- Носилов К. Д. Северные рассказы. 1937 г.
- Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. 1904 г.
- Олард Диксон. Шаманское целительство.
- Пермские Епархиальные ведомости. 1868, 1870, 1876.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. 2005.
- Покровский К. Крещение чердынских вогуличей//Пермские епарх. Ведомости.-1868.
- Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. 1973.
- Сборник Пермского земства 1874 г, 1873 г.
- Сборник статей Археология и этнография Среднего Приуралья.
- Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в 18 веке.
- Традиционные верования и быт народов Сибири в 19 начале 20 веков. Сб. статей АН СССР.
- Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. ПГПУ.2001.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.
- Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Ч.1.
- Шаманизм. (По ту сторону.) Издательство Плоппресс.

«ИМПЕРАТОР ВСЕЯ КУТИМА»

ЛЯМПА КУТИМСКАЯ

...Мы пробирались через многочисленные совершенно не замерзающие рукава Лямпы Кутимской, в три часа ночи, в кромешной темноте, проклиная всех и вся. На дворе было шестое января 1992 года, температура минус 30 градусов. Так нужной нам избушки все не наблюдалось. Меня терзали смутные сомнения, что здесь вообще есть какая-то избушка и какой-то дед. Уж слишком не правдоподобно выглядело бы любое человеческое жилье в сих необитаемых и глухих местах, располагавшихся в пойме речки Кутим, разрезавшего глубоким скальным каньоном такой в этом месте высокий Уральский хребет. Кругом один лишь снег, лед и темнота тайги, начинавшейся сразу за берегом реки. Позади трое суток тропления лыжни по пересеченной местности, от Золотанки, вдоль по руслу Улса и Кутима. К реальности возвращал также рассказ золотанкинского краеведа и охотника Василия Хахеля о его встречах с дедом и его, к сожалению несбывшиеся, предсказания хорошей и теплой погоды. Силы с каждой минутой таяли — такого тяжелого перехода не ожидал никто, несмотря на то, что собирались не новички.

Напрочь закованный ледяным панцирем Кутим, представлял собою натуральное «асфальтовое» шоссе, в месте с нами вздымающееся к вершинам Уральского хребта. Молодой девственный январский снежок весело поскрипывал под лыжами. Только на крутых поворотах русла или над быстрыми перекатами черными рваными дырами «зияли» шумные промоины, представлявшие собой реальную опасность для проходящих в непосредственной близости от них путников.

Где-то там, на западе, за мутной заснеженной пеленой, в каких-то нескольких десятках километрах отсюда, «замороченная» перестройкой страна продолжала отмечать новогодние праздники. Здесь же, на ночном и безлюдном кутимском льду, было чертовски холодно и одиноко.

В тот момент, когда из-за поворота, на правом невысоком берегу Кутима вспыхнул яркий огонек, голову осенила единственno-верная в данный момент мысль: «А все-таки, есть оно — чудо! И Дед, — он есть!»

Все пережитые походные перипетии сделались сразу как-то мельче и не значительнее — «Мы дошли!»

«А у меня, как интуиция, знаю, что никто не придет, снег-то еще не держит, а все жду, — говорит дед, подкладывая в печку дров. И задумчиво продолжает, улыбаясь, — Не спитесь что-то, зажег свечку и лежу себе жду чего-то. А это оказывается вы... Ну, рассказывайте, как добрались, какие, где следы видели?».

Мы, усталые, рассаживаемся по нарам, от теплоты и горячего травяного чая клонит в сон. Но спать нельзя! Какое-то внутреннее чувство подсказывает, что вот оно, наконец, наступило, вот оно пришло — необыкновенное время соприкосновения с необычным явлением, с чем-то тайным, недоступным широкому кругу людей. Память чутко ловит каждый звук, каждую интонацию, каждый взгляд. Кажется, каждая проведенная минута здесь исключительно важная, последняя. Больше такой в твоей жизни не будет. Так и хочется крикнуть: «Остановись мгновенье!»

Дед нам очень рад, он радостно покрякивает, усмехается в густую бороду. Его можно понять — последний раз с людьми он разговаривал в лишь августе, когда мимо шли туристические группы с Североуральска.

...Сорок лет прожитых в тайге, как же легко и просто это звучит. Сорок лет почти полного одиночества, добровольного отшельничества, добровольного затворничества. Один на один — с тайгой, горами, зверем, беглыми зеками, охотниками-браконьерами, наконец, с самим собой. В соответствии с моим жизненным опытом, последнее, кажется, значительно превосходит по тяжести все перечисленные выше трудности.

«Карамба! Сколько чая принесли, мне теперь на полгода хватит. Самое главное в лесу што? Чай, курево, спички и соль. Без остального я обойдусь. На охоту я почти не хожу, ноги подводят и глаза ослепли. Все больше хариусом промышляю... За батарейки тоже спасибо, приемник включу, хоть новости с большой земли послушаю, опять же погоду...», — благодарит дед.

На маленьком заиндевелом оконце горит свечка. «Свечка» представляет собой сложное сооружение из консервной банки с вогнутой крышкой, фитиля и куска парафина.

«Эта лампа называется «колымский пупсик», — поясняет дед, — Изо-

брели такой в лагерях, горит очень экономично, целыми сутками, важно только парафин ставить на нужном расстоянии от огня».

Нам все интересно здесь. Хочется до мельчайших подробностей узнать про нелегкую жизнь таежного отшельника. И мы, перебивая друг друга, спрашиваем и спрашиваем. А дед, словно живая энциклопедия поражает нас своей эрудицией и памятью. Вспоминая различные случаи своей нелегкой жизни, он то смеется, то плачет, то кого-то ругает...

Кажется, вся его жизнь состоит из сплошной цепочки вот таких интересных событий. Но это только так кажется, слишком уж долгой и непростой оказалась его доля. Порой рассказ о целых десятилетиях умещаются в паре слов. Порою все наоборот...

Дед сыпет названиями европейских городов, местечек, где он когда-то побывал. Увлекшись, начинает переходить на другие языки — английский, немецкий, французский, испанский, итальянский. От истории и географии переходим к литературе. Аликин признается, что очень любит Есенина и Блока, и, к моему глубочайшему изумлению, начинает читать стихи наизусть. Проходит пять, десять минут, он переходит на немецкий. Потом принимается за Блока, Пушкина. И мне становится стыдно за собственный низкий уровень образования. Начинаешь понимать с каким неординарным и интересным человеком свела нас судьба здесь — в самом центре Уральских гор, в таежной глухомани на реке Кутим.

А за окном темно, кружится выюга. Ветер посвистывает в трубе.

«Самые трудные здесь были первые года, когда обживал территорию. Интересно было. Вот не писатель я, а то учебник можно было бы издать про тайгу, зверей. Любить, ребята, надо свою землю, заботится о ней. А мы что ж, все повырубили, зверей перебили, рыбу потравили... Начиная с французов, с 1886 года, добывавших лес для Кутимского завода, для постройки барок для сплава чугуна, кончая многочисленными исправительными учреждениями в наши дни.

С годами все наладилось в моем хозяйстве, тайга и лес кормить стали. Да еще ребята стали иногда захаживать в гости. Я им соболя — они муку, спички, порох. Беда началась с приходом на Вишеру зеков. Они же бегать давай. А дорожка-то одна на волю, через Кутим. За эти годы много народа ко мне забредало, человек пятнадцать. Двое из них только умные были, наверное, все-таки вышли к железке. А остальные так и сгинули в тайге. Я не с кем не ссорился, расскажу, как идти, продуктов немного дам... Один раз что-то прихворал, днем в избушке лежу.

Дверь тихонько отворяется и ствол автомата торчит. Потом заходят двое в черных робах. А мне что бояться? Я и не таких видывал.

«Дед, давай ружье, продукты, где дорога?», — говорят.

Я поначалу сильно испугался, жить-то тоже хочется. Дал, сколько было своих мучных лепешек, хариуса, спичек. А вот ружье не отдал, без него и сам пропаду. Думал, убьют они меня, уж больно озлобленные были. Да и погоня по следу шла. Не знаю, вышли ли к людям или запутали, но ориентироваться не умели.

А два раза и такое было — прихожу домой с охоты, а тут все перерыто, раскидано. Ножа, топора, пороха, кое-чего по мелочи нету, унесли, значит. По следам смотрю, вверх пошли — двое. А наследующий день вертолет военный кружил. Вот такие, значит, дела.

Охотился я как-то у истока Лямпы, случайно обнаружил в укромном месте неглубокую пещеру. После всех этих событий, все свои «драгоценности», соболей — стал хранить там. Незнающему человеку не найти».

Начиная с семидесятых, на Кутиме появились туристы. И, скрывавшийся от людей Аликин, потихоньку становится очень популярным человеком. Он угождал им вяленым хариусом, медвежатиной. Готовил для них баньку. И в разговорах отогревался душой. Стал заказывать им книги. Чердак своей избушки превратил в настоящую библиотеку. Шло время. Известность в здешних краях великого таежника докатилась до столицы. Сюда, на Кутим, приехала съемочная группа Центрального телевидения. А многие туристы из Свердловска, Перми, Североуральска, стали ходить этим маршрутом специально из-за Аликина...

Ну что ж, пора и спать укладываться, время пять часов. Утром снова в путь, обратно на Золотанку. Все здесь, увиденное и услышанное, представлялось какой-то далекой от понимания, нереальной историей. Мы только краем прикоснулись к удивительной жизни этого человека, хозяина этого края. «ИМПЕРАТОРА ВСЕЯ КУТИМА», — как в шутку называл сам себя дед.

И мы еще не раз будем возвращаться сюда, к деду, чтобы снова и снова поговорить с ним.

РАССКАЗ О ДЕТСТВЕ

Сергей Аликин родился 1918 году, в семье рабочего-большевика. Его отец — Петр Григорьевич Аликин работал на Мотовилихинском заводе, был активным членом РСДРП (б). В двадцатых годах назначен директором Баранчинского электромеханического завода.

Затем был начальником Всесоюзного Электрического Общества СССР. В 1932–34 годах работал в Германии, в торговом представительстве, после 1934 года приехал в Россию.

В Германии размещал заказы на технику и машины для строительства

гидроэлектростанций, в соответствии с планом ГОЭРЛО. Заказы выполнялись фирмами: Де Маг (Германия), Романд (Швеция), Эрликон (Франция). Маленький Сережа жил в Берлине с родителями.

Ему тогда было всего 14 лет, но уже тогда все соображал и потихоньку хулиганил. Мать немцев не любила и за все три года выучила всего три слова — масло, хлеб и деньги... Поэтому в магазин его отправляли одного, а он сдачу прятал от матери и потом угощал сладостями своих сверстников — немцев. В эти годы жизнь в Германии была дорогая, много было нищих на улицах, безработных и бродяг. С ними и дружил Серега, быстро освоив язык. Потом учился в пансионе, в «интернациональном» классе, в котором были — итальянка, американка и еще один русский мальчик. Затем в Немецкой Народной Школе, в мужском классе, учителя господина Пауля, было 23 человека. 15 сидят на уроках в синей форме, это социалисты, 4 в черной — фашисты, один в красном галстуке и Сергей — совсем без галстука. Тогда даже в школе шла жесткая борьба между тельмановцами и фашистами. Бывало, что и дрались. Но, несмотря на все трудности, науки ему доставались легко и учителя его любили.

Перед выборами в рейхstag в 1932 году отца отзвали в СССР, в Министерство Электрической промышленности.

После такой обеспеченной жизни все в Москвеказалось плохо. Наши люди жили хуже. В школе в первый же день заставили снять короткие немецкие штаны, а новые никак не могли купить, не было подходящего размера. Поселили Аликиных в хорошую большую квартиру в центре. Отец к тому времени был первым заместителем Пятакова, а тот был замом у Орджоникидзе. Булганин работал подчиненным Петра Аликина и частенько заезжал к нему домой.

В Москве прошли два года, затем отца командировали на Урал, возглавлять Свердлов-Энерго. Затем Петра Григорьевича направили начальником на строящийся Каменск-Уральский алюминиевый комбинат. Потом он строил заводы на Украине. Отец был очень умным и толковым руководителем. Но работа занимала все его время, да еще многочисленные партийные собрания... Один раз в месяц если будет дома, то хорошо. К 1937 году Аликины оказались в Николаеве, на Украине. Началось время массовых репрессий. Отцу приходит телеграмма: «срочно сдать Николаев-Энерго и прибыть в Москву».

Приехал он грустный — от работы отстранили, сказали: «сиди дома». Приехали на завод две комиссии, месяц проверяли его деятельность, ничего не нашли. Стал готовиться к аресту. Через месяц пришел приказ прибыть на строительство завода в Североуральск. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«НЕ ВЕРИЮ НИКОМУ...»

«... Вот пришли за мной. «Собирайся, с вещами». А я уже все понял. Думаю, сразу шлепнут. Руки за спину. А я тогда очень сильный был, думаю, рванусь головой вперед, и о стенку головой шлеп! Ну, чтобы уже мертвым взяли. Но что-то меня остановило тогда.

Приходим в кабинет, везде охрана стоит, на столе какие-то бумаги. Окно без решетки, и, если расстрел, прыгну в окно, с третьего этажа. Человек в форме зачитывает приговор. И, понимаешь, ведь как издевались: все читает по два раза — время тянет. У меня в голове вихрь мыслей. «Судебная коллегия при Президиуме Верховного Совета, Замоскворечье 17..., постановила — заменить расстрел 10 годами тюремного заключения».

И я заплакал. Значит опять жизнь, жизнь...

И стало все иначе. Первый раз я бежал с Владивостока. Меня повязали в Иркутске-втором. Много и долго били. Второй раз я ушел с Колымы, с оловянных рудников на Улькане.

Готовились к побегу долго, ведь впереди сотни километров до жилья. Мой друг, рецидивист, дядя Саша, сказал, что возьмем еще Ваську-Хохла. Я думаю, зачем же он нам нужен, худосочный такой. Бежали втроем, глубокой ночью. Топор, веревка, табак и пачка чая — вот и все наши вещи, а впереди — зима.

Около двух месяцев блуждали по тундре и тайге. Васька-Хохол всегда отставал. Когда силы были на исходе, и казалось — все, конец, как-то вечером вышли на стойбище оленеводов. Совещались не долго — свидетелей оставлять нельзя, это верная смерть. Решили напасть утром часов в пять. У якутов были собаки, ружья и самое главное — одежда, мясо. А мы были обезумевшие, настолько, что не только восемь, а и двадцать человек вырешили, не задумавшись.

Утром меня не разбудили, и я проспал. Встаю — никого нет. Прихожу на стойбище — юрт тоже нет, кругом все разбросано, и сидит дядя Саша у костра, что-то варит в котле.

«Попробуй супчика», — говорит. Смотрю, в воде плавает мясо.

«Что, без меня напали?», — спрашиваю.

Дядя Саша рассказывает, что когда проснулся, Васьки уже не было. А когда он пришел, то сказал, что сходил к стойбищу и предупредил якутов о нападении. Они ночью накормили Ваську и уехали. Дядя Саша сказал, что тут же зарубил его, разделал и сварил. Но я есть не стал, выплюнул на землю. Молча побрали дальше...

Когда выпал снег, вышли к большой реке — ее не переплыть, не пере-

ехать. Еще через два дня наткнулись на женщин, лесорубов из артели.

Около месяца отлеживались. Потом вышли на работу — валить лес. Никакой связи с внешним миром. Лишь осенью и весной приходила баржа с продуктами. Начальствовал в этом таежном хозяйстве хромой дед-инвалид. Так и остались мы командовать бабами. После лагеря это было самое счастливое время. Там же сошелся с Надькой по прозвищу Китаянка. В бараке отгородились занавеской, и стали жить. Она была очень ревнивой, даже дралась из-за меня. Да понятно, — столько вокруг баб, где от греха устоять. И вот как-то попался я. А ночью она мне всадила трехгранную финку в спину. Еле меня выходили, хорошо позвоночник не нарушился, а то бы на всю жизнь инвалидом остался. Сильный я раньше был, сильный... А вот метка на спине на всю жизнь осталась.

Весной с баржой приехал офицер НКВД, и, несмотря на хорошие рекомендации начальника, арестовали нас. Началась опять неволя.

Когда нас привезли в Нагаевскую бухту — сильно избили. Приводят к начальнику Северо-Восточного Управления лагерями полковнику Стоценко. А нас уже на свете нет, мы уже списаны были, как мертвые. Он и говорит — рассказывайте, как все было, с этого лагеря много людей бежало, но никому не удавалось живым вернуться.

Но благодаря этому, наверное, и помиловали.

«Куда же вас теперь загнать?», — думал он. И отправили нас в самое гнилое место — в залив Креста, оформив как особо опасных преступников.

На новом месте жизнь оказалась еще тяжелее. На работы не выпускали совершенно. Так прошло два года.

Один случай расскажу. Сижу как-то за колючкой, от делать нечего рисую на песке, по памяти. Вот Берингов пролив, вот Аляска, вот 68-я параллель, вот наши острова, вот американский. И, представляешь, кто-то меня продал, будто бежать собираюсь. После этого вообще о любой вылазке из лагеря можно было забыть. А, может, это мне и жизнь спасло. На работе-то чаще люди и гибли.

Раз меня к начальнику вызывают, тот спрашивает: «Бежать собираешься? Все знаешь, и когда пролив замерзает, и ориентиры?»

«Да куда я побегу, в Америку? У меня отец член партии с 1903 года. Если бежать, то домой, в Россию. Никуда я не побегу».

На следующий день после разговора меня первый раз за несколько лет послали в гараж на работу. Для меня это было неслыханной радостью.

Да... тяжелая жизнь лагерная, да еще тяжелее осознавать, что все по доносу. Сколько горя перетерпел... и били, и убивали.

Меня многие сейчас спрашивают, почему ушел от людей? А потому, что не верю никому. Вот такие здоровые, сильные русские люди избивали,

поднимали и об пол головой...

За все время лагерей ни разу не написал своей жене и детям, боялся, что и их посадят. Для них он уже умер.

ПО УРАЛУ

Когда в 1959-м году в районе горы Отортен погибла группа Дятлова, всех охотников, лесников, туристов привлекали для поиска. Аликина вызвали в Ивдель и на вертолете отправили к месту поиска. По завершению работ, погода сильно испортилась, и вертолета не было около недели. Сергей Петрович решил добираться до дома пешком.

«Отошел от горы (вершина перевала 1079 м., сейчас перевал Дятлова) километров семь и услышал шум вертолета. Не дождался, значит.

И вот я шел... А у меня, знаешь что, ни карты, ни компаса, ни продуктов. Все боялся на печорские реки свалиться и уйти на запад. По водоразделу дошел примерно до Молебного камня, гляжу; а пес у меня, к низу ушел. Наверно соболя почуял. Я соболишку-то добыл, да припоздал, пришлось ночевать в горах.

А утром просыпаюсь — шикарная погода. Весь Урал передо мной. И вот я гляжу на горы и ничего знакомого не вижу. Смотрел, смотрел и вот на горизонте заметил остроносую вершину. Стал напрягать память, елки-палки, так это же Шудья... так я же дома! После этого, уже стал собаку отпускать.

Дошел до Сибиревского прииска, там жил дружек мой — Колька Бахтияров. Стучу, их дома нет. Взял у них продуктов. Оставил записку — «Извини, Коля, был Петрович». У меня ведь 14 суток еды не было. Добудешь глухаря — половину себе, половину собаке. Дальше через Велс, через Кир-Камень вышел на Золотанку. Ребята говорят: «Петрович, куда ты, на ночь, глядя?...». А я думаю, 50 верст отмахал и еще сегодня пройду. Надеялся заночевать в Половинке в пяти километрах от Золотанки. Прихожу, а там никого, ни домика. Думаю, осталось 25 километров, да еще не на лыжах, по дороге, нужно идти. Пошел, а дорога только до Мыки, дальше все, — снег.

В этом месте когда-то погиб геолог Володька Паукин. Я виноват, я его загубил, нужно помянуть... Наломал веточек, запалил костерок, распил купленную на Золотанке бутылку, дальше ничего не помню... А холодно было — градусов 40. Мое счастье, котомку под себя положил, проснулся от холода. Костра нет, собака ко мне жмется, тоже замерзла. Такое состояние, что даже спичку не разжечь. На ноги лыжи натянул и в сторону Кутима пошел. Там запас дров, и сидел дней восемь, отдыхал.

Сколько раз водка меня выручала. Но, если бы умнее был, то ногу бы не отморозил, мы же все — герои по глупости-то...

Шел я издалека, и, не доходя до избушки километра полтора, вижу, выдра сидит. Подобрался тихонько к ней и стукнул, а она в воду. Я за ней. Поймал, а то бы под лед унесло. Прибегаю в избушку, одежда колом стоит. Так я еще обнаглел — сходил за водой на речку, потом только стал снимать кожаные бродни. А нога-то вся белая. Думал все, гангрена пойдет, однако обошлось. Дня через три опухоль спала.

«ОДИН В ТАЙГЕ»

После смерти вождя и амнистии, Аликин подался обратно на Урал. Отец, старый большевик, умер. Не с кем было поговорить, излить душу. Его личная вера в человека и в светлое коммунистическое прошлое, за что боролся отец, во что когда-то верил он сам, — все умерло в лагерях. Родные братья, с которыми и до войны общались редко, погибли. Одному из них танкисту, оторвало ноги в самый последний день войны.

Суровая и первозданная красота Урала с малолетства вошла в его душу. Хотелось спрятаться от всех под могучими ветвями древних кедров, среди старых гор и быстрых речек. Спрятаться и все забыть...

Аликин устроился на работу в заповедник Денежкин камень.

Несколько лет проработал егерем. Да только все порядки, установленные в их лесном царстве, казались ему неправильными, потребительскими. Массовые наезды партийной номенклатуры, прочих руководителей, пьянки, браконьерство — не могло понравиться. Один раз даже молодой Ельцин на Сольву приезжал, на рыбалку. Назревал конфликт с продажным начальством.

И вот в один из дней, очередной раз повздорив с начальством, Сергей Петрович решил уйти в тайгу, подальше от людей. Благо, что окрестные горы и лес, знал, как свои пять пальцев, а обширный охотничий опыт подсказывал, что один он не пропадет. Да и большая обида на людей, на действующие в стране порядки, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Вспоминалось время, убитое в лагерях, побои, та дикая несправедливость, когда он через линию фронта вышел к своим. И первый вопрос, который ему задали — «Где остальная группа, с каким заданием тебя забросили, патруль, явки...»

«Ничего, манси вот в тайге живут, и я проживу. Молодой еще был — сильный, — рассказывает Аликин, — Отшел от Сольвы не далеко, на речку Кутим. Место понравилось, на небольшом пригорке, на самом берегу реки. К осени изба была готова, можно было жить. На следующий год решил раскопать маленький огородик и посадить немного картошки. Прямо у дома наткнулся на хорошо сохранившегося, полу обугленного деревян-

ного идола. Подумал тогда: «Вот хорошо, значит, люди уже здесь жили». Истукана «приютил» на чердаке. Спустя много лет передал его с туристами «в музей, для изучения».

Не знал тогда Дед, что его хижина построена на древнейшем мансийском пути через Урал, проходящем по «Нартовой реке» — Сунья (как раньше манси называли Кутим). Вот так, уже в который раз, судьба привела его на границу исторических времен, культур и народов.

Так и появился в верховьях таежной речки Кутим единственный хозяин на многие десятки километров вокруг — Сергей Аликин. Только в низовьях реки, в поселке, у бывшего Кутимского завода, еще оставались несколько семей.

В начале Аликин думал, что проживет не долго, а осел на долгих сорок лет, на всю оставшуюся жизнь...

Основное время занимала охота, рыбалка, заготовка дров на долгую зиму. По осени, был обязательно лося, если удавалось — медведя. Тогда долгие зимние месяцы проходили спокойно, без боязни остаться голодным. Медвежье сало служило бальзамом от многих болезней. На его охотничью счету несколько десятков бурых медведей.

Соболишку, куницу, горностая тоже добывал и обменивал раз в год на продукты на Сольве. Построил несколько зимовий на охотничьей тропе, которая шла от избушки на Кутиме, в сторону Белого камня.

А в это время весь советский народ, как один, строил новую жизнь, претворяя решения съездов и пленумов ЦК КПСС, выполняя пятилетние и годовые плановые задания, осваивая целину и сибирские просторы.

Нелегкая таежная жизнь и охотничий промысел всецело поглотили его, заставив хоть на время забыть о тяжелом времени. Не было больше ни начальников, ни проверяющих, не было вообще ни кого. И он был полностью свободен. Он чувствовал себя хозяином своей, прекрасной и богатейшей земли — вековой тайги по берегам Кутима, этих укутанных, мокнатыми зелеными шапками гор, непролазных топей, старинных, заброшенных золотых шурfov и гематитовых шахт в низовьях. И больше ничего не просила его душа, она была здесь счастлива и умиротворенна.

В шестидесятые и семидесятые годы на Кутим люди практически не заходили. Не было еще туристических маршрутов с Североуральска на Вишеру, через Кутим. Не заходили в эти места и охотники. Тиши да благодать.

Охотничьи тропы изредка приводили его в старинный поселок Кутим, расположенный возле бывшего железоплавильного завода. От завода остались развалины печей, штолня, узкоколейка, да горы шлака. А от когда-то многочисленного поселка несколько ветхих домов и несколько жителей. Среди них, будто памятник далекому прошлому, — Дед Филя.

Сухой старик восьмидесяти лет, с одним единственным зубом во рту.

«И вот, стал он мне, за бражкой, свою жизнь сказывать, — говорит Аликин, — А было что рассказать... Как казаком воевал в Белой армии, как попал на Кутим. Говорит, а сам берет с окна плоскогубцы, хвать последний зуб и вырвал глазом не моргнув. Выкинул в окно и как ни в чем не бывало дальше продолжает.

Уж он через все в жизни прошел, а вот погиб нелепо. Когда переселяли последних жителей в деревню Усть-Улс, упал с лошади по дороге. Вот так...»

В 1998 году Сергея Петровича Аликина не стало.

«Закопайте меня ребята, здесь, на берегу Кутима, и напишите — «ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ БРОДЯГ СЕВЕРА».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли годы. И вот мы опять на этом легендарном месте, на берегу Кутима.

Тишина вокруг и благодать.... И все та же щемящая душу, величественная и первозданная красота.

Но как ни хороша природа сама по себе, глаз невольно ищет признаки человеческого существования среди этого таежного безмолвия. Кажется вот там, в синеве горизонта, сейчас поднимется к верху струйка дыма, и сердце защемит от близкой встречи с Дедом...

С годами, общаясь с новыми людьми, мы все больше узнавали про деда.

Так, в одном из разговоров, Аликин упомянул о загадочном озере, которое он случайно обнаружил еще в своей молодости. Он назвал его «Затерянным», потому что находилось оно в труднодоступных местах в истоках р. Мыка. О нем никто не знал из местных жителей.

В 2002 году, в конце сентября, мы организовали поиски таинственного озера. В поселке Золотанка до сих пор о нем никто не знает, кроме знакомства этих мест, охотника и краеведа — Васи Хахеля. Он согласился нас провести к озеру, хотя и сомневался, найдет ли его, ведь последний раз он был там 18 лет назад.

Наш путь лежал сначала по отсыпной дороге, оставшейся со времен освоения лесных богатств предприятием В-300, затем по заросшим просекам — в сторону Кутима. Просеки-«границы» были очень сильно заросшие, и заболоченные, что делало продвижение по ним очень трудным. Несколько раз встречали мы районы старых вырубок — еще для нужд бывшего Кутимского завода. На второй день вышли в район озера. Теперь предстояло его найти. Впятером, растянувшись цепью, мы двинулись на север. Через час крайний человек наткнулся на крутой спуск, а затем и на озеро.

Озеро поразило нас своей нетронутой красотой. Оно располагалось в круглой котловине, обрамленной пологими, но высокими берегами, затянутыми густым вековым кедрачом. У самой же воды, в мелком осиннике, резвилась яркими цветами золотая осень. Заросшая осокой и мхом болотина уходила в темные тяжелые воды озера.

Стояла тишина. Ни пения птиц, ни шума ветра — все было наполнено каким-то торжественным величием.

А тем временем наш проводник Вася уже делился своими наблюдениями — вот здесь следы недавней борьбы лося и медведя, а вон там самое глубокое место.

Вася предполагает, что озеро образовалось в бывшем метеоритном

кратере, так как в округе нет карстовых пород, к тому же расположено оно на склоне сопки и т. д.

Брега были совершенно пустынны, ни старых костищ, ни троп. Озеро оправдывало свое название.

«Я его случайно нашел, — говорит Вася, — в пылу охоты выскочил на лед, думал на Вишеру выехал, а до нее ведь 20 километров. А вот в том месте, на взгорке, я нашел старинные — больше ста лет, зарубки. Может еще при французах кто-то делал».

Холодное осенне солнце быстро клонилось к зубчатой линии леса. Вообще, вид был самый печальный. Трудно с чем-то сравнить чувство, которое охватывает тебя, когда глядишь на увяддающие краски леса. Под ногами как-то по мертвому шуршит сухой лист, трава сухая и жесткая, как волос, и только яркими зелеными пятнами выделяется сырой мох. Воздух наполнен тем горьким ароматом, который дает палый лист. Дышится легко и свободно.

Мы разводим костер, обедаем, фотографируем. Затем проводим замеры глубины озера — в пределах 10–15 метров. Нужно собираться, время поджимает, обратный путь займет целый день...

Ушел из жизни Дед, умерла баба Сима — последняя хозяйка Лыпьи, нет больше в Южаниново бабки Евдокии. И уходит с ними в небытие целая историческая эпоха в жизни Вишерского края.

Уже никто не расскажет нам о бывшей столице края — селе Говорливом, о том, как здесь взрывали церковь, и о судьбе спасенных икон. Об исчезнувших исторических деревнях — Кутиме, Усть-Улсе, Говорухе, Велгуре... О сокровищах горы Полюд, о кладах, спрятанных в многочисленных известных и тайных пещерах, о Золотой Бабе и Царском колоколе, старообрядческих скитах и святых местах манси.

И кто знает, сколько еще людей ушло и уйдет в тайгу от людей — убегая от законов, от себя, от веры. Кто расскажет про их жизнь, трудности, скитания, которые, конечно, неразрывно связаны с самым лучшим местом на всей Земле — Вишерским краем.

Не много найдется таких уголков на Урале, где сохранилась во всей своей неприкосновенности суровая красота дремучего северного леса, где перед глазами развертывается до самого горизонта величайшая панорама гор, скал, рек. И нет начала ей и нет конца. Да и сами живущие здесь люди, их быт, условия труда, их историческое прошлое полны оригинальности и неповторимости.

А если и расскажет, так это все равно не уложить в рамки книги, фотографий и видео-фильмов. А время все также будет неумолимо стирать грань между былью и легендами, явью и сказкой...

2000 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прокоп Кимг-Чупа	7
Из глубины веков...	14
На Вижae.	23
Шаманы	55
Бахтияровы.	60
Сырян — паль.	81
На Лозьве	87
Ушминский отшельник	97
Тагт-талях-ялпынг-нер-ойка	116
...И в вечность превратится миг	134
«Император всея кутима»	141
Послесловие	152

Авторы фотографий:
Михалевич С., Муканов В., Мухтаров В.

Автор выражает глубокую признательность всем,
кто участвовал в подготовке материала и издании книги,
особенно — Муканову Виктору, Бородулину Сергею,
Демакову Валерию, Мухтарову Вячеславу,
семьям Анямовых, Бахтияровых,
Самбиналовых, Пеликовых.

Автору будет интересно узнать мнение читателей книги.
Отзывы, замечания, пожелания прошу направлять по электронному
адресу — e-mail: ural592009@mail.ru

Заказ книги:

+7 902 4792062 Михалевич Сергей e-mail: ural592009@mail.ru
+7 902 8031663 Демаков Валерий e-mail: firn59@mail.ru
+7 950 4514837 Попова Татьяна.

**МИХАЛЕВИЧ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
ХОЗЯЕВА УРАЛЬСКИХ ГОР**

На обложке: Родовой тотем Николая Бахтиярова, Вижай-пауль 1998 г.
На задней обложке: Вид на истоки р. Хозьи,
Вставки: Прокопий Бахтияров. Кимг-Чупа-Пауль 2005 г.
Священный амбарчик Кимг-Чупа-Пауль 2005 г.
В избушке монаха-отшельника 2006 г.
Дед Аликин р. Кутим. 1990 г.

Редактор С. А. Бородулин
Перевод на английский язык — Л. В. Плотникова.
Перевод на финский язык — А. М. Хорошева.

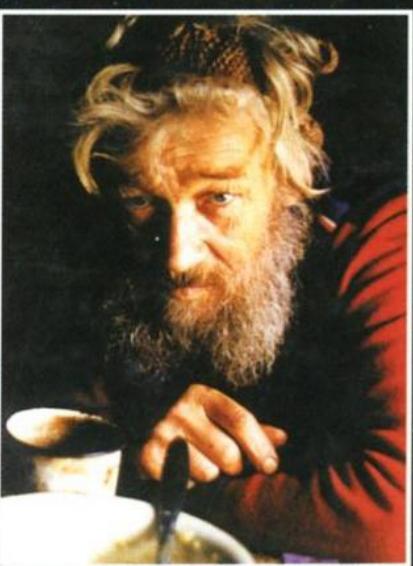
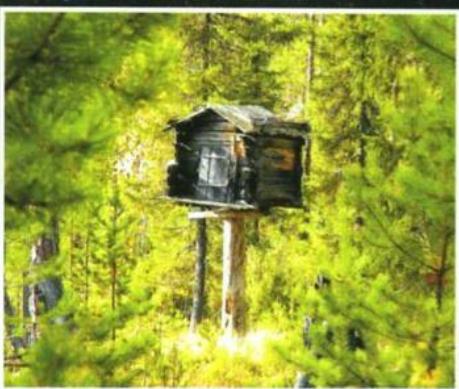
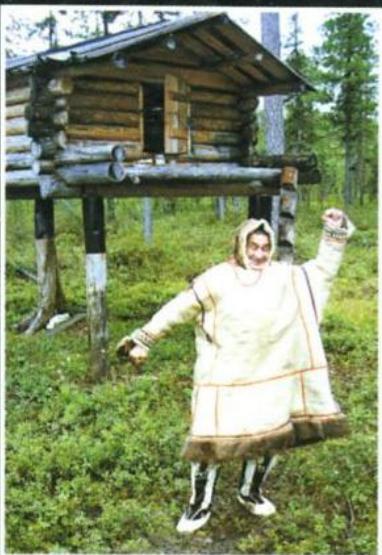
Подписано в печать 06.05.2009. Формат 62x47 1/16.

Усл. печ. л. 12,75. Тираж 600 экз. заказ №354.

Изготовлено в ООО «Печатный салон «Гармония»

614000, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Кирова, 34.

Тел. (342) 212-82-09, 212-64-59

Книга рассказывает о том, какое необычное продолжение получила одна неожиданная встреча автора с мансиjsким охотником Прокопием Бахтияровым в горах Северного Урала. Прикосновение к истории народа манси бережно сохраняемой Прокопием и передаваемой из поколения в поколение от самых древних времен до сегодняшнего времени; к экзотической для современного человека языческой вере, шаманизму и наконец, к его не претерпевшему больших изменений жизненному укладу — побудило к дальнейшему сбору и сохранению полученной информации. Во всех путешествиях автора сопровождал его друг, человек неравнодушный к странствиям и фотографии — Виктор Муканов.

Описание встреч путешественников с обитателями отдаленных мансиjsких паулей легли в основу этой книги..

В нее так же вошли воспоминания о встречах с «Императором Кутима» — Дедом Аликиным и монахом — отшельником Гавриилом, для которых древняя vogульская земля на многие годы стала родным домом.